

Като Ломб

Как я изучаю языки

ОТ АВТОРА.....	1
Предисловие к русскому изданию.....	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ЧТО ТАКОЕ ЯЗЫК?.....	10
ЗАЧЕМ МЫ ИЗУЧАЕМ ЯЗЫКИ?	
ПОЧЕМУ МЫ ЯЗЫКИ ИЗУЧАЕМ?	
КОГДА НАМ ИХ ИЗУЧАТЬ?.....	12
КАКОЙ ЯЗЫК ИЗУЧАТЬ?.....	14
КАК ИЗУЧАТЬ ЯЗЫКИ?.....	15
К КОМУ ОБРАЩЕНА И К КОМУ НЕ ОБРАЩЕНА ЭТА КНИГА.....	16
ДАВАЙТЕ ЧИТАТЬ!.....	27
ЗАЧЕМ ЧИТАТЬ? ЧТО ЧИТАТЬ?.....	29
КАК ЧИТАТЬ?.....	38
ЧТЕНИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ.....	41
КАКИЕ ЯЗЫКИ ЛЮДИ ИЗУЧАЮТ?.....	45
СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС И КОНТЕКСТ.....	58
КАК ЗАУЧИВАТЬ СЛОВА?.....	62
КОСТЫЛЬ ИЛИ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО?.....	69
ОБ УЧЕБНИКАХ.....	71
КАК МЫ ГОВОРИМ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ?.....	72
КАК НАМ ГОВОРИТЬ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ?.....	76
КАК Я ИЗУЧАЮ ЯЗЫКИ.....	78
НАСКОЛЬКО МЫ ЗНАЕМ ЯЗЫКИ.....	84
О СПОСОБНОСТЯХ К ЯЗЫКУ.....	88
«ЯЗЫКОВЫЕ ПРОФЕССИИ».....	93
О ПРОФЕССИИ ПЕРЕВОДЧИКА.....	96
ОТ ТРОПИКА РАКА ДО СЕВЕРНОГО ПОЛЯРНОГО КРУГА.....	102
ЧТО БУДЕТ С ТОБОЮ, ЯЗЫК?.....	105
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	107

ОТ АВТОРА

Если речь заходит о моих языковых познаниях, мне всегда задают три вопроса, причем всегда одни и те же. Ну а я, естественно, даю одни и те же ответы. И эту книжку я написала для того, чтобы все мы, кого интересует данная тема, могли сообща ответить на эти вопросы.

Вопрос первый: можно ли знать шестнадцать языков?

Ответ: нет, нельзя. По крайней мере нельзя их знать на одинаковом уровне. Родной язык у меня только один — венгерский. Но пять языков живет во мне одновременно: русский, английский, французский, немецкий и венгерский. Работая с этими языками, я перевожу с одного на другой в любом сочетании и в перевод «включаюсь» мгновенно. Прежде чем приступить к работе, связанной с применением итальянского, испанского, японского, китайского или польского языка, я, чтобы

освежить знания, обычно трачу полдня, просматривая свои записи. С остальными шестью языками я работаю только как переводчик художественной и специальной литературы, то есть имею здесь лишь пассивную практику.

Вопрос второй: почему вы не занимаетесь преподаванием языков?

Ответ: я не специалист в этой области. Чтобы обучать (подчеркиваю: обучать, а не изучать), недостаточно знать много языков. На вопрос анкеты о профессии я бы в шутку ответила: изучаю языки. Обучение профессия совершенно иная. Наверняка найдется много таких людей, которые перенесли ту или иную хирургическую операцию. И все же я ни за что не дала бы им в руки скальпель (и, думаю, никто бы не дал), чтобы они, опираясь на свой, возможно немалый, опыт, сами бы проделали операцию.

Вопрос третий: нужны ли особые способности, чтобы овладеть таким количеством языков?

Ответ: нет, не нужны. Думаю, что результат, эффективность всякой человеческой деятельности, за исключением искусства, зависят от степени интереса и количества энергии, затраченной на реализацию этого интереса. Люди, которые любят слово как таковое и которых занимает, при помощи каких словесных средств можно красиво и своеобразно передать чужие и выразить свои мысли, обязательно достигнут желаемого. Этот вывод я сделала, опираясь на свой действительно большой опыт работы с языками и общения с людьми, - опыт, накопленный почти за сорок лет. О своих наблюдениях я и хотела бы рассказать в этой книге.

Недостатки книги порождены моими ошибками. От тех, кто готов меня выслушать, я жду и признания ее достоинств.

Итак, я посвящаю ее читателям.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В наши дни повсюду задумываются над тем, как можно было бы быстро и эффективно преодолеть языковые барьеры. Свой посильный вклад в это дело постаралась внести и я.

Возникает вопрос: могу ли я, как автор этой книги, предложить такое решение задачи (полное или частичное), которого еще не нашли мудрые филологи и опытные преподаватели иностранных языков? Я хорошо знакома с советской методической школой преподавания иностранных языков — знакома не потому, что изучала ее, а, так сказать, практически, работая зачастую «бок о бок» с советскими переводчиками на международных конференциях и съездах. И я считаю методические достижения советской школы одними из самых высоких в мире, в отношении преподавания фонетики особенно. В разработке этой темы я принимаю участие не как ученый-языковед, методических соображений *по обучению* не предлагаю и предлагать не хочу. И если в моих скромных записках кто-то

склонен будет усмотреть методические указания (или просто мысли по этому поводу), то следует иметь в виду, что это моя личная методика, то есть методика *изучения* способом личного общения с языком без участия кого-то третьего, будь то живой человек или учебник. Короче, в споре о том, как изучать язык, я прошу слова не как преподаватель, а как *учащийся*. И опытному педагогу меня так и следует рассматривать; меня в данном случае представляет моя книга.

Нас, отдавших изучению языка годы, десятилетия, а то и всю жизнь, и тех, кто вступил на путь филологии, так сказать, не профессионально, а только по внутреннему побуждению, кто был заморожен языком, литературой, чудом общения на неродном языке, в этом мире много десятков, а может быть, и сотен тысяч. Эту группу людей про себя я называю «стихийными» лингвистами; к изучению языков они относятся ревностно, без остатка поглощены этим делом и черпают в нем такую же радость, как, скажем, коллекционеры марок, которые, не превращая своего занятия в науку, оперируют зачастую огромным количеством информации из самых разных областей знания.

Итак, моя книга, написанная вечной ученицей, обращена к учащимся, настоящим и будущим. Эта книга – попытка заочной беседы коллег, настоящих или будущих.

Думаю, наш современник, изучающий или желающий изучать иностранный язык, сильно отличается от своих коллег в предыдущих поколениях. Он уже не школяр, единственное дело которого так или иначе — учеба. Он занимается языком не под давлением обстоятельств, не обязан приноравливаться к дисциплине, ритму и учебным средствам школы. Он должен иметь свои мотивы и систему изучения языка. К тому же подавляющее большинство изучающих язык не филологи, работают в иных областях науки, на производстве, служат в государственном аппарате или армии, имеют многочисленные семейные обязанности, так что большого досуга для их увлечения не остается. Бывает, что день у них складывается так, что в него не уложишь строгий методический распорядок учебного заведения или курсов. Предупреждая возражения, скажу, что я вовсе не призываю сбрасывать со счета нормативную программу, а, скорее, хочу оказать ей помощь.

Нужен какой-то такой метод, при котором изучение языка не ляжет на плечи тяжким грузом, а будет в жизни трудящегося человека *моментом развлечения*. Метод, который предложил бы изучающему язык не как искусственно созданный учебный материал, а как самую жизнь, дал бы не упрощенные ради скорейшего усвоения тексты, а оригинальный языковой материал, лежащий в поле личных интересов учащегося и требующий только раздумий с «ключом» в руках.

Голова взрослого человека с большим трудом приравнивается к учебному диктату *извне*, каким бы мастерским последний ни был. Иное дело, когда меру и характер своей активности учащийся определяет сам: усвоение слов, оборотов, правил происходит быстрее, если учащийся нашел их *сам*, если на понимание их он *сам* мобилизовал свою духовную энергию. Самостоятельное решение задачи, как известно, всегда приносит больше радости, а радость этого типа, называемая психологами «переживание успеха», — важнейшее условие эффективности всякой деятельности, в том числе и изучения иностранных языков.

Эта маленькая книжка и посвящена описанию ряда моментов такого «изучения языка не по правилам», в котором вам, дорогие советские читатели, желает много успехов, выдержки и настойчивости преданная вам

Като Ломб

Будапешт, май 1977 года

ВВЕДЕНИЕ

Мне было примерно года четыре, когда я своих домашних удивила заявлением, что знаю по-немецки.

— Не говори ерунды!

— Никакая это не ерунда. Ведь лампа — это *die Lampe*, стул — это *der Stuhl*. А раз так, то комната тоже *die Komnate*, а стол — *der Stohl*. Скажете не так?

Если бы мои родители были знакомы с современной терминологией языковой методики, они бы сказали, что «бедный ребенок пал жертвой негативных зеркальных явлений». (Так называют совокупность ошибок, совершаемых в результате ложного обобщения сходных в различных языках лексических и грамматических явлений.) Родители посмеялись, не знаю, или погрустили, но, по-видимому, раз и навсегда решили, что я вряд ли когда-нибудь смогу овладеть иностранным языком.

И поначалу жизнь, казалось, подтверждала их мнение. На уроках немецкого языка в гражданской школе¹ я прилежно тащила в хвосте моих одноклассниц, которых воспитывала дома какая-нибудь «фройляйн», или тех, кто по происхождению были немками. И позднее, во время учебы в гимназии, меня считали языковой бездарью, так что в университет я подала документы на естественный

¹ Так называлась в Венгрии до 1945 года четырехгодичная средняя школа, следовавшая за четырехгодичной начальной школой. — Прим. перев.

факультет.

А между тем я уже попала в волшебный капкан иностранных языков. Сама я латынь еще не изучала, но, листая книги моей старшей сестры, наткнулась однажды на латинские поговорки. Зачарованная, по слогам разбирала я звучные, красивые изречения и их венгерский перевод: «Juventus — ventus» («молодо — зелено», дословно: «юность — ветер»), «Per angusta ad augusta» («лиха беда начало», дословно: «через теснины — к высотам»). Так вот, значит, из каких жемчужных кирпичиков можно строить мосты от смысла к смыслу? Несколько пословиц, выразивших народную мудрость в нескольких кристально красивых словах, -- и я влюбилась в языки.

Я умоляла, чтобы меня записали на французский, который в гражданской школе можно было изучать дополнительно. Требовательность очень полезна при прохождении любого учебного курса. Но назначение на должность учительницы французского языка бедной госпожи Будаи объяснялось, вероятно, только тем, что ее звали Кларисса². Наша директорша, наверное, думала, что человек с таким именем обязательно должен знать по-французски. Амбиции было достаточно и у меня, и у преподавательницы... Никогда не забуду, как через месяц она назначила меня дежурной и я — после долгого копания в словаре и только из благодарности педагогу — написала на доске: «La toute classe est bienne» «В классе все в порядке» – *непр. франц.*).

В университете с физикой я была не в ладах, а с химией дело шло хорошо. Особенно любила, да и сейчас люблю, органическую химию. Между тем я хорошо усвоила и латинскую грамматику.

Грамматика — это система. Кто душой и сердцем усвоил грамматику какого-либо языка, кто прошел выучку грамматики, тот подготовлен к систематизированию во всех областях систематизируемых знаний. Последнее относится, например, и к органической химии. Научившись склонению и спряжению на примерах основных фраз, по столбовому тракту логики мы сможем добраться и до самых отдаленных границ в органической химии. Нетрудно будет усвоить, что для получения все новых и новых веществ следует только всякий раз замещать другими радикалами водородные атомы двух основных органических соединений — метана и бензола.

...Приблизились выпускные экзамены, и я должна была уже получать диплом, с которым, я знала, делать мне будет нечего. В начале тридцатых годов, как известно, в капиталистическом мире разразился экономический кризис.

Нынешняя молодежь, кончающая университеты, возможно, с трудом представляет себе, как мучительно тяжело было в те времена найти себе место не только обладателям аттестата зрелости, но и специалистам с вузовским дипломом.

² Намек на героиню одноименного романа английского писателя Самуэля Ричардсона (1689-1761). Этот роман был особенно известен во французском переводе. — *Прим. перев.*

И я выбрала себе другую профессию: решила, что буду жить преподаванием языков. Только вот каких языков? Латынь я знала не ахти как здорово, учителей французского языка в городе было предостаточно — больше, чем желающих его изучать. Прочный заработок мог обеспечить только английский. Но здесь имелась другая проблема: его мне надо было прежде выучить...

Способ изучения языка, которым я с тех пор пользуюсь и которому хотела бы посвятить нижеследующие главы, я разработала для себя под руководством двух моих тогдашних наставников — нужды и жажды знаний.

Годится ли этот способ для других? Попытаюсь дать в дальнейшем ответ и на этот вопрос. Здесь же я хочу только подчеркнуть, что если бы кто-нибудь с таким же терпением и любознательностью корпел над книгами, как я весной 1933 года на ободранном диване в углу снятой комнаты — своей квартиры у меня не было, — тот достиг бы аналогичных результатов. Первой книгой для учебного чтения был один из романов Голсуорси. Через неделю я стала догадываться, о чем там идет речь, через месяц я понимала; а через два месяца уже наслаждалась текстом. Чтобы дать своим будущим ученикам знания более твердые, на всякий случай я пропахала модный в те времена учебник «Fifty lessons» («50 уроков»). Не чувствую угрызений совести и сейчас, по прошествии долгого времени, что дерзнула преподавать язык по принципу «docendo discimus» («обучая, учимся сами» — *лат.*), опережая своих учеников всегда только на пару уроков. Думаю, что недостача твердых знаний возмещалась моим вдохновением и восторженностью.

В фармацевтической лаборатории, где мне удалось между тем устроиться на полставки, я попробовала переводить и письменно. Пробные мои переводы, очевидно, не соответствовали нормам, потому что редактор вернул мне их назад с пометкой «автор перевода — смелый человек».

Следующий шаг в изучении языков, который затем окончательно привязал меня к новой профессии, действительно требовал большой смелости. В 1941 году я решила, что буду изучать русский язык.

Я бы покривила душой, написав здесь, что пошла на это, будучи политически прозорливой или из идеологических побуждений. Сейчас сказать трудно, возможно, я что-то и предчувствовала, в чем-то действительно была политически убеждена, но на первый практический шаг меня подвигло намного более прозаическое обстоятельство. Роясь в книгах букинистического магазина на Кёрут³, я обнаружила двухтомный русско-английский словарь. И больше не выпускала его из рук; помчалась с найденным сокровищем к кассе. Больших материальных жертв это решение от меня не потребовало: за два затрепанных тома, изданных в 1860 году, я заплатила ровно 96 филлеров⁴...

³ Кёрут — одна из главных улиц Будапешта. — *Прим. перев.*

⁴ Филлер — мелкая разменная монета в Венгрии. — *Прим. перев.*

В частной библиотеке я нашла несколько русских классических романов, но справиться с ними не смогла. На помощь мне пришел случай.

Однажды в Балатонсарсо⁵ в комнату маленького пансиона мы с мужем вселились сразу после отъезда одной русской семьи. Горничная готовилась выбросить весь оставшийся мусор. И вдруг сердце у меня забилося — взгляд упал на толстую, напечатанную крупными буквами книгу. Это был какой-то глупый сентиментальный роман выпуска 1910 года. Без колебаний я принялась за него и столько промаялась с текстом, что некоторые страницы помню и до сих пор чуть ли не наизусть.

Когда я смогла перейти к более серьезному чтению, шел уже 1943 год. Наступило время воздушных налетов: Будапешт бомбила американская и английская авиация. Часы, проведенные в бомбоубежищах, значительно продвинули меня вперед. Но приходилось маскироваться. Я купила толстую венгерскую энциклопедию и у знакомого переплетчика на каждую вторую страницу приклеила страницу из гоголевских «Мертвых душ». За несколько часов, проведенных в убежище, я «пропахивала» иногда целые главы. Тогда же я отточила и свою технику чтения; незнакомые слова мне приходилось «великодушно» пропускать, ведь пользоваться словарем в убежище было довольно опасно.

В том, что СССР выйдет победителем из этой войны, мы не сомневались и в самом начале, а в 1943-1944 годах это стало очевидностью, и я едва дождалась, когда смогу поговорить с первым советским человеком и ошеломить его своей литературной осведомленностью. И как только этот случай представился, я не преминула вставить, что читала «Мертвые души» Гоголя. Я не поняла, почему советский офицер так неопределенно вежливо кивает. Только позднее я сообразила, что название книги по-русски звучит «Mjortvije dusi», а не «Мэрт-виэ», как я представила себе по буквам, не зная произношения.

В начале февраля 1945 года была освобождена городская Ратуша, и в тот же день я пришла туда как переводчик русского языка. Меня сию же минуту оформили и дали первое задание — позвонить коменданту города и представить ему нового бургомистра. Когда я спросила номер телефона советской городской комендатуры, мне сказали, что достаточно только поднять трубку и там ответят. 5 февраля 1945 года в Будапеште работала одна-единственная телефонная линия.

Начиная с этого момента возможности для изучения русского языка стали неограниченными. Беда была только в том, что к тому времени по-русски я говорила бегло (и, очевидно, с ошибками), но почти ничего не понимала. Те, кому я переводила или с кем разговаривала, считали, что я глуховата, и, утешая, кричали мне в ухо, что, как только я оправлюсь от голодовки, вернется и слух; для нормального веса мне действительно не хватало двадцати килограммов.

⁵ Балатонсарсо — курортный город на южном побережье озера Балатон в Венгрии. - *Прим. перев.*

В 1946 году я попала в венгерскую канцелярию союзнической контрольной комиссии. Для лингвиста, коим я себя тогда чувствовала, более идеального места работы нельзя было и представить. В канцелярии, сменяя друг друга, звучала английская, русская и французская речь. Союзники вели переговоры, на которых я переводила. Не только расширились мои языковые знания, но я приобрела и навыки, столь необходимые переводчику. Молниеносное переключение с одного языка на другой было первым и главным, чему я научилась.

Тяга к «языковым приключениям» привела меня к новому языку — румынскому. Красивым я считаю этот язык и поныне. Он более народен, чем французский, более мужествен, чем итальянский, а благодаря обилию славянских синтаксических и лексических заимствований более интересен, чем испанский. Этот странный сплав пробудил во мне такое вдохновение, что за несколько недель я прочла один из романов М. Себастьяна и учебник румынской грамматики Ласло Галди. Сегодня говорить по-румынски я уже не могу, но у меня часто появляется возможность письменно переводить румынские технические статьи на другие иностранные языки, главным образом на английский.

Административная и переводческая работа в различных конторах сковывала мою энергию вплоть до 1950 года, когда мое воображение стали занимать две новые проблемы.

Первый вопрос, над которым я уже давно ломала голову, заключался в следующем. Действительно ли придуманный мною способ изучения языков годится и для других: можно ли приблизиться к иностранному языку через интересное для данного лица чтение? Для проверки этого тезиса случайно представилось благоприятное обстоятельство. Когда в университетах обучение русскому языку приобрело куда более широкие, чем прежде, масштабы, меня попросили вести группу русского языка. Так как речь шла о будущих инженерах, то мне казалось логичным построить обучение языку на их специальных знаниях и специальных интересах. Организовали небольшой коллектив и в том же году один за другим написали два учебника русского языка. Несмотря на все их ошибки, объясняемые нашей неопытностью, я не отказываюсь от этого «материнства» и поныне рада, что система чтения специальных текстов, разработанная тогда нашим коллективом, стала сегодня всеобщей, достоянием всех вузов страны.

Давно волновал меня и другой вопрос. Мне было очень интересно, насколько пригоден мой способ для таких языков, при изучении которых я не могу опереться на аналогии ни в германских, ни в славянских, ни в романских языках. Возможность проверить и это представилась сама собою: при Восточном институте университета впервые открылись курсы китайского языка.

Свою первую встречу с китайским языком мне хотелось бы описать подробнее потому, что я вижу в ней символ всего моего отношения к языкам, к их изучению.

Попасть на курсы было нелегко. Учащихся более охотно отбирали из среды университетского студенчества, предпочтительно филологов, а я в то время уже миновала тот возраст, в котором обычно

начинается «обработка» человека филологией. Так что на мое заявление не ответили, и я совершенно случайно узнала, что обучение идет уже несколько недель.

Поздней осенью, в сумерках, я бродила по темным университетским коридорам в поисках аудитории, где находились курсы. Обыскала все этажи. Ничто не говорило о том, что в здании кто-то есть. Я уже намеревалась сдаться, как говориться, спрятав свое желание в карман, и вдруг увидела свет в конце длинного пустынного коридора: дверь В отдаленной аудитории была приоткрыта. Пусть это покажется сентиментальной глупостью, но я и по нынешний день считаю, что темноту осветила тогда не стоваттовая лампочка, а мое стремление к знанию. Я заглянула, представилась очаровательной китайке из Шанхая, и с тех пор моя жизнь освещена красотой восточных языков.

На другой день, склоняясь над единственным китайско-русским словарем, нашедшимся в публичной библиотеке, я пыталась разгадать загадку, каким образом можно отыскать в словаре нужное слово, ведь у китайского языка нет алфавита, нет букв. А однажды на рассвете, в конце декабря, я приступила к самостоятельной расшифровке первого китайского предложения. Было уже совсем поздно, когда я добилась результата. Предложение гласило: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Между тем количество преподавателей русского языка, к нашей общей радости, настолько увеличилось, что я смогла передать свое место настоящим педагогам и приняться за новый язык — польский. При записи на курсы я воспользовалась трюком, который от всего сердца рекомендую всем моим коллегам по изучению языков, а именно: братья за уровень более высокий, чем позволяют действительные знания. Из трех потоков (начинающего, повышенного и для совершенствующихся) я выбрала последний.

— Пожалуйста, не утруждайте себя, — сказала я руководителю курсов, который старался выудить из меня хоть какие-нибудь знания, — я не знаю по-польски ни словечка.

— Так зачем же вы записались на самый сильный курс — на курс для совершенствующихся? — удивился он.

— Потому что особенно упорно надо заниматься тем, кто ничего не знает.

Моя наглость привела его в такое замешательство, что он без единого слова внес мою фамилию в список.

За два года я и в китайском продвинулась настолько, что могла уже работать переводчиком с делегациями и один за другим переводила на венгерский романы, которые мне особенно нравились. А в 1956 году я стала думать над тем, как извлечь больше выгоды из одного восточного языка путем изучения других восточных языков. Извлечь выгоды можно было, конечно, только по аналогии, и я принялась — на этот раз уже в полном одиночестве — за японский. Поучительную историю моей учебы я расскажу в другой главе моей книги.

В 1954 году мне впервые представилась возможность поехать за границу. И хотя с тех пор я объездила, можно сказать, весь мир, я ни разу не волновалась так, как разволновалась, услышав, что есть возможность поехать ИБУСом (венгерский «**Интурист**». — *Прим. перев.*) в Чехословакию. Я без промедления купила роман Ивана Ольбрахта «Анна-пролетарка» и, пользуясь своим уже привычным способом, распутала по тексту загадку склонений и спряжений. Выделенные таким образом правила я записала на полях книги. От безжалостного обращения бедная книга пришла в такое состояние, что, когда я вернулась домой, она буквально разваливалась по листочкам. После этого понимать и переводить словацкие и украинские тексты стало уже нетрудно, но вот с болгарским было тяжелее. Может быть, я неправильно подступилась к нему? По просьбе одного издательства я взялась за перевод длинной статьи. То был политический текст, и казалось, что с имевшимися у меня знаниями славянских языков можно было бы хорошо с ним справиться. И все же потери были большими — все 30 страниц моего перевода оказались чуть ли не переписанными рукой редактора. Мое знание итальянского языка имело некоторую предысторию. В начале сороковых годов один предприимчивый частник с Кёрут пытался «сплавить» итальянцам лицензию на машину, изготавливающую верхнюю часть обуви. Несмотря на добросовестное копание в словаре, в сделанном мною переводе осталось, должно быть, много туманных мест. Возможно, именно эта мистичность стиля и произвела на итальянцев такое впечатление, что они действительно купили лицензию. Мои связи с испанским языком имеют более позднее происхождение. Взялась я за него во второй половине шестидесятых годов и, краснея, должна сознаться, что для чтения воспользовалась переводом на испанский тогдашнего глупейшего американского бестселлера «Gentlemen prefer blondes» («Джентльмены предпочитают блондинок»). Прочтя книгу, я проверила себя по хорошему учебнику Рудольфа Кирая, верно ли я вывела из текста основные грамматические правила. Мои интересы все больше концентрировались на переводе: ведь Будапешт становился городом съездов и конференций. О духовной стороне этой, по-моему, самой интересной профессии я еще многое скажу в дальнейших главах. Здесь я только замечу, что мое первое выступление в качестве синхронного переводчика было настолько успешным, что один из удовлетворенных делегатов спросил, не пожелаю ли я переводить на одной из конференций в Западной Германии. Счастливая, я согласилась и, когда пришло письменное приглашение, почувствовала, что хотя бы из благодарности мне надо овладеть языком хозяев. Так, описав длинную дугу, моя карьера учащегося вновь привела меня к немецкому, изучение которого началось в свое время так бесславно.

ЧТО ТАКОЕ ЯЗЫК?

Возможно, это единственное в мире слово, с которым связано столько различных понятий — с этим, состоящим всего из нескольких букв существительным.

При слове «язык» анатому приходит в голову группа мышечных волокон, стянутых назад, к кончику и к корню. Гурман думает о вкусных кусках мяса, которые в вареном, жареном и копченом виде подаются ему на блюде. Теологу это слово может напомнить троицын день и пышные проповеди. Для писателя язык-средство, которое в своей выразительности не смеет состязаться только с природой. Для поэта — это музыкальный инструмент. И если он в руках мастера, то рождаются такие ценности, владея которыми «не останешься с пустыми руками под пустым небом» (Антал Серб)⁶. Занимающихся языком профессионально мы называем обычно лингвистами или филологами. Они занимаются теоретическими вопросами, связанными с языками, изучают взаимоотношения между языком и культурой эпохи. Нет, к сожалению, термина для обозначения занятий человека, который просто любит язык, прилежно его изучает, владеет иностранными языками или увлекается ими, как другие увлекаются еще чем-нибудь. В английском языке, насколько мне известно, разница между тем и другим типом имеется: последний называется linguist (лингвист). Так как между «philologist» (филолог) и «linguist» я чувствую такую же разницу, как, скажем, между хореографом и балериной, то за неимением лучшего я бы заимствовала второе слово и называла бы «лингвистами» тех людей, которые овладели несколькими языками в чисто практических целях или для удовлетворения своих интересов. В этом смысле словом «полиглот» я лично пользоваться не могу, потому что большинство полиглотов стали многоязычными, на мой взгляд, благодаря обстоятельствам своего рождения или случайному стечению жизненных условий, а не в результате изучения, стимулом которого был бы интерес к языкам.

А нашей темой будет просто «лингвизм» (позвольте мне пользоваться этим словом до тех пор, пока кто-нибудь не найдет лучшего для выражения данного понятия). Под этим термином я подразумеваю стремление к овладению языком в практических целях. Если в дальнейшем мы все же будем забредать в область теории, то только по двум причинам. Во-первых, потому что «лингвист»-это человек с открытыми глазами, человек просвещенный, которого интересуется и теоретическая подоплека его усердных занятий. Во-вторых, потому что такая более широкая перспектива облегчит нашу цель — правильный выбор и эффективное усвоение вожеленного языка. Поэтому я кое-где решила подвергнуть себя опасности быть уличенной, с одной стороны, специалистами в чрезмерном упрощении или неточности, а с другой стороны, учащимися в чрезмерной теоретичности.

⁶ Антал Серб (1901 — 1945)-венгерский писатель, литературовед. - *Прим. перев.*

ЗАЧЕМ МЫ ИЗУЧАЕМ ЯЗЫКИ?

ПОЧЕМУ МЫ ЯЗЫКИ ИЗУЧАЕМ?

КОГДА НАМ ИХ ИЗУЧАТЬ?

Итак, примем за точку отсчета эти основные вопросы. Начнем со второго, потому что на него легче всего ответить.

Мы изучаем языки потому, что язык — единственное, что бесполезно изучить даже плохо.

Если кто-то умеет играть на скрипке только *немножко*, он быстро увидит, что мучения, навязанные им аудитории, несоизмеримы с той радостью, которую игра, возможно, приносит ему самому. Химик-*любитель* не смешон лишь до тех пор, пока осознает чисто любительский характер своего занятия и не пытается соперничать с профессионалами. Не пойдет далеко «чуть поднаторевший» человек и в медицине, если он захочет применять свои любительские знания на практике, то его могут привлечь к уголовной ответственности как шарлатана. Принести общественную пользу любительство может, по моему, только в языках.

Мост доброй воли между людьми может быть построен даже на предложениях с грамматической точки зрения неправильных. И если, спросив с ошибками на венецианском вокзале, какой поезд следует в Милан, из-за неправильно построенной фразы мы вместо Милана уедем в Будапешт, домой, это все же лучше, чем вообще ничего не уметь спросить.

По поводу первого вопроса — «Зачем мы изучаем языки?» — написано множество статей и теоретиками, и практиками. Цель-проблема настолько важная, что несколько лет назад в ФРГ одному только этому вопросу была посвящена полугодовая международная конференция. В маленькой книжке, посвященной исключительно учебе, я ставлю данный вопрос потому, что цель определенным образом влияет и на способ достижения ее.

Но только определенным образом. Язык — это здание. Изучение его — строительство. Русский язык со всеми сводами, выступлениями, кокошниками и закомарами — сложное, гармоничное, массивное сооружение — *собор*. Славящийся своей простотой итальянский язык имеет конструкцию более простую, и архитектура его проще, но если при строительстве какую-то часть его выполнили наспех, то здание рухнет.

От мамы одного малыша я недавно слыхала следующую забавную историю. Маленький Петерке получил на день рождения свисток, барабан и трубу. Малыш попросил каждую из игрушек повесить на стену отдельно.

- Нельзя, — сказала мама, — на нас будут сердиться, если мы вколотим в стенку столько гвоздей.

- А зачем вколачивать? — удивился ребенок. — Та часть гвоздя, которая в стене, мне не нужна. Мне хватит той, которая выступает.

И маленький Петерке мне приходит в голову всякий раз, когда я слышу, что кто-то хочет овладеть языком только *пассивно*.

Всякое знание, как и гвоздь, держится только в том случае, если имеет опору внутри. Если мы недостаточно глубоко его запомним, то при первой же нагрузке оно, как и гвоздь, откажется нам служить. В здании языка есть четыре больших помещения, и жителем этого здания может называть себя только тот, кто вхож во все четыре, кто овладел всеми четырьмя навыками — речью, пониманием речи говорящего, письмом и чтением. Тому, кто хочет проникнуть в эти четыре помещения, нужно преодолеть ни больше ни меньше как всего лишь самые будничные препятствия: как Одиссею, ему необходимо *победить* циклопа. Опять-забыл-позаниматься и *устоять*, пусть даже привязав себя к мачте, не увлекаясь песней сирен "По телевизору сегодня хорошая программа».

И все же сравнение неточно. Хитроумный грек смог победить все препятствия потому, что всепоглощающей его *целью* было возвращение на родину. А изучающим языки принесет радость и само путешествие. Путь, как у альпинистов, ведет все время наверх, и на каждой новой отметке горизонт становится все шире, все краше. Если будем подходить к делу обдуманно, со смыслом, то учеба будет не напряженной гонкой, а приятной духовной гимнастикой, удовлетворяющей наши растущие интеллектуальные потребности. Мы изучаем языки еще и потому, что изучать язык интересно и приятно.

На третий вопрос («Когда нам изучать языки?») отвечает в основном глава о Среднем Учащемся, который, помимо всего прочего, характеризуется еще и тем, что это *взрослый человек*. Взрослый в том смысле, что он уже вышел из того возраста, когда новые языковые впечатления усваиваются автоматически (0-6 лет), когда вопрос «почему» не ставится или ставится крайне редко (подчеркиваю — в отношении языка); он вышел также и из того возраста (6-12 лет), когда вопрос «почему» уже возникает, но мозг еще не подготовлен к ответу на него, то есть не подготовлен к восприятию ответов на все «почему» ребенка.

Значит, в связи с вопросом «Когда нам изучать языки?» надо было бы заняться только определением верхней границы. Но делать это бессмысленно, потому что таковой попросту нет.

Не подумайте, что это мое личное мнение и что я руководствуюсь только личным опытом.

Оговариваюсь, так как боюсь, что меня обвинят в субъективности по отношению к людям моего поколения. Приведу несколько тезисов, высказанных на одной из конференций по педагогике в Венском университете:

«Исследования опровергают традиционный тезис о том, что в пожилом возрасте способности к восприятию значительно падают. Вместе с тем исследования показывают, что с возрастом темп усвоения иностранных языков, например, — замедляется (по сравнению с молодыми), но результаты, достигнутые за более длительный период, устойчивы в той же мере, что и у молодых».

И еще более ободряет другое положение: «Чем больше духовной работы индивид совершает, тем позднее старится его мозг».

«Не годы следует прибавлять к жизни, а жизнь — к годам», — гласит девиз науки о старении организма, геронтологии. Сейчас, когда средний человеческий возраст увеличился почти на десятилетие, когда растет число людей, которые «переквалифицируются» в духовно свежих, полных сил пенсионеров, располагающих к тому же временем, этой новой «жизнью», возможно, станет для многих именно изучение иностранных языков.

КАКОЙ ЯЗЫК ИЗУЧАТЬ?

Выбор очень велик!

Если верить библейским сказаниям, то обстоятельства, породившие профессию лингвиста, связаны со строительством Вавилонской башни, а точнее — со спором между богом и человеком, разрушением башни и «смешением языков»...

На вопрос, сколько языков существует сейчас в мире, точно ответить невозможно. Если раскрасить языковую карту мира символически, скажем, в семь цветов, то, как и в спектре, между основными цветами возникнет множество переходных оттенков. От итальянского к французскому путь пролегает через лигурийский и провансальский языки; можно условиться считать их четырьмя разными языками, а можно и по-другому — провансальский рассматривать как диалект французского, а лигурийский — как диалект итальянского.

В спектре языков ярче всего выделяются так называемые «мировые языки». «Радиусом действия» они как бы стремятся перекрыть прочие, более «скромные» языки. Сделать это полностью им никогда не удавалось. Даже латыни — в империи, простиравшейся от Пиреней до Дакии. Свидетельство тому — поучительная история Овидия.

На избалованного славой «владыку всех поэтов» рассердился его верховный покровитель, император Август. Воспользовавшись первой же придворной сплетней, *он* выслал Овидия из Рима, и поэт был вынужден поменять блистательную метрополию на окраину, Томы, где жили «варвары», то есть люди, не говорящие на языке римлян. Овидий страдал в ссылке более всего не от стыда изгнания, а оттого, что он, некоронованный король латыни, не зная языка местного населения, был обречен на полное одиночество. «*Nis ego barbarus sum, quia non intelligor nulli*» («Варвар здесь я, потому что никто не понимает моей речи»), — вздыхал поэт, совершенно справедливо определяя себя в новом положении. Перевести-то его воздыхания можно, но вот понять их в наше время, по-моему, нельзя или по крайней мере трудно. Ныне, когда туризм составляет значительную часть национального дохода многих стран,

местные власти наверняка окружили бы иностранца заботой и попытались бы на родном языке путника предложить ему ночлег.

КАК ИЗУЧАТЬ ЯЗЫКИ?

Думаю, что, наверное, самый надежный и самый безболезненный путь, «совершеннейший способ» овладения, скажем, английским языком — это родиться англичанином...

Ну, можно сказать, этого уже не наверстаешь! Кто десять, кто двадцать, кто тридцать, а все мы вместе много лет назад, так сказать, упустили эту возможность.

Впрочем, возможно, что некий человек с самого юного возраста и максимально долго будет жить на территории Англии.

Это уже более доступный, но тоже нелегко осуществимый путь.

Можно, прилежно и регулярно занимаясь языком два, три и более раз в неделю, через 4-5 лет достигнуть уровня, удовлетворяющего нашим требованиям.

Этот самый обычный, классический способ изучения языка я стремлюсь своей книгой лишь дополнить. Свои соображения я ни за что на свете не назвала бы ни советами, ни рецептами. Мне бы хотелось только рассказать, как практически за 25 лет я достигла в 10 языках уровня, на котором я могу говорить, а в 6 языках — переводить специальную литературу и наслаждаться художественной литературой.

Если бы шла речь только о первой возможности овладения языком, мне бы понадобилось родиться 10 раз. Среди первых десяти названных мною языков фигурируют и такие «сложные», как китайский и японский. (Слово «сложный» я поставила в кавычки не потому, что эти два языка якобы просты, а потому, что «легких» языков нет. В лучшем случае на некоторых языках человек *легко* научится *плохо* говорить.)

Волшебного «Сезам, отворись!» для иностранных языков и знания вообще я не нашла. Не нашла, потому что его не существует. И если я все-таки хочу рассказать о своем опыте, то делаю это исключительно потому, что более чем за четверть века учеба никогда не была для меня грузом, а скорее неиссякаемым источником радости. Никогда не взялась бы я за эту книгу, если бы знала, что мое отношение к изучению языков носит только и сугубо индивидуальный характер. Пишу эти строки потому, что глубоко убеждена: по моему пути может пойти всякий, кто стремится к знанию, для кого приключения на поле логики мышления не наказание, а радость.

Есть учащиеся, цели которых позволяют, а распределение времени требует продвигаться вперед темпом более медленным. Моя книга обращена не к ним. Обучение их, я знаю, в руках профессиональных педагогов — в хороших руках. Делясь своим опытом, я хотела бы только сделать

процесс изучения языков более радостным и рассеять разочарования тех, кого обычный темп не удовлетворяет.

К КОМУ ОБРАЩЕНА И К КОМУ НЕ ОБРАЩЕНА ЭТА КНИГА

Книга моя обращена к несуществующему на самом деле типу человека — к Среднему Учащемуся. «Усредненность» — это самая отвлеченная вещь в мире. Всякий раз, читая статистические сводки, я пытаюсь представить себе моего несчастного современника, Среднего Человека, у которого имеется, скажем, 0,66 ребенка, 0,032 автомашины и 0,046 телевизора.

Вот и сейчас перед моими глазами парит такой Средний Учащийся. Именно ввиду его неопределенности хотелось бы рассмотреть его поближе.

Его возраст — между 16 и 96 годами. Род занятий самый разнообразный — студент, садовник, зубной врач, портной, пенсионерка, главный бухгалтер. Два обстоятельства характеризуют его — у него не может быть слишком много или слишком мало свободного времени.

Если кто-то может посвятить изучению языка неограниченное количество часов, то плотность материала и темп могут быть сколь угодно большими, а, следовательно, их обсуждение в задачу моей книги не входит. Если же кто-то не в состоянии пожертвовать для этого и час-полтора в день, то предлагаемым способом (впрочем, и *никаким* иным способом) желаемого результата он не достигнет. Так что эти крайние случаи в характеристику Среднего Учащегося не входят.

Желательно иметь некоторую заинтересованность по отношению к *общим* вопросам, выходящим за пределы практических проблем изучения языка, и небольшое здоровое недовольство тем темпом, который диктуется старыми, солидными и правильными методами.

Хочу заметить, что более высоких темпов требует, по-моему, и сама эпоха, в которую мы живем. Ведь метод обучения должен отвечать требованиям соответствующей эпохи.

Я не хочу вдаваться в сложные философские и социологические рассуждения. К теме моей книги они относятся только косвенно. Позвольте мне перевести вышеприведенный тезис на язык педагогики в такой вот редакции: *во всякую эпоху на передний план выходили такие методы изучения, которые соответствовали социальным потребностям данной эпохи.*

В кратком обзоре истории изучения языка я начинаю с первого века до нашей эры, и делаю так не потому, что, как писал немецкий писатель-юморист Курт Тухольски, нельзя считать серьезным такое исследование, которое не начинается словами «Еще древние римляне...». Нет, не поэтому. О римлянах пойдет сейчас речь потому, что именно в эпоху Древнего Рима наша профессия лингвиста покрыла себя вечной славой.

Римляне, опьяненные успехом первых завоевательских походов, бросили свои военные силы на Грецию, стоявшую на более высоком культурном уровне и говорившую на более развитом языке:

Graecia capta ferum cepit captores et artes

Intulit agristi Latio... (Horatius)

Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,

В Лаций суровый внеся искусства...

(Гораций, «Послания», II, I., перевод Я. С. Гинцбурга)

Победившие римляне с жадностью накинулись на древнюю культуру эллинов. И для ее усвоения они избрали способ, носящий отпечаток той эпохи. На повозках, груженных награбленным добром, которое завоеватели отправляли в свой Лациум, сидели — а то и тащились вслед за ними — греческие пленники, будущие наставники римской молодежи.

Судьба первых преподавателей языка была незавидной. Своим господам они нужны были лишь до тех пор, пока из них можно было что-то «выдоить». Как только римский юноша, «*adolescens romanus*» с черными локонами и орлиным носом, начинал томиться учением, его учитель греческого языка сразу же превращался в «*instrumentum vocale*», говорящее орудие, пригодное для любого другого рабского труда.

С течением времени обогащенный латинский язык в свою очередь обогатил мир не менее прекрасными произведениями литературы, чем греческий. А в феодальную эпоху знание латыни стало признаком принадлежности к особой касте, тем, что по-английски называется ныне «*status-symbol*». Как орудие социального расслоения, знание латыни было использовано для оттеснения и подавления всех социальных групп, прослоек и классов, у которых не было привилегий образования. Женщина, знавшая по-латыни и по-гречески, была редкостью, и обучение женщин этим иностранным языкам считалось извращением нравов. В Венгрии, где до середины прошлого века латынь была официальным языком, такое положение сохранялось еще дольше, чем в других странах Европы. Жены высокопоставленных дворян в романах Миксата выходят из себя, когда их мужья «дискутируют» между собой на латыни, как бы указывая тем самым своим супругам, где должно быть их место. Ясно, таким образом, что «неблагородные» горожане, стремящиеся пробить себе дорогу, использовали и такое средство, как знание двух классических языков. Овладевая ими, молодая буржуазия стремилась, с одной стороны, возвыситься до феодального дворянства, а с другой — отгородиться от всех тех, кто ни латыни, ни греческого не знал. Родился новый тип школы — гимназия. Система преподавания в ней была построена на изучении этих двух языков. Духовный мир, основанный на зубрежке языковых

правил и закономерностей, очень даже отвечал и казарменной атмосфере немецких интернатов, и системе воспитания в английских «public-school», вырождаясь зачастую в садизм. Может быть, не случайно слово «disciplina» (дисциплина) имеет два значения: учебный предмет и установленные рамки поведения?..

Сам факт, что первоначально предметом по-настоящему массового изучения иностранных языков были два мертвых языка, определил на долгое время и самый способ преподавания. И понадобилось целое столетие, чтобы освободиться от его засилья.

Латынь и греческий мало способствовали развитию общения. Не могло быть и речи о том, чтобы учащийся смог *почувствовать*, как элементы этих языков превращаются в строительные кубики, которые так и льнут к его рукам, словно испрашивая позволения помочь выражению каприза мысли или настроения. Не могло быть и речи о том, что мы сейчас так старательно подчеркиваем и чего добиваемся.

И еще более естественно, что зубрежка правил совершенно оттесняла на задний план проблемы произношения, тем более что голоса предков, живших до нашей эры, не были ведь записаны ни на пластинку, ни на магнитофонную ленту. Насколько мне известно, проблема произношения в древних (классических) языках не решена и по сегодняшний день. В Англии, например, привычные для нашего слуха «Цезарь» и «Цицерон» звучат как «Сизэ» и «Сисероу», а в Италии «Чезар» и «Чечеро». Впрочем, дольше всего и упрямее всего держалась за догматические методы преподавания иностранных языков именно Англия. Парламентские протоколы увековечили случай, когда один из выступавших лордов застрял вдруг на середине латинской цитаты и все члены палаты лордов поднялись и хором эту цитату закончили.

Латинский и греческий дольше всего продержались в английских школах якобы потому, что Великобритания всегда была хранительницей традиций! Ученик, имеющий хотя бы самое малое понятие о классических языках, легче усваивает и правописание (так называемый «spelling»), которое у англичан едва-едва связано с произношением. «Ocean», звучащий как «ошн», «theatre», звучащий примерно как «сиэтэ», сразу становится проще написать, если почувствуешь за ними известные из латыни и греческого «oceanum» («okeanos») «theatrum» («theatron»).

В те десятилетия, о которых шла речь выше, то есть приблизительно до середины прошлого столетия, аристократия знала иностранные языки (помимо изучения) благодаря бракам, далеко перешагивавшим государственные границы, а население городов — благодаря иммиграции иностранцев и эмиграции за границу. К концу прошлого столетия произошел сдвиг — интерес к живым иностранным языкам настолько возрос, что возможности, открываемые географическим положением страны и семейными обстоятельствами, оказались недостаточными.

Почтовые дилижансы были вытеснены поездами. Страны стали ближе; оживился интерес к народам, живущим за границей. Торговые отношения требовали новых форм языковых знаний — владения живым, разговорным, повседневным языком. Эпоха созрела для рождения более современного способа овладения иностранным языком, и на сцене появился маэстро Берлиц, а затем и многочисленные его последователи.

Суть метода Берлица заключается в том, что связь между предметом (понятием) и его иностранным названием устанавливается без посредства родного языка.

Когда герой романа Фридеша Каринти «Капилляррия» потерпел кораблекрушение и предстал перед королевой морских глубин, он попытался привлечь к себе внимание, пользуясь вышеназванным методом: «Пользуясь блистательным методом Берлица, я показал на себя и сказал: „Человек"».

Этот так называемый непосредственный метод сверг с трона *перевод*, безраздельно господствовавший в преподавании классических языков. ' Метод этот служил основой преподавания языков на протяжении нескольких десятилетий, все более совершенствуясь. Новые требования определили и *темпы изучения языков*.

Молодые люди обычно начинали изучение иностранных языков в возрасте примерно десяти лет и ко времени приобретения общеобразовательных знаний бывали знакомы с одним или, возможно, с двумя языками. Однако и эти методы преподавания были эффективны только в рамках занятий с частным преподавателем (либо в группах с количеством учащихся не более двух-трех человек). Учебный план школы реализовался зачастую (если это был не какой-либо специальный план) способами и методами, *унаследованными из предыдущей эпохи развития педагогики*.

Грамматическая муштра, зубрежка исключений, встречающихся на каждом шагу... Не удивительно, что молодежь, оканчивавшая гимназии, средние школы, после шести-восьми лет изучения, скажем, немецкого языка покидала стены учебных заведений, что называется, с «пустой головой».

Возможность приобрести более или менее пригодные языковые знания имела только у детей из состоятельных семей, и то лишь в случае, если родители были готовы к жертвам, а дети вкладывали необходимое количество усилий. В системе гувернанток, «мисс», «мадемуазелей» и «фройляйн» (системе с точки зрения изучения языка, надо признать, очень эффективной) нетрудно увидеть отношение римлян к своим греческим педагогам. Задачей этих беспощадно эксплуатируемых «девочек и мальчиков на побегушках» было не только преподавание языка, но и обучение вверенных им отпрысков «хорошим манерам». У меня, надо признаться, очень определенное мнение об этих бывших представителях нашей профессии. Во-первых, зачастую эти «фройляйн» были передовыми борцами за эмансипацию женщин, борцами, которым пришлось особенно трудно; и, во-вторых, нередко они были единственными, кто в бескрайнем мещанском болоте тогдашней Венгрии нес эстафету культурных ценностей.

Между тем подросло еще одно поколение, которое в свою очередь стало относиться к иностранным языкам иначе, чем те, кто был молод в период между двумя мировыми войнами. Вновь стали другими цели, изменились побудительные мотивы.

До сих пор знание иностранных языков составляло часть *общего образования*, и стремление овладеть языками исчезало, как только учащийся начинал самостоятельную трудовую жизнь. Таким образом, изучение языков совпадало во времени с получением образования вообще, которое преподносилось под девизом «подготовки к жизни»: медленный темп обучения не противоречил быту учащихся. Для тех же, кто вступил в большую жизнь после второй мировой войны, потребность в изучении иностранных языков не иссякала с окончанием учебы; *новые цели* не позволяли им строить такие перспективные планы, выполнение которых требовало бы длительного времени. Жизнь в мире становилась все более напряженной и интенсивной. Соприкосновение с носителями других языков ныне уже не является привилегией профессиональных дипломатов, коммерсантов, ищущих новые рынки сбыта, или страдающих от скуки богатых бездельников, скитающихся по миру. С иноязычной речью мы встречаемся в нашей повседневной работе и на отдыхе бесчисленное количество раз; личные интересы и любознательность, дружеское расположение и стремление к реализации своей личности в новых обстоятельствах требуют как можно более скорого изучения чужого языка. Но отношение людей к учению коренным образом изменилось и под влиянием техники.

Тот, кто добирался из Будапешта до Вены не за три дня на перекладных, а за час на самолете, кому по ночам светит не газовая лампа, а неоновые бра, включаемые нажатием кнопки, тот потребует менее утомительных способов и при изучении иностранных языков.

Человек — да простят мне неизбалованные люди такие обобщения — все-таки избаловался. От техники мы требуем ныне облегчения не только физического труда, но и умственного: самый современный, так называемый аудиовизуальный способ обучения направлен на снижение нагрузки, необходимой при изучении языка и связанной с процессом *запоминания*. Однако новые способы позволяют усвоить и такой чрезвычайно важный аспект общения говорящих на разных языках, как хорошее *произношение*.

Даже бравые последователи Берлица, преподававшие с упором на «непосредственный метод», считали более важным безошибочное перемалывание редко употребляемых глаголов в еще реже употребляемых временах, чем хорошее произношение и акцентировку.

От аудиовизуального метода, основанного на последовательном включении слуха и зрения, ждали чудес, а получили всего лишь неплохие практические результаты. Большим преимуществом этого метода является частая повторяемость учебного материала. И здесь нужно еще раз подчеркнуть, что повторение при изучении языка — элемент такой же необходимый, как резец в токарном станке или поршень в цилиндрах двигателей внутреннего сгорания. Впрочем, эту простейшую истину открыли

раньше, чем изобрели мотор вообще. «*Repetitio est mater studiorum*» («Повторенье — мать ученья»),- говорили еще наши предки римляне.

Избалованному дитяти нашего века очень даже по нраву эта разгрузка мозга от сознательной концентрации, от подключения в как можно большей мере органов чувств. В школах XIX века изучение грамматических правил было *самоцелью*, а в наши дни начинают утверждать, что сознательное владение закономерностями языка якобы ни ценности, ни интереса не представляет. Жаль, как говорят, тратить на это дело мозговые клетки. На этом принципе основывается так называемый иммерсионный («погружающий») метод. Не случайно, что он родился в Соединенных Штатах, где удобство — всеобщий кумир. Иностранные языковые формы вдалбливаются многочасовой ежедневной муштрой, бесконечным повторением без какого-либо раскрытия их теоретических взаимосвязей. Мыслить — смертный грех, осознание сказывается на результатах якобы отрицательно. Руководители таких курсов английского языка для зарубежных преподавателей не устают жаловаться на своих слушателей, которые оказывают упорное «интеллектуальное сопротивление» механическому усвоению материала.

Какое-нибудь языковое правило — как, например, во французском согласование прилагательного и существительного — можно выучить, осознав, что женский род прилагательного образуется обычно путем прибавления «е» к прилагательному мужского рода. Но можно и по-другому, что потребует значительно меньше умственной работы, проделав автоматически эту операцию на бесконечном количестве примеров: «*le parc, le champs, le jardin est grand*» (парк, поле, сад — большой), но: «*la maison, la salle, la chambre est grande*» (дом, зал, комната — большая), — и под воздействием такого непрерывного вдалбливания в голове тоже сложится правильная форма согласования.

Теплой дождевой мороси повторения избалованный мозг оказывает сопротивления меньше, чем требованию сознательной концентрации. Я подозреваю за этим эффект того же процесса, который захватил современную молодежь, не могущую оторваться от экрана телевизора.

Никто не оспаривает культурно-просветительской значимости этого замечательного достижения техники. В своей книжке я не собираюсь также говорить о том, что значат хорошо составленные программы для отдаленных деревень или для жителей больших городов, которые вынуждены оставаться дома из-за трудностей коммуникаций в крупнонаселенных пунктах вообще. За изображением на экране легче следовать, чем за буквами; обленившееся воображение реагирует на движущееся изображение быстрее, чем на неподвижное, озвученный кинокадр требует минимальных духовных энергозатрат. Сопереживание достигается ценой минимального напряжения. По-моему, наша молодежь — честь и хвала исключениям! — читает недостаточно.

И все-таки, при всем том беспокойстве, с которым наше поколение, воспитавшееся на книгах, следит за отрицательными последствиями массового распространения кино, радио и телевидения, следует

признать, что эти достижения техники, помимо поднятия общего культурного уровня, очень много сделали как раз для *изучения иностранных языков*. Целью изучения языков является ныне — и это необходимо подчеркивать вновь и вновь — в первую очередь возможность установления контакта и взаимопонимания между самыми разными народами.

Именно радио, магнитофон, проигрыватель оказывают нам большую помощь в понимании речи наших иноязычных партнеров, в правильном выражении собственных мыслей. Этими техническими средствами в различных комбинациях и формах и пользуется аудиовизуальный метод.

Против применения этого метода не может быть никаких возражений, а если и возникает озабоченность, то это озабоченность тем, что применяется он все же недостаточно. И еще мне кажется, что аудиовизуальные средства не исчерпывают всех проблем изучения языка.

Техническое оснащение, которого требует аудиовизуальный метод, все же доступно не всем школам, не говоря уж о тех, кому эта книга посвящена прежде всего, — *изучающим язык взрослым людям!*

Даже если представить себе идеальное положение, при котором данные вспомогательные средства предоставлены в нужном количестве и в течение нужного времени всем Средним Учащимся, то и тогда мы не назовем этот метод единственно пригодным для взрослого опытного ума.

Когда малыш начинает ходить в школу, первые несколько дней родственники провожают его, ведя за ручку. Потом ребенком начинает руководить уже привычка, память, перешедшая в автоматизм: у этого угла я сворачиваю, а от того здания надо идти налево. Но если в незнакомом месте — скажем, в чужом городе или в неизвестной части города — оказывается взрослый, он начинает искать более быстрый способ ориентации, который привел бы к цели путем более коротким. Он вынимает схему и по ней определяет необходимые вехи на своем пути. Эти вехи — правила, разработанные нами же самими. Отказаться от них, пользоваться в поисках только детским методом проб и ошибок было бы просто несуразно. Мы же взрослые! Остановимся на минутку на этом тезисе и обратим внимание на часто звучащую полуистину. Обычно говорят, что взрослый должен изучать иностранный язык так, как в свое время он усваивал родной язык. Такое утверждение я считаю неправильным. Взрослого человека ввести в атмосферу детского мировосприятия так же невозможно, как и одеть в детские ползунки или поместить в детский манеж.

Одной из характерных особенностей ребенка является то, что он еще вовсе не научился говорить. Латинское слово «*infans*», перешедшее во многие европейские языки, а в языке психологии ставшее международным (инфантильный, инфантильность), — слово составное: приставка плюс глагол в форме причастия настоящего времени — *in-fans* (не-говорящий).

А когда ребенок начинает разговаривать, то с предметом и его названием он знакомится одновременно. Внешний мир раскрывается перед ним медленно, постепенно. Он научился говорить, потому что к этому вынудил его жизненный инстинкт (самая важная мотивация!).

Взрослый человек располагает уже богатым умственным и эмоциональным миром. У него сложились не только образ мышления и чувствования, но *вторая сигнальная система, язык как средство общения*, выражения мыслей, чувств. И всю эту *сложившуюся* систему необходимо теперь перестраивать.

Одна моя знакомая учительница во время войны вынуждена была скрываться от террора нацистов (венгерских фашистов. — *Прим. перев.*) вместе со своей ученицей; целыми и невредимыми они дождались Освобождения. Десятилетняя девочка уже весело болтала с советскими офицерами, жившими с ними в одном дворе, а учительница все еще боролась с языковыми трудностями. «Евочке легко, — утешала она себя, — на иностранный язык ей нужно перевести только четырехклассный запас знаний, мне же — то, что я получила в начальной, средней школе, гимназии и университете, то есть пройти их в себе заново».

Способности ребенка и взрослого отличаются друг от друга и в положительном, и в отрицательном смысле. Ребенок усваивает то или иное путем автоматическим, взрослый — путем логическим. Наглядный пример этой общеизвестной истины я видела недавно в соседней школе на экзамене первоклассников. Семилетние судари и сударыни с достойной зависти уверенностью по четверти часа подряд сыпали стихотворными и прозаическими текстами, которые они своим свежим умом впитали, что называется, и глазом не моргнув. И те же дети совершенно опешили, когда в связи с одним из стихотворений учительница спросила у них: «Почему мы называем корову домашним животным?» Воцарилось молчание. Честь класса спасла бойкая белокурая косичка: «Потому что она *не дикая*». Наш взрослый мозг сопротивляется, когда повторяется то, что мы уже слышали. А ребенок любит только ту информацию, которая уже многократно пропущена через его сознание. «Расскажи сказку про курочку-рябу», — просит он уже, наверное, в сотый раз.

Одним из признаков взросления является более полновесное осознание человеком слова. Чем образованнее человек, тем отчетливее он осознает значения слов, *понятия*, которые кроются за ними, тем реже и тем слабее испытывает он необходимость представлять мысленно ради понимания иностранного (или вообще нового) слова физическое содержание его.

Этот окольный путь я позволила себе проделать только затем, чтобы подчеркнуть, что взрослый не может изучать иностранный язык тем же способом, каким он в свое время усвоил свой родной язык. Технические средства аудиовизуального метода, обещавшие чудеса, несколько разочаровывают именно потому, что вторая сигнальная система взрослых людей (мир слов) является *таким же сильным раздражителем*, как и зрительный образ. Чтобы выучить, скажем, иностранное слово, соответствующее слову «дерево», взрослому не нужно видеть это «иностранное» *дерево* ни в натуральном, ни в нарисованном виде, ни в форме «модели», склеенной из бумаги и прутиков, как это делается и поныне в английских школах Индии.

Подчеркнуть разницу в реакциях взрослого и ребенка необходимо еще и потому, что большая часть современных учащихся находится уже в иной возрастной категории, чем, например, четверть века назад. Средний возраст учащихся на ставших популярными курсах иностранных языков Венгерского общества по распространению знаний составляет 30 лет.

Причиной изменения среднего возраста учащихся является появление новых жизненных целей.

Следствием — *новые* результаты в изучении языка. Наши коллеги, взрослые учащиеся, овладевают иностранными языками быстрее и лучше, чем наши дети за школьными партами. Нетрудно угадать, почему: они ставят перед собой, если можно так выразиться, более благородные, более перспективные цели, чем школьники или студенты, которые работают над языком большей частью по необходимости или, хуже того, просто ради зачета или удовлетворительной отметки на экзамене.

Взглянем мужественно в лицо фактам: венгерские юноши и девушки, оканчивающие специальные школы, гимназии, институты и университеты — об исключениях я не говорю: честь им и хвала, — русского языка не знают. Не знают его точно так же, как не знают других обязательных иностранных языков, как не знали в свое время немецкого их родители, И положение их еще труднее: предыдущее поколение имело с немецким языком связей больше, чем нынешнее — с русским: во многих семьях по-немецки знали бабушки и дедушки, а по соседству нередко жили саксонцы или швабы, образующие в нашей стране, как известно, национальное меньшинство.

Доктор Тамаш Адамик приводит данные, согласно которым из 113 учащихся, хорошо знавших русское склонение и спряжение, а также необходимые слова, изучавших русский язык на протяжении 4-7 лет, всего только 4 человека могли правильно попросить стакан воды!

В недостаточной эффективности школьного преподавания русского языка повинны не азбука, как многие почему-то думают, — начертание букв можно усвоить в любом возрасте за несколько дней; не метод обучения, порвавший с ошибками приемов обучения в прошлом и отвечающий современным требованиям; не новые учебники — львиная доля их построена на современных принципах, и не сам язык — он не труднее латыни или французского! Дело в другом. Время, затрачиваемое на изучение, обычно недостаточно для приобретения основательных и устойчивых знаний.

Насколько это верно, показывают так называемые специализированные школы. Если количество часов в неделю, как в «языковых» школах, достигает 6-8, то школьники покидают стены учебного заведения достаточно подготовленными и располагают таким знанием иностранного языка, какое вполне достаточно для практической жизни. Большая часть венгерских переводчиков русского языка вышла именно из школ, где проходится особо интенсивная программа по русскому языку.

Горький опыт, но заявить о нем надо обязательно: время, потраченное на изучение, будет напрасным, если не достигнуть определенной плотности занятий в неделю, и еще лучше — в день.

Серьезные люди обобщений обычно избегают. И все же напрашивается вывод, опирающийся на статистические данные: в среднем минимальное время для эффективного изучения языка составляет 10-12 часов в неделю.

Так пусть же каждый, кто начинает изучение нового языка, составит прежде баланс своей занятости! Если он не может или не хочет затратить необходимого времени, то, прежде чем начать, пусть дважды подумает!

Минимальной плотностью занятий я называю 10-12 часов из 100-120 часов бодрствования в неделю.

Возникает вопрос: является ли эта плотность наиболее благоприятной?

В Венгрии успешно экспериментируют с так называемыми «интенсивными» курсами. Однако прошло еще недостаточно времени, чтобы убедиться, насколько устойчивы знания, приобретенные за столь короткое время.

Минимальная учебная концентрация, о которой я говорила выше, является со всех точек зрения величиной всего лишь средней, но, вернувшись из «исторического экскурса» к изучению иностранного языка работающим взрослым человеком, давайте руководствоваться именно этими средними данными.

Если принять за основу тезис, что за время, меньшее чем 10-12 часов в неделю, эффективное усвоение языка невозможно, тут же возникает вопрос: за счет чего может выкроить столько часов современный человек, страдающий от постоянной нехватки времени, и тем более женщина?

По старому, классическому распределению 24 часов суток мы затрачиваем:

восемь часов — на работу,

восемь — на отдых или развлечения,

восемь — на сон.

Сколько времени мы можем оторвать для изучения языка от сна, могут сказать только футурологи, заглядывающие в будущее. Гипнопедия (учеба во время сна) не такой уж и новый метод, как обычно думают. Он был испробован уже в 1916 году. Материалом служили тогда, правда, не иностранные языки, а азбука Морзе. Однако ввиду того, что об этом методе известно относительно немногим, заслуживает некоторого внимания вопрос: как он применяется? Подлежащий изучению текст (на родном и на избранном иностранном языке) отпечатывается на машинке и наговаривается на магнитофонную ленту. Каждая порция состоит примерно из 30 слов и 10-12 коротких предложений. Учащиеся знакомятся с этим текстом, затем ложатся в кровать и повторяют его несколько раз за диктором. Выключается свет, подача «гипноинформации» идет еще в течение 40 минут на все уменьшающейся громкости. Рано утром, перед пробуждением, этот процесс повторяется в обратном порядке: включается магнитофон и сначала тихо, а потом все громче гипноинформатор повторяет текст. Через 25-30 минут громкость достигает такого уровня, что учащиеся просыпаются. Им вновь

раздаются тексты, на этот раз только на родном языке, и обучающиеся записывают усвоенный иностранный «эквивалент».

Опыты показывают, что за 18 «порций сна» усваивается в среднем 800—900 лексических единиц, то есть в 6-7 раз больше, чем за то же время при использовании традиционных методов обучения.

Результаты обнадеживающие, и с точки зрения здоровья процесс считается «вероятно безвредным».

Однако мы еще не можем опираться на это кажущееся перспективным решение. Нам следует исходить из реальностей: *подключать изучение языка или к работе, или к развлечению, или к отдыху. И не в ущерб, а в дополнение.*

Что означают эти на первый взгляд «сапоги всмятку»?

Рассмотрим для начала *работу*. Значительную часть труда современного человека составляет постоянное повышение квалификации, как говорят у нас «плюс учеба».

Мы много говорим о том, насколько важно знание языков с точки зрения расширения специальных знаний инженеров, квалифицированных рабочих и преподавателей музыки, врачей и работников торговли, — все профессии перечислить просто невозможно. Перевернем еще раз вопрос и поговорим о том, *какова роль профессиональных знаний в изучении языка?*

В разговоре, беседе на иностранном языке специальные знания играют роль как бы переводчика; при чтении на иностранном языке они выполняют функцию как бы словаря, а в изучении языка они — сам учебник. Такой афоризм звучит, возможно, не совсем понятно. Поясню на примере.

Когда в 1956 году я начала изучать японский язык, в Венгрии не было ни соответствующих преподавателей, ни учебников. Материальным поводом для начала занятий послужило одно лицензионное химическое описание, которое я героически (и легкомысленно) взялась переводить.

Большое количество иллюстраций, рисунков, подписей, таблиц оказало мне помощь в решении задачи, казавшейся безнадежной.

Прежде всего я должна была определить по тексту, каков грамматический характер этого языка: агглютинирующий (язык, в котором слова и формы образуются «приклеиванием» частиц — аффиксов; «*aggluto*» по-латыни — значит «приклеиваю»), как венгерский, флектирующий (построенный на системе определенных внутренних и внешних флексий — изменения звукового состава, окончаний), как немецкий или русский, или изолирующий (отношения между предметами и понятиями выражаются с помощью служебных слов, а не суффиксов и не окончаний), как, например, китайский.

Мне удалось добыть словарь (специального словаря, конечно, и в помине не было). Но те, кому приходилось расшифровывать научно-технические тексты, знают, что самым богатым источником лексических знаний — и, к сожалению, единственно надежным — всегда был и остается сам оригинальный текст...

Ведь тот, кто уже нашел по словарю, что некий иероглиф (условно скажем) «а» означает «кислота», а иероглиф «б» — «вода», опираясь на элементарные знания по химии, приобретенные в средней школе, может «вывести», что иероглифы «в» и «г» в химическом уравнении $a + b = c + d$ могут означать: первый «щелочь», а второй — «соль». Мое начало овладения японским — случай, конечно, крайний и поэтому, наверное, трудноповторимый. Как в положительном, так и в отрицательном смысле. Конечно, не у всякого Среднего Учащегося хватит терпения, и в первую очередь времени, заниматься такой «исследовательской» работой. Отрицателен этот опыт в том смысле, что мои коллеги в подобную ситуацию попадают крайне редко. Но ко всякому языку, ко всякому учащемуся, ко всякому уровню знаний подходит правило: *профессиональные знания — это ключ, которым открываются ворота иностранного языка.*

Согласно классическому распределению времени, кроме 8 часов работы и 8 часов сна, остается еще 8, которые мы якобы используем только для отдыха или развлечения. Оба рода деятельности можно назвать «времяпрепровождением» (не совсем точный перевод венгерского «*gyógyás*», английского «*leisure*» и французского «*loisir*»). По мнению Д. Габора, английского физика венгерского происхождения, лауреата Нобелевской премии, жизнь подрастающего ныне поколения в растущей мере будет характеризоваться продлением этого типа «занятости», и эпоху, в которой оно будет жить, назовут «Age of Leisure». Но и без футурологических гаданий мы можем уже сейчас плодотворно использовать эти остающиеся после работы и сна 8 часов, сочетая изучение языка с отдыхом и развлечением.

Всякий раз, когда меня спрашивают, как это мне удалось достичь успехов в стольких языках и за столь короткое время, я мысленно отдаю честь источникам всех знаний — *книгам*. Так что существо моего ответа на данный вопрос выражает один-единственный призыв: *давайте читать!*

ДАВАЙТЕ ЧИТАТЬ!

Для удержания приобретенных знаний, для овладения новыми знаниями главным средством является книга. Эту Америку бесчисленное количество людей открыло еще до моего рождения. Но этот известный тезис мне хотелось бы дополнить (может быть, тоже повторно?) двумя пунктами. Во-первых, не следует бояться включать чтение в программу изучения языка уже с первого дня; во-вторых, читать надо *активно*.

Книга — «домашнее орудие» учебы. Если мы хотим заниматься с ее помощью и в дальнейшем, то давайте на минутку остановимся и зададим вопрос: а зачем вообще нужны все эти доморощенные методы?

Еще раз подчеркиваю, что форма изучения языка, которая многократно была открыта и до меня и которую я вновь открыла для себя и с тех пор повсюду защищаю, призвана скорее дополнить и ускорить, чем заменить изучение языка под руководством преподавателя.

В работе с преподавателем мы можем обнаружить такие элементы. Неоспоримое преимущество: большая достоверность полученной информации. Занятия принудительно регулярны, а следовательно, нужно меньше самодисциплины, чтобы посещать уроки в установленные часы, а дисциплина крайне необходима для того, чтобы приступить к занятиям неукоснительно в те часы, которые мы сами себе предписали. Недостаток: медленное продвижение, относительно большое количество «холостого хода» (если преподаватель не знает моих способностей усвоения, темп занятий может оказаться слишком медленным для меня). Наконец, большие трудности в приспособлении своего свободного времени ко времени занятий.

Думаю, что педагога, который вполне отвечал бы нашему индивидуальному духовному укладу, трудно найти не только на селе или в удаленных от культурных центров малых городах, но и в столицах.

Гармония между преподавателем и учеником, согласованность их действий — вопрос удачи и самодисциплины в той же мере, как и в браке, например, или в других отношениях между людьми.

Учащимся с живым темпераментом урок может показаться вялым, но тот же самый урок учащемуся, привыкшему к более медленной работе, кажется чрезмерно напряженным.

Но даже если повезет, если удастся найти педагога, у которого «кровь движется» с той же скоростью, что и наша, то все-таки окажется нелегко согласовать ритм занятий с тем ритмом жизни, который диктует нам окружающая действительность. В больших городах, где, казалось бы, нет нехватки в преподавателях, невероятное количество времени поглощает транспорт, а когда кончается рабочий день, сообщение становится особенно трудным. «Сложить все время, которое я потратил на езду в трамвае, — вздыхает один из моих знакомых, — я бы уж выучил немецкий язык!»

И особые осложнения возникают, когда годами надо заниматься с частным педагогом. Решение вопроса само по себе хорошее, но почти невозможное по материальным соображениям. Помимо большой материальной нагрузки, занятия с частным преподавателем имеют тот недостаток, что в течение 60 минут очень трудно удерживать внимание на одном уровне. Если же занимаются с преподавателем вдвоем или втроем, то возникает другая, не менее существенная трудность: почти невозможно подобрать себе партнеров по занятиям таким образом, чтобы более бойкие не рвались вперед, а более медлительные не тормозили. Более подвижные и раскованные, как бы преподаватель ни старался, так или иначе «лишают воздуха» более пассивных. А в больших группах особую опасность представляет то, что мы чаще слышим плохое произношение и грамматические ошибки своих сотоварищей, чем хорошее произношение и безупречную речь преподавателя.

Практика показывает, что наилучшие результаты достигаются при занятии втроем. Во-первых, потому что между партнерами невольно возникает небольшое соперничество, которое их подхлестывает. Во-вторых, таким образом внимание каждого из трех моментами может «отдохнуть»: мы здесь, все слышим, все видим, но не напряжены, а участвуем в уроке, как говорят психологи, из положения релаксации.

И наконец, классический способ занятий с преподавателем даже как-то загадочен, потому что порой непонятно, каким образом он может быть дополнен теми домашними средствами, важнейшим из которых служит чтение... Так вот, чтением мы и займемся в последующих главах.

ЗАЧЕМ ЧИТАТЬ? ЧТО ЧИТАТЬ?

Основное свойство человеческой природы, как гласит народная мудрость, заключается в том, что «рыба ищет где глубже, а человек — где лучше». Человек инстинктивно ищет приятного и избегает — старается избегать — противоположного.

Читать надо хотя бы потому, что книга предлагает знания в наиболее увлекательной форме. Другой способ изучения (ежедневное «зазубривание» 20-30 слов и переваривание готовых грамматических правил, данных преподавателем или заключенных в учебнике) в лучшем случае удовлетворит наше чувство долга, но источником радости вряд ли послужит. В наши дни подобное штудирование никто не рассматривает как способ воспитания «спартанского» характера. Но если занятия языком мы воспримем как духовный спорт, как решение кроссворда и отгадывание загадки, как пробу своих возможностей I или их подтверждение, то сможем приступить к занятиям безо всякого внутреннего сопротивления.

«Man lernt Grammatik aus der Sprache, und nicht Sprache aus der Grammatik» («Граматику учат из языка, а не язык — из грамматики»), — говорили в Германии еще в конце прошлого века. Этот девиз метода Туссэна-Лангеншайдта в эпоху школьного преподавания мертвых языков прозвучал в области методики революционно. А в наши дни стало уже совершенно очевидно, что самый надежный носитель иностранного языка, книга, является вместе с тем и учебником. И вышеприведенный девиз нуждается в дополнении: книга учит не только грамматике, она — самое безболезненное орудие расширения словарного запаса, изучения лексики вообще. Словарному запасу уделена в этой книжке особая глава, но важность вопроса заслуживает того, чтобы вкратце изложить его и здесь. Приобретение словарного запаса — это тот омут, в котором погибла большая часть всех благих намерений. Автоматическое запоминание, свойственное детскому возрасту, уже не вернешь, а логичность мышления взрослого в этом деле не очень-то помогает. Ведь для того, чтобы выразить собственные мысли и понять мысли других, необходимо знать много тысяч слов и выражений.

Оставим в стороне большое количество методической литературы, написанной о «среднем словарном запасе», и приведем здесь только одну-единственную цифру. Венгерские «карманные словари» содержат обычно 20-30 тысяч основных лексических единиц. На уровне, который в последующих главах, касающихся оценки языковых знаний, я буду называть «четверочным», мы пользуемся примерно 50-60% этого объема.

Тот, кто этим количеством слов в каком-либо из языков уже овладел, пусть задаст себе вопрос: какой процент этого солидного словарного запаса приобретен «легальным путем» (то есть нашел слово в словаре или кто-то объяснил мне его значение)? Выяснится: очень незначительная часть! Большинство же слов пришло «само собой» из книг, из чтения — источника куда более удобного, чем словарь, учебник или преподаватель.

Мозг взрослого человека подвергается испытанию не столько при знакомстве с правилами грамматики, сколько в ходе усвоения лексики. Как ни странно на первый взгляд, усвоение лексики требует не механического подхода, а прежде всего осмысленности. И все же именно грамматика вызывает наибольшее сопротивление нашей «протехнически» настроенной молодежи. Это серьезная беда: без знания грамматики человек может научиться говорить только на родном языке (но только говорить: письму без грамматики не научиться!).

Характерной чертой человеческого мышления является то, что на всякое новое явление, впечатление оно реагирует вопросом «зачем?», «почему?». В языках, несмотря на всю их «нелогичность», ответ на этот вопрос дают нам именно правила. Обойти их было бы таким же смертным грехом, как в науке — наплевать на законы химии, физики, математики, биологии.

Мы не можем придерживаться позиции или, скажем, способа толкования, которым пользовался один из первых самостоятельных преподавателей русского языка в первые месяцы после освобождения Венгрии. В нашу страну этот человек попал в двадцатых годах как эмигрант. Весной 1945 года его запрягли в свою упряжку люди, заинтересованные в изучении русского языка. Он научил их, что «fiú» значит по-русски «мальчик», а «lány» — «девочка». Но когда его спросили, почему в прямом дополнении получается «мальчика», но «девочку», то он некоторое время мучительно размышлял, после чего, пожав плечами, сказал: «О чем говорить? Это просто русицизм!»

Нет, величественный собор языков невозможно выстроить без грамматики, точно так же, как и без лексики. Мы только против самоцельной «грамматизации», бесполезность которой полностью доказана предшествующей эпохой.

Итак, мы сталкиваемся с двумя крайностями. Грамматику, которую старая школа считала *целью*, нынешние учащиеся не хотят принимать даже как *средство*.

К истине ведет средний путь, на который рано или поздно толкнет всех опыт, проверенный на собственной шкуре.

Правила надо осознавать. Взрослый, путешествующий по необъятной стране духовной культуры, как и в любом путешествии, ищет вехи — он хочет познать правила, законы. Только не следует ожидать, что если закон найден и познан, то действия человека будут всегда безошибочными. Закон — это только принцип. Принцип же — только фундамент, на котором что-то может быть правильно построено.

Когда на перекрестке мы останавливаемся, увидев красный свет, нашей реакции не предшествует никакая сложная мыслительная операция («если пренебрегу запрещающим сигналом, то создам аварийную ситуацию, меня накажет регулировщик, подвергну опасности свою жизнь»). У нас уже выработался рефлекс, которому мы и следуем. Сначала был осознан принцип, потом родилась привычка, и правильное поведение стало автоматическим. Этот «поведенческий образец» хорошо известен в методике преподавания иностранных языков под различными названиями. Психология называет его «динамическим стереотипом», в английской лингвистической школе он называется просто «образцом» (pattern). А я называю его совсем не научно, а по-будничному просто — колодкой, шаблоном.

Как превратить венгерское утвердительное предложение в вопросительное? Просто изменив интонацию. «Beszél angolul» (Вы говорите по-английски), «Beszél angolul?» (Вы говорите по-английски?).

Если вы хотите говорить по-английски, то вам надо знать, что в английском языке интонация совсем иная, чем в венгерском или в русском (даже в 15-минутной учебной телепередаче английской интонации уделяют 2 минуты!). Следовательно, желая внести такое важное смысловое изменение, нам лучше довериться не интонации, а специальному вспомогательному глаголу: «He speaks English», «Does he speak English?» На основе осознанного принципа быстро образуется и шаблон, а коль скоро он у нас в руках, можно кроить по нему новые и новые формы.

Тот, кому сравнение с шаблоном не по вкусу, может воспользоваться более поэтическим — камертоном. Смее утверждать, что камертоном *мы* пользуемся всякий раз, как открываем рот, чтобы произнести иностранное слово. Мы заставляем его звучать и слышим его нашим «внутренним ухом». И если то, что *мы* хотим сказать, звучит не фальшиво, то мы произносим желаемое.

Изучение языка состоит в изготовлении таких образцов (шаблонов, камертонов). Тот метод изучения языка хорош, с помощью которого мы относительно быстро овладеваем максимальным количеством максимально надежных образцов. *Предварительным условием их формирования является встреча, столкновение с правильными формами, повторяющаяся как можно больше, бесчисленное количество раз до тех пор, пока они не превратятся в образования, обладающие подлинно автоматической подвижностью.* Их самоформированию способствует наше *активное* участие, и эффективность их будет определяться тем, насколько, если хотите, *недоверчиво* мы отнеслись к уже готовым образцам.

Лучшим средством для достижения обеих целей — для разработки, выделения и частого повторения образцов — является книга. Так давайте же читать!

Книгу можно засунуть в карман и забросить в дальний угол, исписать и разделить на листы, ее можно потерять и вновь купить. Ее можно таскать в портфеле, класть перед собой за чаем, вызвать к жизни в момент пробуждения и пробежать еще раз глазами перед сном. И не нужно извещать по телефону, что не можем пойти на урок. Книга не рассердится, если мы помешаем ей дремать, когда у нас бессонница. Содержание книги можно проглотить все сразу, а можно и разделить на кусочки. Сюжет ее манит, удовлетворяет нашу жажду приключений. Книга может нам наскучить, но мы ей — никогда. Книга — наш верный спутник, пока мы не вырастем из нее и не отдадим предпочтение другой, следующей.

Столь важную роль в изучении иностранных языков мы отводим чтению потому, что оно наипростейшее и наилегчайшее средство — хотя, возможно, и не самое эффективное — для создания языкового «микроклимата».

С выражением «языковой микроклимат» в специальной литературе я еще не сталкивалась, но понятие это настолько очевидно, что, я уверена, не мною оно изобретено. По аналогии с «макроклиматом», то есть с языком страны, в котором мы живем, я понимаю под «микроклиматом» языковую среду, окружающую нас непосредственно, которую мы до определенной степени можем создать для себя сами. Когда-то такой маленький языковой мир удавалось создавать «фройляйн» и «мадемуазелям» для вверенных им отпрысков в графских замках и детских комнатах венгерских мещанских серей. В нашем распоряжении, распоряжении современных Средних Учащихся, имеются для этой цели средства куда более демократичные: книги и человек, присутствие которого нам следует научиться переносить и в самые хмурые для нас часы,— мы сами.

Именно поэтому я такая ярая приверженка монологов на иностранном языке, когда вокруг никого нет. Вспомним моего соотечественника Арминия Вамбери, безусловно владевшего бесконечным количеством иностранных языков. Лишенный в детстве семьи, постоянного крова и средств к существованию, он изучал языки не в школах и не с преподавателями, а по словарям и оригинальным книгам, разговаривая сам с собой и с неживыми предметами, бывшими в его окружении...

Когда я разговариваю сама с собою, я всегда могу потребовать «от своего партнера», чтобы он не слишком долго думал, не очень заботился об идеальности грамматики, восполнял неизвестные иностранные слова венгерскими. Монолог может быть и немым. Возможно, поначалу даже лучше, если он будет немым: во-первых, к нам не пристанет наше плохое произношение и, во-вторых, никто не подумает, что мы «тронулись»...

Непривычно в этом не то, что надо думать *про* себя, а то, что следует научить выражать мысли *для* себя. Психолингвисты утверждают, что всякой речи вслух предшествует бессознательная формулировка про себя, и, более того, все, что мы слышим от других, мы как бы проговариваем про

себя еще раз, как бы переводя сообщение на «свой» язык. А я-то долго думала, что эти внутренние, не слышимые разговоры с собой изобрела я...

Небольшое волевое напряжение, и мы быстро привыкнем, пусть примитивно, пусть через пень-колоду, но все же произносить «вслух» (вслух!) незамысловатый пересказ наших мелких впечатлений, бытовых задач *на иностранном языке*.

Как-то провела я несколько недель на юге Испании, в Андалусии. Я была в полном одиночестве, почти без каких-либо связей и контактов с местным населением. Я, впрочем, не очень-то их искала, а может быть — если начистоту, — и не могла найти (благодаря моему произношению, сильно отличавшемуся от «совершенно невразумительного» выговора испанцев). «Макроклимат», таким образом, оставался неиспользованным для практики в языке, если не считать текстов реклам, фирменных объявлений, названий книг в витринах, надписей. И в этом вакууме мне удалось приучить себя к немым монологам по-испански настолько, что по дороге из Испании в Англию затратила невероятное количество энергии, чтобы перейти на английский, с которым мне на следующий день предстояло работать на одной из международных конференций.

Приоритет языкового микроклимата перед макроклиматом подтверждается еще и тем фактом, что люди, покинувшие родную страну в зрелом возрасте, на протяжении очень длительного времени не могут овладеть новым для них языком. Венгры, живущие на территории Северной и Южной Америки с конца войны, а то и с двадцатых годов, не занимаясь языком сознательно, специально, так и не смогли научиться говорить на нем безошибочно. И не потому, что у них не было языковых способностей: они создали вокруг себя венгерскую языковую среду — говорили по-венгерски со своими детьми, друзьями и товарищами по работе, потому что жили почти изолированными венгерскими эмигрантскими колониями.

А сколько убедительнейших обратных примеров! Как это получается, что у тех, кто годами не говорит на иностранном языке, он почти «не ржавеет»? Могу объяснить это только «внутренними монологами», которые подсознательно постоянно ими «произносятся». Я рекомендую моим коллегам, Средним Учащимся, сознательно приучить себя к ним.

Возвращаемся к книгам. Возникает вопрос: что читать? А то, что нас интересует. «Interesse stärker, als Liebe» (Интерес сильнее любви), — гласит немецкая пословица. В самом деле, ведь интерес способен одолеть одного из злейших врагов рода человеческого — скуку.

Но надо сознаться, что блуждающим в джунглях предложений с минимальным запасом лексических и грамматических знаний, с компасом еще несовершенных языковых навыков чтение поначалу радости доставляет мало. Через пять, десять, двадцать минут появляется ощущение какого-то тупика.

Необходимо что-то, чтобы это ощущение побороть.

Это «что-то» — интересность чтения, книги.

Кто что считает интересным — вопрос возраста, духовного склада, профессии или пристрастия. Я не постеснялась спросить людей, которые, как мне было известно, «вчитывались» в иностранный язык подобным же образом: что помогло им преодолеть «мертвую точку»? Помещаю их ответы в том же порядке и той же форме, что и получила.

С. П., пенсионер: «Я прочел кучу иностранных каталогов, чтобы упорядочить свою коллекцию марок».

М. Э., гимназист третьего класса: «Чувствуешь, что отстаешь от жизни, если не знаешь, к каким соревнованиям, встречам готовятся сейчас известные зарубежные футбольные команды».

Н. Б., мастер по ремонту пишущих машинок: «У меня, знаете ли, есть одно изобретение. Прежде чем сделать заявку, хотелось удостовериться, не открыл ли я Америки».

В. К., парикмахер: «Меня интересует все о киноактерах».

Ф. П., бабушка: «И чего только не пишут, каких только неприличностей нет в современных любовных романах, которые издаются на Западе!»

М. А., начальник отдела в министерстве: «Обожаю детективы. Каким бы трудным язык ни был, ни за что не брошу, пока не узнаю все подробности. А главное — чем все кончилось?!»

Л. И., работница типографии: «...напевала себе и напевала мелодии любимых иностранных песен, пока не пришло в голову, что ведь и тексты можно выучить и понимать!»

М. И., продавщица: «Все началось с приключений Мегрэ. Теперь я уже и сама могу написать по-французски что угодно на эту тему...»

В. Ш., студент-медик первого курса:

«Хотелось бы серьезно заняться психиатрией. Надо бы знать два-три иностранных языка. Уже читаю по-немецки».

Р. М., художник-оформитель: «Сколько раз видел я в иностранных журналах красивые интерьеры, мебель, платья, а что там написано, как это сделать — прочитывать не мог...»

Чем полнее удовлетворяет чтение нашу любознательность, тем меньше остается на долю другого условия преодоления «мертвой точки» — самодисциплины.

Ведь не бросали же мы велосипед после первого падения и не рубили на дрова санки после первой неудачной попытки съехать с горы. А ведь эти события оставляли у нас долго незаживающие раны и синяки. И мы все-таки выдержали все испытания, ибо знали, что риск будет раз за разом все меньше, навыки будут наращиваться, а вместе с ними — и радость.

А здесь ведь речь идет даже не о каком-то новом мире. Ведь с языком так или иначе мы имеем дело постоянно, а следовательно, владем и навыками, которые надо только осознать, чтобы научиться говорить на еще одном языке.

Речевые навыки лучше всего развивает чтение современных пьес, новелл, романов, написанных в хорошем, простом ритме. Так называемые «ситуативные элементы» языка заключены в подтексте художественного повествования и вместе с подтекстом незаметно вкрадываются в память. И по ассоциации всплывают вновь, когда мы попадаем в ситуацию, сходную с той, которую мы встретили в книге.

Преимущество «ситуативных» текстов заключается в том, что они дают, как правило, самые нужные слова и грамматические модели. Недостаток — в том, что усваивать их самостоятельно труднее.

Всякий, кто засучивает рукава, чтобы взяться за иностранный язык, должен быть готов встретиться не с одним, а по меньшей мере с двумя языками. С языком письменным и языком устным. Средний Учащийся, избравший предлагаемый мною метод по склонности или по обстоятельствам, с первым испытывает, как правило, трудностей меньше, чем со вторым.

Во всякой книге имеются так называемые описательные моменты, в которых автор, так сказать, цитирует *самого себя*, и так как он в силу своей профессии хороший стилист, то вручает нам красивые, скроенные по всем правилам предложения. Так и преподаватель, если он хороший педагог, стремится всегда говорить, тщательно подбирая слова, правильно строя фразы.

Посмотрим-ка, мои дорогие коллеги Средние Учащиеся, до чего может скатиться в наших устах наш родной язык, если не ухаживать за ним! Когда мы пишем — делаем орфографические ошибки, в речи не проговариваем всех звуков, обрываем начатые предложения, пропускаем слова, не согласуем их и допускаем неправильные управления. Бернард Шоу говорил, что он знает три английских языка: на одном он пишет свои пьесы, другим пользуется для официального общения, а на третьем говорит со своими друзьями; и как непохожи друг на друга все эти три языка! Впрочем, эта «расслоенность», имеющая место в каждом языке, наиболее резко проявляется именно в английском. Ведь образовался он, как известно, на стыке двух крупных языковых групп: романской и германской. И соответственно в нем сплавилось два лексических монолита: норманнский (французский) и англосаксонский.

Бродячий пример: словам «теленоч», «свинья» и «бык» в английском языке соответствует по два слова. Само животное обозначается словами «calf» (нем. «Kalb»), «swine» (нем. «Schwein»), «ох» (нем. «Ochs»), потому что простые люди, которые за этими животными ухаживали, были германского происхождения — англосаксы. А потребителями мяса этих животных были уже норманны, господа-завоеватели, и поэтому слова «телятина», «свинина», «говядина» имеют романские корни и происхождение: «veal» (фр. «veau»), «pork» (фр. «porc»), «beef» (фр. «boeuf»).

Известно, что при общении с иностранцами мы лучше понимаем людей образованных, чем необразованных. Однако один мой знакомый, побывавший в Лондоне и хорошо знавший немецкий, а по-французски — ни слова, с удивлением обнаружил обратное: полицейского сержанта-регулирующего он понимал лучше, чем своих просвещенных коллег. В интересах языковой практики он забредал и в церкви послушать проповеди (этим старым приемом пользуюсь постоянно и я: слушаю язык и отдыхаю от изнурительного осмотра достопримечательностей). Мой приятель был страшно огорчен — из английских проповедей он не понял ни единого слова. Не понимая, в чем дело, и сгорая от желания разгадать эту тайну, он захватил с собою текст проповеди, который, очень кстати раздавали в одной из церквей. Привез его домой. Мы посмотрели его вместе и обнаружили, что вся лексика проповеди построена на романских корнях. Мы здорово тогда развлеклись, «переводя» английский текст на английский же, заменяя каждый романский корень германским: соответствия нашлись по каждому слову (например: «to commence» — «to begin» и т. д.).

В описательных частях художественной прозы эта расслоенность сказывается меньше. Язык английской художественной литературы, да и не только английской, более *однороден*. В описаниях, например, он не показывает тех отклонений, которых требуют в разговорном языке различные степени вежливости. Приятным завоеванием нашей эпохи является все более редкое употребление таких слов, как «соизвольте», «осмеливаюсь», «окажите честь» и пр. Однако жаль, что мы все чаще начинаем забывать и слово «пожалуйста». Жаль потому, что если вдуматься в собственное значение слова («пожаловать!»), то каким прекрасным представится его содержание! Прекраснее может быть лишь слово, с каким подают путнику стакан вина в Трансильвании («милуйте!»).

Но в некоторых языках — например, в японском — описательные моменты художественной литературы совершенно непригодны для овладения устной речью. Характерная особенность японского состоит в том, что даже такие простые действия, как «идти» и «говорить», обозначаются совершенно иными словами, в зависимости от того, к какой части общества принадлежит говорящий с нами — к «верхней» или «нижней». Однако человек к этому быстро привыкает, ведь остатки, лексической «кастовости» можно найти в любом языке («возьми» — «на», «привет» — «здравствуй»). Значительно труднее научиться иному: спряжению одного и того же глагола в зависимости от возраста нашего партнера по беседе и его социального положения. Самой невежливой формой говорящий пользуется по отношению к самому себе, и если случайно, употребив другое спряжение, мы с этого «самоуничужения» собьемся, то рискуем вызвать смех, как если бы на любом «нормальном» европейском языке мы сказали нечто вроде: «Завтра я окажу тебе честь своим посещением».

Ценную разговорную лексику мы можем почерпнуть в текстах современных пьес и романов, где много диалогов. Классические произведения для этой цели, как правило, не годятся. Как-то я спросила свою

немецкую подругу, изучавшую венгерский язык по произведениям Мора Йокаи⁷, нравится ли ей новая соседка по гостиничному номеру. «Пригожа ликом, но дюже горделива», — ответила она.

Почему некоторые слова за два-три десятилетия становятся смешными, а некоторые — тоже старые — свои ценностные значения сохраняют? Этого никто не знает... Не удалось мне найти ответа и на вопрос, почему мы приняли лексические новшества по отношению к давно бытующим в нашей жизни вещам и явлениям, почему отвергли их старые обозначения. Безо всякого сопротивления пользуемся мы сейчас такими словами, как «контора», «круглосуточно», и при этом совсем смутно представляем себе, а то и вовсе не знаем, что значили «приказные палаты» и «днесь». Мы приняли слово «вертолет» и отвергли «геликоптер», приняли «автомобиль», «автомашина» и не взяли «самоход», что было не менее логично, чем «самолет»... В медицине как терминологическое новшество почти повсеместно утвердилось «пневмония», уживаясь с «воспалением легких», но термин «метаболизм» (обмен веществ), который короче своего перевода на русский или венгерский и однозначнее, даже медиками принимается с оговорками, а то и вовсе отвергается. Где логика? «Habent sua fata verba» — судьбы слов неисповедимы.

Учебники и даже выходящие сейчас у нас в Венгрии разговорники тоже пользуются зачастую искусственным, приспособленным адаптированным) языком и поэтому не могут быть достаточно надежными источниками разговорной речи. Как-то листала я «Разговорник для туриста» и не могла не рассмеяться, когда представила себе в контексте современной жизни диалог, который предлагался этим изданием для заучивания: «Мне хотелось бы познакомиться с историческим] достопримечательностями вашей страны, также с важнейшими продуктами вашего сельского хозяйства».

Куда вероятнее, что разговор между венгром и иностранцем будет проходить примерно так:

— Ну как, может, зайдём куда-нибудь выпить по черному?

— Ой! Пожалуйста, медленнее, не понимаю: пойдём по чему?

— Давайте, говорю, выпьем по черному!

— «Черный» — это чёрный кофе?

— Ну конечно!

— Не могу, мне надо возвращаться в это... ну как?... где гости...

— В гостиницу? Тогда пока!

К сожалению, учебники и преподаватели крайне редко дают такие «маловажные» слова и выражения. А ведь как бы ни боролись в каждой стране за «чистоту» речи слова именно такого типа, а не «благовоспитанные» стилистически «чистые» слова и обороты побивают в повседневной речи все рекорды повторяемости и употребляемости.

⁷ Мор Йокаи (1825-1904)-венгерский писатель, отразивший в творчестве традиции романтизма. — *Прим. перее,*

Итак, «возвращаясь к нашим баранам», еще раз говорю: пока мы не попали в настоящую языковую среду, такие «диаложные модели» в наилучшем виде со всеми ключами к употреблению даст нам художественная литература, и начинать ее читать следует с первых шагов в языке.

КАК ЧИТАТЬ?

Поначалу особенно не размахиваясь, почти поверхностно, а затем уже придирчиво, скрупулезно, добросовестно.

К начальной поверхностности я призываю в первую очередь моих коллег-мужчин, а среди них прежде всего тех, кто настроен «протехнически». Пусть мужчины простят мне подобную «дискриминацию».

Я часто вижу, что мужчины даже к самому легкому и незамысловатому чтению приступают, вооружаясь самыми тяжелыми словарями. Одно слово чтения в книге — одно обращение к словарю. Не удивительно, что это дело быстро надоедает, и они с облегчением вспоминают, что сейчас будут передавать последние известия и надо включить радио. Добросовестность — хорошее качество, но в начале изучения языка она скорее тормоз, чем двигатель. Каждое слово искать в словаре не стоит. Беда куда большая, если книга потеряет вкус из-за постоянных перерывов в чтении, которые мы устраиваем себе поисками в словаре. Не все ли равно, за каким кустом притаился инспектор, комиссар, шериф — или кто там еще? — выслеживающий преступника: за терновым кустом или за боярышником.

Если слово важно, то оно так или иначе будет повторяться или проявится само собою в так называемом контексте. Такое чтение, требующее вчитывания или догадки, оставляет следы куда более глубокие, чем механически рефлекторное пользование словарем.

Если же мы пришли к пониманию посредством определенного *умственного усилия*, то это означает, что в воспроизведении смысловых связей мы приняли *активное* участие, что решение языковой головоломки нашли *мы сами*. И радость от этого, по-моему, куда большая, чем от правильного, удачного решения кроссворда.

«Переживание успеха» делает труд еще более сладким и с лихвой возмещает усталость. Даже в нейтральный текст оно вносит самый интересный фактор жизни. О чем я говорю? Воспользуемся возможностью, которую предоставляет нам этот доверительный разговор, и сознаемся, что при любом чтении самое интересное для нас — это *мы сами*.

Что значит это слово, догадался я сам, я разгадал смысл предложения. Вот она награда — подсознательное удовлетворение собой; можно мысленно похлопать по плечу все человечество. Вложенный труд возмещен, в руках — стимул для продолжения деятельности.

Опыт показывает, что успешное начало обеспечивает особенно хороший старт в изучении иностранных языков. Успех закладывает основы привычки чтения. А привычка нужна во всякой

человеческой деятельности. Главное — научиться *не вешать носа*, не расстраиваться, попав в недружелюбную среду иностранного текста.

Кто не испытывал неприятного ощущения в первые минуты, когда, отвыкнув от купания, окунался в прохладную, почти холодную воду озера, моря или реки? В ком не возникало при этом желания сейчас же вернуться на прогретый солнцем песок? И кто не радовался, привыкнув через пару минут к холодной воде, что не поддался первому ощущению? Заинтересованность в иностранном тексте, его интересность и призваны помочь начинающему «пловцу» преодолеть внутреннее сопротивление и робость.

И вот уже закрутилось колесо повествования, все быстрее крутится маховик нашей психики. Теперь надо учиться тормозить. Мы преодолели себя и с приподнятым чувством отложили книгу, мы поняли, о чем шла речь. Настала пора замедлить чтение и готовый продукт литературы превратить в сырье — в сырье для учебы. На втором этапе «учебы через чтение» я бы порекомендовала сменить девиз *доверия* к себе на девиз *недоверия*.

В венгерской литературе, насколько мне известно, изучение языка описал только Кальман Миксат в прекрасной новелле «Aussi brebis» («Тоже овца»). Один писатель нанимает для своих сыновей преподавателя французского языка — девушку-француженку. Ребята сопротивляются учебе всеми способами, к тому же они уверены, что их юная учительница на самом деле французского не знает. Они добиваются у своего отца обещания, что он освободит их от учебы, если удастся доказать, что девушка знает по-французски очень плохо. Стремясь всеми способами к разоблачению, мальчишки все забрасывают, роются в словарях, заучивают правила, пока незаметно для себя не приобретают основы знаний. Так будем же на втором этапе недоверчивыми подозрительными и мы. Давайте рассматривать слова и предложения как пробный камень верности писателя правилам языка, на котором он пишет. Могу предсказать вам результат. Выяснится, что Андре Моруа знает французский язык лучше, чем мы, Вера Панова лучше знает русский, а Тэйлор Колдуэлл — английский. В этой борьбе мы не *победим*, но *выиграем*. Наши знания окрепнут, приобретут твердые формы. Впрочем, я не случайно упомянула именно этих трех авторов. Гибкий, естественный стиль их сочинений позволяет воспользоваться ими как лучшим средством для «разминки».

Тем же, кто вопреки всем уговорам боится взяться за произведения, написанные настоящим языком, от всего сердца предлагаю читать адаптированные или откомментированные книги, например, в СССР выпускаемые издательствами «Прогресс», «Высшая школа» или «Просвещение». Адаптированные тексты представляют собою те же произведения классиков мировой литературы, но в учебных целях упрощенные в лексическом и синтаксическом отношении. Вы их можете приобрести и в книжных магазинах, и в библиотеках, хотя последние для этого я не рекомендую. Перефразируя пословицу, можно сказать, что «деньги любят счет, а книга — карандаш».

В каждом произведении литературы заключен весь язык так же, как море — в капле воды. Если у нас хватает терпения возиться с текстом, разбивать его и вновь соединять, перетряхивать и вновь давать ему отстояться, мы сможем научиться очень и очень многому.

Лайош Кошут, речи которого цитируются сейчас английскими учебниками по риторике, изучил английский язык в австрийской тюрьме. Отправной точкой послужили ему шестнадцать строк из одной драмы Шекспира. «Английскую грамматику я должен был изобрести в полном смысле этого слова. Когда же я ее изобрел и много сотен раз понял ее во всех поворотах шестнадцати шекспировских строк, я уже знал по-английски настолько, что мне оставалось набрать только слова».

Като Ломб

Как я изучаю языки (продолжение)

ОТ АВТОРА.....	1
Предисловие к русскому изданию.....	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ЧТО ТАКОЕ ЯЗЫК?.....	10
ЗАЧЕМ МЫ ИЗУЧАЕМ ЯЗЫКИ?	
ПОЧЕМУ МЫ ЯЗЫКИ ИЗУЧАЕМ?	
КОГДА НАМ ИХ ИЗУЧАТЬ?.....	12
КАКОЙ ЯЗЫК ИЗУЧАТЬ?.....	14
КАК ИЗУЧАТЬ ЯЗЫКИ?.....	15
К КОМУ ОБРАЩЕНА И К КОМУ НЕ ОБРАЩЕНА ЭТА КНИГА.....	16
ДАВАЙТЕ ЧИТАТЬ!.....	27
ЗАЧЕМ ЧИТАТЬ? ЧТО ЧИТАТЬ?.....	29
КАК ЧИТАТЬ?.....	38
ЧТЕНИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ.....	41
КАКИЕ ЯЗЫКИ ЛЮДИ ИЗУЧАЮТ?.....	45
СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС И КОНТЕКСТ.....	58
КАК ЗАУЧИВАТЬ СЛОВА?.....	62
КОСТЫЛЬ ИЛИ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО?.....	69
ОБ УЧЕБНИКАХ.....	71
КАК МЫ ГОВОРИМ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ?.....	72
КАК НАМ ГОВОРИТЬ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ?.....	76
КАК Я ИЗУЧАЮ ЯЗЫКИ.....	78
НАСКОЛЬКО МЫ ЗНАЕМ ЯЗЫКИ.....	84
О СПОСОБНОСТЯХ К ЯЗЫКУ.....	88
«ЯЗЫКОВЫЕ ПРОФЕССИИ».....	93
О ПРОФЕССИИ ПЕРЕВОДЧИКА.....	96
ОТ ТРОПИКА РАКА ДО СЕВЕРНОГО ПОЛЯРНОГО КРУГА.....	102
ЧТО БУДЕТ С ТОБОЮ, ЯЗЫК?.....	105
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	107

ЧТЕНИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ

Знать язык — означает понимать других и уметь выразить себя понятным для других образом.

Конечная цель учебного процесса — усвоение этих двух навыков в письменной и устной речи.

Восприятие смысла письменной и устной речи — процесс аналитический. А сообщение, *передача* собственного высказывания — деятельность синтетизирующая.

Если отсутствует хотя бы один из перечисленных навыков, то задача не выполнена. Конечно, случается, что мы бываем вынуждены чем-то жертвовать. И, как правило, не из-за принципиальных соображений, а из-за нехватки времени.

Все эти навыки взаимообусловлены и подкрепляют друг друга, но опыт показывает, что они могут быть усвоены и по отдельности. В Риме я встречалась с таким портье, который говорил на семи языках, и на всех семи с прекрасным произношением (и по-венгерски тоже), но писать правильно не мог ни на одном (даже по-итальянски). Янош Арань и Шандор Петефи, одарившие нас бесценными художественными переводами, о произношении даже понятия не имели.

Книга, к сожалению, правильному произношению научить не может. Несколько лет назад я была свидетельницей забавной сцены в лондонском аэропорту. Так называемый «immigration officer» крутил в руках паспорт индийского студента. «Цель поездки — учеба», — прочитал он вслух.

— А что будет предметом учебы? — поинтересовался служащий.

— Love, — ответил студент, который слово «law» (право) видел до сих пор, очевидно, только на бумаге, потому-то и произнес его как «love» (любовь).

Служащий, обладавший подлинно английским хладнокровием, даже бровью не повел. Он пропустил приезжего через ограждение и только потом пробормотал себе под нос, что «love» примерно одинакова во всем мире, и не стоило проделывать столько миль, чтобы изучить, вероятно, очень несущественную разницу.

Произношение — одна из труднейших задач в изучении языка и один из важнейших пробных камней правильности нашей учебы. Хотя без знания лексики и грамматики тоже достигнешь немного, в первый момент контакта с иноязычными собеседниками о наших знаниях судят прежде всего по произношению. В суждении о наших способностях оно играет примерно ту же роль, что и внешность в женщине. Красивая женщина в первый момент своего появления «всегда права». Позднее может выясниться, что она глупа, скучна, зла, но в первый момент поле сражения остается за нею.

Обучение произношению имеет историю более короткую, чем обучение грамматике или лексике. По-настоящему важным его сочли лишь тогда, когда началось массовое изучение *живых* языков. Но все

же этот относительно небольшой промежуток времени оказался достаточным для того, чтобы в общественном мнении укрепился ряд ложных представлений. Рассмотрим их в порядке очереди. «Для хорошего произношения нужен хороший слух». Если и нужен, то, во всяком случае, не тот, который называют «хорошим» в бытовом значении (то есть музыкальный слух). Пример тому — целый ряд замечательных венгерских музыкантов, которые говорили и говорят на иностранных языках ярко, правильно, интересно как в лексическом, так и в грамматическом отношении, но с изящным венгерским прононсом. Необходимый для хорошего произношения задаток я назвала бы, скорее, способностью к «вслушиванию» — различению сознанием через слух звуков иностранного и родного языков. Ложным представлением является и то, что «для овладения хорошим произношением достаточно это хорошее произношение много раз слышать». Думать так — такая же наивность, как быть уверенными, что, внимательно проследив за всеми движениями И. Родниной и А. Зайцева, и мы на другой день тоже сумеем проделать на искусственном льду Будапештского городского сада «риттбергер» с тройным поворотом...

Чемпион и его тренер идут к совершенству путем упорного постоянного труда, сопряженного с большими жертвами, до изнеможения отработывая мельчайшие детали. Прошу мне не возражать. Я знаю, что Средний Учащийся не собирается выступать на всемирной языковой Олимпиаде. Но тот, кто учится петь, даже не собираясь стать великим певцом, все же находит естественным заниматься сольфеджио часами, днями, месяцами, годами. Путь к хорошему произношению тоже ведет через своего рода сольфеджио, которое преподаватели языка называют обычно словом «drill» или «drilling», что означает «муштра».

Лепет грудного ребенка — музыка высших сфер только для родителей, а для него самого — прилежная практика сольфеджио. Он как бы пробует, как можно произнести самому те звуки, которые издают окружающие его взрослые и дети, уже научившиеся говорить. И по отношению ко взрослым, изучающим иностранный язык, у него есть огромное преимущество: ему не нужно при этом забывать другой звуковой ряд; отправной точкой служит ему не *буква*, на которую взрослые реагируют обычно *звуком, ставшим уже рефлексорным*.

Одно время в Буде работала общая школа, в которой с первого класса преподавался французский язык. Ходил туда и мой сын. Я посидела на паре уроков. Все дети так великолепно произносили «quatre» как «кят», что я только вздыхала. «Они потому не говорят «кятр», — сочувственно заметила сидящая рядом другая мама, — что они понятия не имеют, что в слове есть буква «р».

Можно ли сделать вывод, что человеку надо слово прежде услышать, а потом уже увидеть? Боюсь, что нельзя. И не по теоретическим причинам, а по практическим. Таким долгосрочным, «перспективным» методом приобретения лексики нельзя пользоваться в процессе учебы, даже если предположить, что

для правильного фонетического усвоения слова достаточно услышать его всего лишь один или два раза, то есть если не считаться с нашим врагом номер один — забыванием.

С забыванием можно бороться только повторением. Повторение — предварительное условие возможности увеличивать количество встреч со звучащим словом в той мере, в какой это необходимо каждому. Но этого нельзя гарантировать даже в естественной языковой среде, не говоря уж о расстоянии во многие тысячи километров от страны изучаемого языка.

Хотя я уже несколько раз об этом говорила, но хочу обратить внимание моих коллег на то, что неограниченную повторяемость слов могут обеспечить только книги. Только их можно «заставить говорить» бесконечное число раз. И они нас не разочаруют. Вновь и вновь они будут повторять то, что нам нужно.

Но наряду с миллионом прекраснейших качеств у них, однако, есть один недостаток: они не могут говорить «вслух», и при этом безукоризненно чисто, без акцента. Ничего не поделаешь — нужно выучить правила произношения иностранного языка, и не в общих чертах, а *сознательно сравнивая их с правилами произношения в родном языке*, то есть так называемым компаративным путем.

Необходимо это и тем, кто хорошо — по крайней мере лучше, чем глазами,— воспринимает со слуха, а следовательно, и в иностранный язык входит со слуховой «стороны». Нужно это и тем, кто неограниченное время может пользоваться самыми совершенными аудиолабораториями.

Английское слово «film» кое-кому удастся правильно произносить и со слуха. Но значительно важнее и в конечном счете правильнее сознательно усвоить, что в английском языке краткого «i» нет вообще. Задачей хорошего преподавателя — а если его нет, то радио или телевидения, — является обратить наше внимание на такие и им подобные «мелкие» правила.

Но это только одна часть наставления, к тому же не самая трудная. Не менее важен и навык *воспроизведения* совокупности «звук — ударение — ритм». «Венцы творения», мужчины, в этом вопросе женщинам, по-моему — и не потому, что я сама женщина! — сильно уступают. Ряд психологов утверждает, что способность к подражанию у мужчин в среднем развита слабее, чем у женщин (оглянитесь вокруг — большинство переводчиков, преподавателей иностранного языка и просто очень хорошо владеющих иностранными языками — женщины!). У меня же лично такое впечатление, будто мужчины как-то «стесняются» (а может быть, и без кавычек?) мимики, им персонально не свойственной. А ведь овладение новыми звуками — это прежде всего разучивание новой мимики, разучивание, если хотите, актерское. Вы не замечали, что у вашего знакомого, переходящего с родного языка на иностранный, становится «иностранном» и лицо: если он говорит по-немецки, то как у немца, если по-английски, то как у англичанина, если по-испански, то как у испанца? И это не обман зрения. С новыми звуками в работу действительно включаются новые мышцы лица.

Так что, если кто-то хочет научиться иностранному произношению по-настоящему, то ему нужно прилежно заниматься «сольфеджио», постоянно тренировать неизвестные родному языку звуки и звукосочетания. «Какие? Ведь их так много!» В первую очередь те, *неправильная артикуляция которых изменяет смысл слова*.

В венгерском языке звук «е» имеет множество вариантов произношения. Но как бы по-разному ни произносили в Задунавье, в Пеште или на Алфельде слово «ember» (человек), никаких недоразумений с пониманием не будет. А в английском слово «bed» (кровать), произнесенное с закрытым «е», дает совершенно иной смысл, чем «bad» (плохой), произнесенное с «е» открытым. Столь часто упоминаемое в современной западной литературе «bed manners» (поведение в кровати) ни в коем случае нельзя путать с «bad manners» (плохое поведение, невоспитанность).

Мне хотелось бы предложить здесь вашему вниманию два момента, которые я усвоила на собственном опыте. Во-первых, фонетический «drill» следует проводить на словах, которые в данном языке не существуют. В английском языке их называют «nonsense syllables» (абсурдными слогами). Если же они связаны с *существующими* словами каким-либо *визуальным* впечатлением, то их лучше избегать.

Для нас, венгров (впрочем, не только для венгров), особую трудность представляет разница между произнесением «w» и «v». Давайте в таком случае до бесконечности повторять такие слоги, как «wo — vo», «wa — va», «we — ve», «wi — vi» и т. д. Это удобно делать во время прогулки, купания, ожидания транспорта или причесывания перед зеркалом. Особенно хорошо последнее, потому что в зеркале вы сможете хорошо контролировать специальную мимику, которой требует произнесение этого звука.

Чрезвычайно поучительно и другое наблюдение над фонетическими ошибками. Прислушаемся к ним с *сознательной активностью*, столь необходимой при изучении языка. «Правила немецкого произношения я впервые поняла по «венгерскому языку» Зигфрида Брахфельда», — сказала как-то моя «бдительная» подруга.

В средних условиях изучения иностранного языка чрезвычайно важным средством овладения правильным произношением является радио. Не нужно, думаю, говорить, что только том случае, если наше отношение к нему будет сознательным, активным. «Вслушаемся», насколько каждый из знакомых нам звуков короче или длиннее, более открытый или закрытый, слабый или сильный, чем мы себе это представляли. Если каждый раз мы ближе познакомимся только с одним звуком, то и тогда мы очень быстро станем владельцами прекрасной коллекции фонетических «колодок».

Еще более важную роль при овладении отдельными звуками и их правильным произношением играет правильная мелодика слова или предложения, усвоить которую уже значительно труднее. Наилучшим методом здесь является запись радиопередач на магнитофон и многократное прослушивание. И здесь тоже властвует древнее правило: при выполнении любой задачи важна не столько продолжительность, сколько интенсивность. Не следует любой ценой просиживать часами перед радиоприемником или

магнитофоном, если вы, бессознательно ослабив внимание из-за усталости или по каким-то другим причинам, перебираете в мыслях впечатления прошедшего дня или строите планы на завтрашний... Идеальны в этом смысле появляющиеся сейчас на рынке телевизионные аппараты или приставки, которые позволяют делать видеозапись, чтобы понравившуюся передачу (или нужную передачу) повторить столько раз, сколько захочется или понадобится, или прокручивать уже готовые записи фильмов. Телевидение — замечательный способ изучения языка потому, что очень часто дает лицо крупным планом, благодаря чему мы не только слышим звук, но и можем «прочитать» его по мимике лица, по определенному движению губ. Когда иностранные телефильмы демонстрируются не в дублированном варианте и не с переводом за экраном, а с титрами, есть возможность слушать изучаемый язык, а непонятное проверять по титрам.

КАКИЕ ЯЗЫКИ ЛЮДИ ИЗУЧАЮТ?

В начале 70-х годов ЮНЕСКО была распространена анкета с этим вопросом. Однако данных сообщено не было; на основании ответов сделали только временные выводы, изложенные в отчетной статье: люди стремятся к изучению языков пограничных стран, ибо именно соседние языки могут принести им максимальную пользу в ежедневной жизни.

Если это и так, в чем я лично сильно сомневаюсь, то Венгрия — исключение. Чешский, сербский и румынский языки, особенно старшим поколением, в Венгрии не очень-то изучались; невысока их венгерская «конъюнктура» и сейчас. Наша языковая изолированность так сильна, что венгры вынуждены «добывать свой паспорт» в широкий мир, наращивая радиус географическо-лингвистических устремлений. Хорошо, например, какой-нибудь Швейцарии: ее жители трехязычны и все три языка (немецкий, французский и итальянский. — *Прим. перев.*) мировые. Прибавляя к ним еще один «иностраный» язык, скажем, русский или английский, швейцарец открывает себе двери более чем в полмира.

Чем руководствуется взрослый человек, выбирая себе язык для изучения, чем руководствуются родители, предлагая своим детям тот или иной иностранный язык? Обычно двумя диаметрально противоположными факторами — полезностью языка и легкостью овладения им.

О полезности языка мы поговорим в главе о будущем языков. В связи же с легкостью овладения мне бы хотелось заметить, что в Венгрии культура изучения языка находится на довольно высоком уровне. Имеется достаточно педагогов, словарей, учебников, теоретических и практических пособий. Так что объективных трудностей нет. О возможности или невозможности овладеть иностранным языком мы судим, как правило, исходя из наших субъективных представлений.

От людей неосведомленных мы нередко слышим, что есть языки:

легкие и трудные,
красивые и некрасивые,
богатые и бедные.

Рассмотрим вторую «категорию». Самым красивым языком считают обычно итальянский, который хвалят за мелодичность, мягкость.

Нашему слуху язык этот приятен потому, что в нем много гласных и мало согласных. Немецкий язык, которому общественное мнение обычно в благосклонности отказывает, тем не менее красив своей консонантной выразительностью: обилие согласных и еще большее обилие их самых разнообразных сочетаний позволяет живописать звуками самые разнообразные явления жизни и душевного настроения. Звуковые качества языка лучше всего заявляют о себе в поэзии (что, впрочем, не удивительно, если подумать о происхождении и роли поэзии в культуре каждого народа); поэтому такие тезисы лучше всего иллюстрировать поэтическими примерами. Немецкий язык мог бы завоевать симпатии меломанов такими строками из Рильке:

Erste Rosen erwachen,
Und ihr Duften ist zag,
Wie ein leis-leises Lachen.
Flüchtig mit schwalbenflachen
Flügeln streift es den Tag...

(Просыпаются первые розы,
И их аромат робок,
Как тихий-тихий смех.
Мимолетно плоскими, как у ласточки,
Крыльями касается он дня...)

Обратите внимание на звукописание такими согласными, как «р», «л», «ха», «ф»:

Эрсте розен эрвахен,
унд ийр дуфтен ист цаг,
ви айн ляйз-ляйзес лахен
флюхтих мит швальбенфлахен
флюгельн штрайфт эс ден таг...

Русский язык считается в звуковом отношении более мягким и обладает одинаково широкой гаммой и гласных и согласных. В устах хорошо владеющего им он может звучать и скорбно, и нежно, и мужественно, и ласково (если бы не необходимость бороться с предрассудками, я бы сказала то же обо всех языках). Какие ласкающие звуки, например, нашел Владимир Соловьев, чтобы выразить свою нежность к любимой:

Белей лилей, алее лала,

Бела была ты и ала.

Но внешняя фонетическая сторона не самое главное; было бы поверхностным и неправильным судить о ней, не зная языка, не умея произнести что-либо *фонетически безупречно и со смыслом*.

«Акустические явления языка нельзя отделять от эффекта, производимого значением», — совершенно справедливо пишет Бела Золтан в своей работе «Язык и настроение». Жесткое или мягкое звучание слов зависит в первую очередь не от комбинации звуков, а от тона их произнесения, который в свою очередь диктуется смыслом высказывания, настроением говорящего! Как прекрасно звучит слово «фиалка»: какой нежный, милый цветочек. Какое неприятное, гадкое слово «фискал». А ведь звуки в них почти одни и те же! Красиво, романтично звучит слово «Андалусия» и грубо — «вандализм», а ведь оба слова происходят из одного и того же корня. Мы по-разному реагируем на и то же звуко сочетание, когда оно означает легкую мелодию и когда — некрасивое насекомое.

По красоте звучания чешский и сербский языки набирают обычно немного баллов. Общественное мнение осуждает их за «невероятное» стечение согласных. Для сербского в качестве примера привлекает такое словосочетание, как «чрли врх» (черная вершина), — одни согласные! Неприятным может показаться кое-кому и чешский язык, потому что ударение в нем всегда падает на первый слог да плюс резко звучащие согласные. Да и венгерский тоже не в почете. Тут уже упреки со всех сторон — и резкое ударение (без протяжения слога) всегда на одном и том же месте, и «непроизносимое» стечение согласных, и монотонность, и жесткость...

— Как ты называешь свою любимую? — допытывался в первую мировую войну один итальянский солдат у своего товарища венгра.

— «Galambom» («Моя голубка»), — ответил ему простодушный мадьяр.

— «Bim-bom — galambom!» — удивился итальянец. — Это же звон колоколов, а не милование!

Уже очень многие пытались приписать отдельным звукам выразительный, экспрессивный характер.

Думаю, что никому не удалось сделать это так поэтично, как Дежё Костолани:

1	2	3
Lenge lány, aki sző holdv lág mosolya: ezt mondja a neved Ilona Ilona.	Lelkembe hallgatag dalolom, lallala, dajkálom a neved lallázva, Ilona	Minthogyha a fülem szellőket hallana, szellőket lelkeket lengeni Ilona
4	5	6
Müezzin zümmög így: «La illah il' Allah», mint ahogy zengem én, Ilona.	Arra, hol feltün és eltün a fény hona, fény felé éj felé Ilona,	Balgatag álmaim elzilált lim-lomá, távoli szellemi lant-zene,
7	8	9
Ó az i kelleme, ó az l dallama, mint ódon, ballada, úgy sohájt Ilona.	Csupa l, csupa i, csupa o, csupa a, csupa tej, csupa kéj, csupa jaj, Ilona.	És nekem szin is ez, kék-lila halovány anilin, ibolya, Ilona.
10	11	12
Vigasság fájdalom, nem mulik el soha, a balzsam is mennyei lanolin Ilona.	Elmúló életem hajnala alkonya, halkiló, nem múlo hallali Ilona.	Lankatag angyalok aléló sikolya, Ilona, Ilona, Ilona, Ilona.

1	2	3
Имя – лань: влажен глаз, блик луны на губах, локон – челн гладь ланит, гибок стан: И-ло-на	Неба синь, колыбель, упоен сном апрель; динь-динь-динь, - льет капель песнь свою: И-ло-на.	Будто луч проскользнул, зазвенев на ветру, и прильнул ангел мой, и уснул: И-ло-на.
4	5	6
Муэдзин так поет: «Ла иллах, ил'Аллах». Так хвалу к небесам возношу: И-ло-на.	И молю солнце я, - расплескай ночи тень, - преклонен пред тобой, полонен И-ло-на.	Бледных грез карнавал распушил, переплел лютни стон; тинь-тинá,- прозвучал, И-ло-на.
7	8	9
Это «и» белизна, это «л» плавный вал, это лен нежных рун тихий вздох: И-ло-на.	Само «л», само «и», само «о», само «а»- лон твоих сладость, нег пелена, И-ло-на.	Для меня это цвет: лилий синь, фиолет, сонных роз анилин и жасмин, И-ло-на.
10	11	12
О утешь мою боль, чтоб прошла, уплыла ты бальзам, ты эдем,	Жизнь моя есть, была алый день, ночи склянъ, ты заслон на века	Пала тень от крыла, от огня опален небосклон, зорьный лал:

ланолин,	ей от бед,	о кармин,
И-ло-на.	И-ло-на.	И-ло-на.

(Дежё Костолани, «Илона», пер. Ал. Науменко. Строфы пронумерованы для удобства читателя).

Намного более прозаичным образом можем установить и мы, что в словах определенного значения отдельные звуки встречаются чаще, чем обычно. Например, звук «и» в словах с уменьшительным значением: «kis, kicsi, kicsi» (малый, маленький, крошечный – венг.), русское «мизинец», «little, itsy-bitsy, teeny-weeny» (маленький, крошечный, малюсенький – англ.), «minime» (очень маленький – фр.), «piccolino» (маленький - итал.), «chiquito» (маленький – исп.). А слова, обозначающие «грохотанье грома» (dörgés—венг.; Donner-нем.; tonnere-фр., thunder-англ.); не звучат ли так «грозно» из-за преобладания в них звука «р»?

Итак, о красоте языка судят по тому, как он звучит – напевно, жестко, мягко или резко. Другие моменты – гибкость словообразования, например, – в классификации роли не играют. А если смотреть на дело с этой точки зрения, то мой любимый язык — русский. Ему бы отдала я пальму первенств за образность.

Говорят, что золото — самый благородный металл потому, что небольшую его крупинку можно расковать в пластинку диаметром в метр, не изменив при этом ни одного качеств этого вещества.

Таким пластичным, благородным языком является русский; любое из русских слов можно вытянуть бесконечность.

Возьмем слово «стать» (один слог!):

стать	lesz, válik valamivé
ставить	helyez, állít
оставить	hagy
становить	alapoz
становление	kialakulás
приостановить	felfüggeszt
приостанавливать	felfüggeszt, fékez, megállít
приостанавливаться	meg-megáll
приостанавливаемый	megállítható

Обратите внимание, что перевод этих слов на венгерский требует иных корней. Чрезвычайно продуктивен в словообразовании и венгерский язык, но в отличие от русского его лексическая

конструктивность более абстрактно-логична и, я бы сказала, более «линейна»: к неизменяемой основе «приклеиваются» один за другим соответствующие суффиксы с определенными значениями, каждый из которых в логическом порядке дополняет, или уточняет, или обобщает смысл корня-основы. Но в венгерском языке очень богата значениями сама основа, которую можно сравнивать с некой первоматерией и которую с помощью суффиксов можно не только «кристаллизовать» в новое слово, но и выделять в ней признаки разных частей речи. А потому не исключено, что мои русские коллеги предпочтут венгерский другим языкам, как я — русский. Обобщая, можно сказать, что вопрос о бедности или богатстве языка, равно как и вопрос о его красоте, - это вопрос о знании или незнании языка. Если что-то в одной из сфер языка не развито, то эта неразвитость (понятие относительное!) компенсируется в другой сфере того же языка другими средствами.

Говоря о *трудности* языков, нам надо сделать небольшую экскурсию в царство языковой типологии. Языки, похожие на венгерский, называются в науке «агглютинативными». Эти языки считают обычно трудными, потому что, как я только что говорила, меняется смысл основы, когда слово получает очередной суффикс или занимает в предложении новое место. Опыт показывает, что *пассивное* понимание сильно облегчается тем, что уже сама форма слова показывает, какую роль оно играет в предложении и с каким словом связано. Достаточно мне посмотреть на русское слово «лаяла», и я уже знаю, что это *глагол в прошедшем* времени, что он как сказуемое связан с подлежащим *женского* рода, которое после всего этого мне уже нетрудно найти в предложении. А венгерский перевод этого слова —«ugatott»-по форме своей говорит лишь о том, что это только прошедшее время, но что это: глагол, существительное, определение, какого рода, -если не знать корня и особенностей венгерского синтаксиса, определить невозможно.

Казалось бы, что более простыми должны быть так называемые «изолирующие» языки. Признаками изолирующего языка частично обладает английский, но наиболее типичный их представитель - китайский язык. Иероглиф не говорит нам о том, подлежащее он или дополнение, а если дополнение, то какое, глагол ли он и в каком времени, существительное ли он и какого рода.

Получается что агглютинирующие языки не труднее изолирующих. Что теряем на одном, выигрываем на другом.

Мы требуем от языка выражения всех наших желаний, мыслей, чувств — выражения однозначного, исключаящего всякую двусмысленность. Если структура языка такова, что с помощью формы слова однозначность не может быть обеспечена (то есть если она недостижима морфологическими средствами), тем строже синтаксис такого языка, тем жестче, тем фиксированней порядок слов.

Иностранцам, изучающим венгерский язык, надо, к примеру, усвоить, что «-t»-это суффикс прямого дополнения. Если иностранец - носитель языка морфологически неразвитого, это дается ему довольно трудно. А ведь это правило освобождает от запоминания и перебирания в памяти всех возможных

порядков слов (в венгерском порядок слов относительно свободный). Если не принимать во внимание смысловые оттенки, предложения «*túrót eszik a cigány*» (творог ест цыган) и «*cigány túróт eszik*» (цыган творог ест) равнозначны. Равнозначны благодаря суффиксу «-t». Если бы этого суффикса в языке не было, то при изменении порядка слов — в таком случае обязательного, жестко определенного - могло получиться, что «творог ест цыгана».

Итак, каждый язык стремится дать средства для максимального однозначного и полного выражения мысли и чувства. И всякий язык в процессе исторического развития формировался и совершенствовался, пока не нашел формы, устраняющие возможность недоразумений. И некоторые процессы в отдельных языках завершились не так уж давно.

Итак, все средства языка направлены на выражение возможных оттенков мыслей и чувств человека, носителя данного языка. Кто, например, боится взяться за финский язык из-за сложной грамматики глагола, пусть подумает о том, как бесконечно сложна система лексических комбинаций, дающая с одними и теми же словами всякий раз иные значения, например, в английском языке, который по капризу общественного мнения считается «нетрудным».

Возьмем обычный, в общем-то ничем не примечательный глагол «to turn». Его значения - «вертеть, поворачивать, становиться, превращаться, выворачивать наизнанку», однако они иногда совершенно пропадают (при сравнении с родным языком; в логике английского все эти значения сохраняются!) в различных словосочетаниях, которые надо запоминать отдельно как «выражения», «обороты». Вот, например, небольшой букет вариантов употребления этого глагола:

I turned down	я отклонил, отверг
you turned up	ты появился
he turned in	он лег спать (<i>разг.</i>)
we turned over	мы перевернули, передали, обдумали
you turned out	ты погасил свет, выгнал, исключил
they turned on	они включили

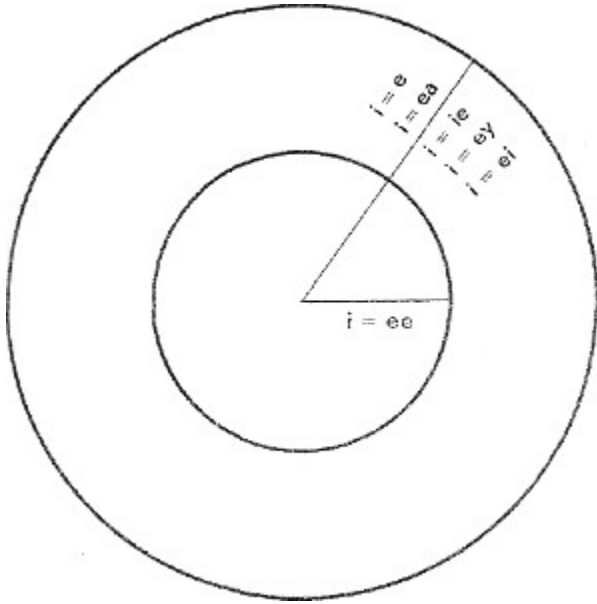
В таком современном «модизме», как «he is turned on», глагол означает «быть под воздействием какого-либо наркотика».

Вопрос о трудности — легкости (если его вообще стоит ставить), может быть, надо сформулировать так: *труден тот язык, в котором радиус действия правил ограничен*. Другими словами: чем меньшую часть данной области покрывает правило, которое должно бы охватить ее целиком, тем больше энергии требует изучение этой области языка или языка в целом.

Из трех основных групп правил, образующих систему языка (фонетических, словообразовательных, синтаксических), возьмем первую группу.

Если радиус действия фонетических правил невелик, т. е. один и тот же звук приходится обозначать разными буквами, то такое письмо я предложила бы назвать «афонетическим».

В английском языке мы можем, например, усвоить правило чтения «ее» как долгое «і». Но, к сожалению, радиус действия правила очень невелик: «е» в слове «to be», «ea» в слове «leaf», «іе» в «siege», «еу» в «key», «еі» в слове «seize» тоже произносятся как долгое «і»:

Если радиус правила какого-либо словообразования не «описывает всей площади круга», то язык — носитель такого рода правил — можно было бы назвать «алогичным». У живых языков есть свойство — для начинающих неуловимое — образовывать слова не по шаблону. «Алогичность», так же как и «афонетичность», — явления, конечно, только кажущиеся. Всякий, кто готов углубиться в историю языка и приняться за изучение синхронных (т. е. взятых в современном разрезе) правил, а также правил диахронных (т. е. в их становлении во времени), сразу поймет, что никаких исключений нет, радиус действия правил станет максимально большим и количество самих правил окажется минимальным. Но если теория нам скучна или недоступна по объективным причинам, то, изучая, к примеру, венгерский язык, необходимо просто запомнить, что суффиксом принуждения к действию «-tat», «-tet» мы можем видоизменить не все глагольные слова («чистого» глагола как части речи в смысле индоевропейских языков в венгерском, принадлежащем к угро-финской группе, нет). Из «olvas» (читать) можно сделать «olvastat» (заставить читать, побудить к чтению), но из «іg» (писать) нельзя сделать «іrtat» (заставить писать, побудить к письму), то есть воспользоваться тем же суффиксом нельзя. Есть исторические пары этого суффикса: «-at», «-it», по смыслу те же, имеющие тот же корень, что легко заметить, но ставшие, как говорят языковеды, непродуктивными (то есть

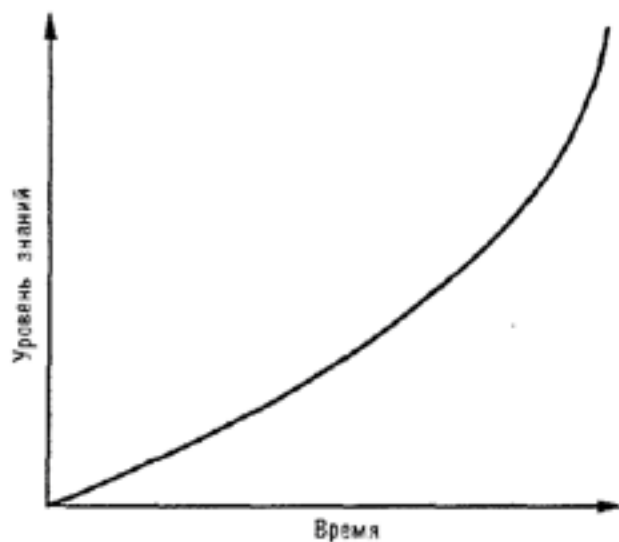
непереносимыми со слова на слово). Такие явления можно наблюдать и в других языках. Например, в русском из глагола «изобретать» можно образовать существительное «изобретатель», но из глагола «открывать» (в значении «делать открытие»), пользуясь тем же окончанием, как-то нескладно сделать «открыватель»...

Если же слово не укладывается в правила морфологических операций, или, точнее говоря, если эти правила не имеют смысловой или формальной аналогии с правилами родного языка, то такие слова или словосочетания мы называем «измами» (галлицизм, англицизм, русизм). Выражаясь иначе, это такие слова и словосочетания, которые имеют значение иное, чем можно заключить из их составных. Достаточно богат «унгаризмами» и венгерский язык: «kivan a lóból» («вышел из лошади» = расфуфырился), «üsse kő!» («пусть его ударит камень!» = хорошо, согласен, за чем дело стало!) и т. п. С этими «измами», которые составляют красоту языка и многое могут рассказать о быте, характере, истории народа, бывает порой интересно, порой трудно. А сколько недоразумений, нередко анекдотических, они порождают!

Одному моему коллеге-переводчику очень понравилось русское выражение «скатертью дорога», которое он выудил из какой-то книги. По смыслу заключенных в нем слов мой коллега решил, что это очень красивое образное напутствие — пожелание приятного пути, ровного и чистого, без препятствий и неприятностей. И вот он, не чувствуя и тени подвоха, «испытал» это выражение, провожая высокого советского гостя. Можете представить себе эффект и последствия: вместо сердечных слов пришлось объясняться...

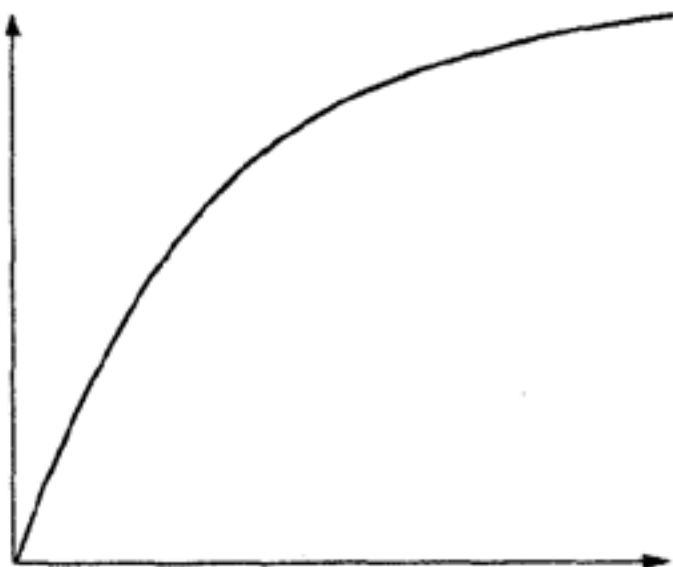
Возвращаясь к итальянскому, можно, наверное, сказать, что славу легкого языка он приобрел потому, что правила чтения, произношения, словообразования и построения предложений обладают в нем довольно широким радиусом действия. А что касается Венгрии, то еще и потому, что с итальянским у нас сталкиваются обычно после гимназии, где - если гимназия гуманитарная - одним из обязательных языков бывает зачастую французский или латынь. Латынь - прародительница всех романских языков, к которым относятся и французский, и итальянский, и испанский, и португальский, и румынский. Итальянский и французский очень близки друг другу, а итальянский наряду с испанским более, чем остальные романские языки, близок к латыни. Ну а если человек возьмется за итальянский, не зная ни латыни, ни другого романского языка, ему придется не менее солоно, чем при изучении любого другого языка.

Трудными окрестило общественное мнение те языки, которые пишутся нелатинским алфавитом. Каждый, кто овладел хоть одним из таких языков, скажет, что трудность эта явно переоценена, тем более что усвоение алфавита - по сути, изучение нового, *ограниченного* количественно набора рисунков - относится только к первой, относительно короткой стадии изучения языка. Если мы, к примеру, изучаем русский или арабский, то кривая прогресса будет выглядеть примерно так:

После затруднительного начала наступает равномерный и уверенный подъем.

А в отношении таких «легких» языков, как английский, испанский, итальянский, та же кривая будет выглядеть наоборот:

Поначалу нас охватывает радостное чувство быстрого продвижения вперед. Но чем дальше, тем яснее мы видим, что многих слов и правил мы еще не знаем. Их, правда, относительно меньше, чем в вышеупомянутых «трудных» языках, но в них мы должны выразить и понять — а главное, *различить* — все богатство отношений между предметами и явлениями действительности, все оттенки человеческих чувств и мыслей. Вот и получается, что надо искать способы — практические уже способы — приложения *одних и тех же* правил для выражения *самых разнообразных* явлений. «Какой легкий английский язык, правда ведь?» — часто спрашивают меня. «Да, легкий в первые десять лет, а потом становится невыносимо трудным», — отвечаю я всегда.

Если и велика трудность — понятие, как вы, вероятно, уже догадываетесь, очень субъективное, — языков с иероглифической письменностью, то вовсе не потому, что трудно выучить иероглифы! У всех этих знаков есть железная графико-образная логика. Занятие ими доставляет радость, служащую стимулом для преодоления трудностей. Нет, для овладения японским или китайским нужно, по-моему, в три раза больше времени по совершенно иным причинам. Правила чтения алфавитных языков усваиваются легко. Овладев ими, нам нужно отыскать в словаре только смысл незнакомого слова (а иногда и этого не нужно, потому что смысл подсказывается контекстом, то есть определенным окружением, или уже известным корнем слова). В случае иероглифа необходимо прежде всего выяснить, как он *звучит*, и только потом искать его *значение*. Но правило «что потеряли на одном, выиграли на другом» действительно и для этих языков. Возьмем, например, три немецких слова: «Eiche», «Birke», «Linde». С произнесением этих слов трудностей не возникает, но по их графической форме не узнаешь, что все три слова обозначают *дерево* (дуб, береза, липа). В японском же и китайском языках достаточно одного дня занятий, чтобы при первом же взгляде на иероглиф понять, что он означает принадлежность к какой-то разновидности деревьев.

Один из моих коллег как-то писал мне, что английский — такой же иероглифический язык, как и китайский, японский или корейский: глядя на английское слово, невозможно определить, как оно произносится, — постоянно надо иметь под рукой фонетический словарь.

Вернемся еще раз к притче о «богатых» и «бедных» языках. Не исключено, что для обозначения каких-то понятий в том или ином языке имеется больше синонимов (кстати, насколько мне известно, сравнительной синонимикой языков не занимался еще никто и никаких действительно *объективных* данных по этому разделу языкознания не имеется). Бывает, что в каких-то языках для обозначения определенных понятий находится огромное количество синонимов и тот же язык при описании другой сферы явлений оказывается поразительно бедным и бесцветным. Не исключение в этом смысле и наш родной, венгерский.

Как часто литературные переводчики вздыхают, жалуется на невозможность передать на родном языке все оттенки оригинала. Ну конечно! И ничего трагичного нет в том, что немецкие слова «Stimme» (голос), «Ton» (тон, звук), «Laut» (звук) переводятся на венгерский только одним словом «hang». Такая «нехватка» восполнима ситуативным употреблением слова или дополнительными определениями. Это переводческое правило эксплуатирует так называемый закон компенсации, о котором мы уже несколько раз говорили. Английские «seed» (семя), «nucleus» (ячейка, ядро), «rip» (зернышко), «core» (сердцевина), «semen» (семя, сперматозоид) переводятся на венгерский словом «mag» *всегда*, а «kernel» (ядро), «grain» (зерно, гранула), «stone» (косточка плода) — тем же словом *иногда*. Но в каком языке есть разница между «fejlődés» и «fejlesztés» (на русский язык и то, и другое переводится одним словом — «развитие», только первое означает «развитие само по себе», а второе —

«развитие кем-то, чем-то кого-то, чего-то»)? Или между «felhalmozás» и «felhalmozódás» (первое - «нагромождение»: кто-то нагромоздил, а второе — «нагромождение»: само нагромоздилось)?

К «богатым» языкам нередко причисляют немецкий. И все же в нем нет специальных слов для обозначения «умения» и «способности», точнее говоря, для разделения этих понятий, и есть только один глагол для выражения и того, и другого «können». Но, конечно же, это не аргумент, как не является аргументом наличие во французском, русском и польском лексического разделения этих понятий: «je sais écrire», «умею писать», «umiem pisać» и соответственно «je peux écrire», «могу писать», «moge pisać». Разница в значениях французских «savoir» и «pouvoir» сделала возможным выражение «Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait» (О если бы молодость знала, а старость могла). Для выражения возможности, зависящей от разрешения, в английском есть специальный глагол «may». Это он подсказал остроумному Б. Шоу ответ на просьбу посредственного переводчика разрешить ему взяться за перевод одной из пьес великого драматурга: «You may, but you can't». По-венгерски (и по-русски тоже) это возможно передать только таким грубым переводом, как «можете, но вы на это неспособны».

Вспомогательные глаголы, о которых шла речь выше, навеяли мне мысль о языке, который так часто обсуждают в наши дни, — о языке молодежи, о специфических словах и оборотах, которыми молодежь пользуется. Одни при этом ругаются, другие удивляются изобретательности и выразительности этого языка. Я принадлежу к последним...

Клара Сёллёши, наша именитая переводчица русской и немецкой литературы, заметила как-то, сколько труда доставил ей перевод одного предложения из романа Томаса Манна «Волшебная гора». Как жаль, пишет Манн, что все чувства — от самого высокого духовного влечения до телесного вожделения - приходится выражать одним-единственным словом-«Liebe» (любовь). В венгерском переводе такое сожаление теряет смысл (если не вставлять немецкого слова), ибо для обозначения духовной любви (к родине, матери, близким, друзьям и т. п.) и любви к женщине как физического влечения в венгерском языке есть два разных, хотя и одинаковых по корню слова: «szeretet» и «szerelem». Именно это и поставило в тупик замечательную переводчицу.

СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС И КОНТЕКСТ

— Мама, что значит «tb» ?

— Зависит, сынок, от того, что ты читаешь. Может быть «tiszteletbeli» (почетный [член общества]). В спортивной газете, возможно, означает «Testnevelési Bizottság» (комитет по физкультуре и спорту), а в медицинской статье — «туберкулез». В каком-нибудь историческом тексте не исключено, что «táblabíró» (член апелляционного суда).

Этот пример, который может показаться крайностью, взят тем не менее из жизни. Из него следует вывод, что слова, так же как и всевозможные сокращения, нельзя рассматривать вне их связи с другими словами. Понять и заучить их можно только из контекста.

Слово это мы употребляем довольно часто как в прямом, так и в переносном смысле. Но, может быть, мало кому известна его этимология. Латинское слово «contextum» означает «сотканный, сплетенный, связанный». Его исходный смысл интересно знать потому, что всякий текст — будь то письменный или устный — представляет собою, по сути дела, *сплетение*. Из него можно изъять какое-либо слово или выражение, но, изолированные, они будут представлять *целое* лишь в той же мере, в какой представляет цепь одно ее звено или вышитый узор — пара ниток. Нити сплетаются, закрепляют друг друга, подчеркивают цвет друг друга и вместе образуют гармонию красок, формы, крепкую ткань. Вероятно, всем, кто изучал хоть один иностранный язык, знакомо ощущение, какое испытываешь, когда впервые за много лет оказываешься вынужден на этом языке заговорить. Со скрипом вращаются колесики мышления, и в досаде разводишь руками: знал, помнил, но забыл. В голову не приходят простейшие слова. И вытеснили их, как мне кажется, в таких случаях не соответствующие слова родного языка, а слова другого языка, которым сейчас живешь, на котором читаешь, разговариваешь. И вот спустя 10-20 минут негодования на свою память и удивления — «Надо же, так хорошо знал и забыл!» — слова и формы потихоньку начинают восстанавливаться. Выплывают на поверхность существительные, годами пылившиеся на кладе памяти, к ним сами собой начинают прилипать определения и правильно спряженные глаголы. Партнер по беседе удивляется, а ты про себя торжествуешь: «До склероза пока еще очень далеко, да и сам я вроде не такой уж и тупица, как перед этим только что себя чистил». А дело в том, что начался процесс, который в будничных ситуациях редко осознается, но присущ человеческому восприятию вообще, — процесс ассоциирования. Слова и выражения, воспринятые, усвоенные в определенной смысловой связи, а через смысловую — и в связи формально-грамматической, то есть в *контексте*, — начали проявлять свою гравитационную силу, стали как бы сами становиться на свои места.

Я долго ломала голову над общеизвестным фактом: почему так слаба у человека так называемая *память на имена*. Бытовые или профессиональные понятия приходят нам в голову по первому зову даже в том случае, если мы не пользовались ими годами, а имена — наших знакомых, друзей, родственников, — бывает, прямо безнадежно куда-то проваливаются. И если в пожилом возрасте начинает отказывать память, то первой перестает служить нам именно память на имена. Томас Манн пишет об одной из своих героинь, что она была в том возрасте, когда память работает еще безупречно, но память на имена (Namengedächtnis) уже ржавеет.

Мне кажется, что это явление возможно объяснить через понятие контекста. Слова не приходится искать потому, что в памяти они пребывают не в изолированном виде, а логически привязаны к

определенным структурам, явлениям, образам, ситуациям и т. п. А между именем и его носителем нет таких «контекстообразующих» связей, которые помогли бы «разом» вспомнить, что девочку, которая живет по соседству, зовут Ева, одноклассницу, которая вчера бросилась мне на шею в автобусе, — Мария Ковач, а страшно знакомый голос, звучащий сейчас в телефонной трубке, принадлежит моему старинному приятелю Лайошу Барта, пропавшему несколько лет назад бог весть куда и теперь вновь объявившемуся.

Тот, кто не раз попадал в трагикомические ситуации, возникающие в связи с забыванием имен близких, хороших людей, вероятно, нашел уже и противоядие: разговаривать таким образом, чтобы избегать обращения, а пользоваться шутливо-ироническим «дорогой, дорогая» или дружески фамильярным «старик, мать», как говорит современная молодежь. Или беседу направляют так, чтобы «сюрпризный визави» сам назвал свое имя.

Я же предложила бы средство для предупреждения подобных ситуаций вообще. Этот на первый взгляд чисто светский прием может оказаться и способом — подчеркиваю: только общим способом — заучивания новых слов иностранного языка. Речь идет о так называемых «мнемотехнических приемах», которые представляют, по сути, не что иное, как построение искусственного контекста. Слову или имени никогда не следует давать повиснуть в вакууме, а надо ассоциировать его с каким-либо другим, уже известным, выражением или понятием. Не нужно искать обязательно смысловые связи: для закрепления достаточно и формального сходства. Никогда не забуду, как будет по-японски «бедный человек» и по-итальянски «мальчик»: и то и другое звучит как «бимбо».

Конечно же, эти формальные ассоциации небезопасны. В одной из своих книг Рихард Катц пишет, что японское «спасибо» (арригато) он запомнил через «аллигатора». Наверное, поэтому сказал он милой маленькой гейше, помогавшей ему надеть пальто, «крокодил»

Контекстом служат не только лексические элементы речи, но и все, что речь сопровождает, — выражение лица, интонация, жест руки. Поэтому мы лучше понимаем живого, жестикулирующего партнера, чем порою фонетически безупречную речь невидимого диктора радио. А в моей практике был случай — критический случай, — когда спасительным контекстом послужил мне цвет лица говорящего. Произошло это на одной международной конференции, на которой я работала в качестве переводчика-синхрониста. Надо сказать, что некоторые синхронисты (к ним принадлежу и я) имеют привычку переводить с закрытыми глазами — благо никто не видит этого, так как надо знать, что синхронисты работают обычно в специальных закрытых кабинках. Так лучше сосредоточиться, устранить все мешающие, рассеивающие внимание, «визуальные» впечатления. Один из делегатов выступил с таким политэкономическим предложением, за которым даже в лихорадке одной-единственной заботы: «не отстать больше, чем на три-четыре слова» — я почувствовала расовую дискриминацию. Ответная реплика по-французски была выразительной, но очень краткой, и я не

расслышала одного важнейшего слова — не поняла, счел ли выступивший это предложение «acceptable» (приемлемым) или «inacceptable» (неприемлемым). Наверное, от страха я открыла глаза, посмотрела в окошко кабины и была спасена: темное лицо африканца, выступившего с замечанием по предложению, рассеяло мои сомнения.

Роль г-на учителя Контекста состоит, однако, не в наведении порядка в случае недоразумений или промахов памяти, а в облегчении приобретения необходимых нам знаний.

Опять начну со словарного запаса, потому что это наиболее конкретная, лучше всего «прощупываемая» составная часть наших языковых знаний. Этим фактом часто пользуются и словарный запас отождествляют со знанием языка, а память на слова — с языковыми навыками. А это разные вещи.

Однажды я слышала, как гордый отец заявил, что его дочь учится по-немецки и уже «освоила половину языка». Как это «половину» языка? Очень просто: она уже знает примерно 1500 слов, и когда выучит еще 1500, то будет прекрасно говорить по-немецки.

Еще более наивное замечание, тоже в связи с немецким языком, слыхала я от одного из наших юных коллег — ему было, должно быть, лет 7-8. Он ехал в трамвае с мамой и болтал без умолку:

— Мам, ты представляешь, завтра у нас будет урок немецкого языка.

Мама, погруженная, очевидно, в другие заботы, отреагировала на это великое событие только кивком головы. Мальчуган разочарованно замолчал, но новость волновала его настолько, что через пару минут он опять стал теребить свою мать:

— Мам, правда, что после урока я уже буду говорить только по-немецки?

Нет, к сожалению, этот юный энтузиаст после урока по-немецки не заговорит. Не будет он знать языка ни через неделю, ни через месяц, не будет знать и тогда, когда выучит пресловутый лексический минимум в три тысячи слов.

Словарный запас языка, согласно утверждению Дюлы Лазициуса, — это безбрежное море, которое беспрерывно увеличивается за счет внутренних возможностей словообразования и из-за постоянно расширяющихся контактов с другими языками.

Мы даже еще не начали заигрывать с мыслью овладеть новым языком, а ты уже владеем, нередко сами того не осознавая, какой-то частью его лексики. Только в одной-единственной полосе музыкально-критического текста я насчитала как-то 14 итальянских слов, а текст был венгерским. А футбольные болельщики, можно сказать, ссорятся исключительно по-английски, обсуждая результаты только что закончившегося матча. Во многие языки вошло русское слово «спутник». Но даже в таких языках-аутсайдерах, как японский, мы тоже находим вошедшие во многие языки слова: «кимono», «тайфун», «гейша», «харакири»...

Большая часть географических понятий во всех языках и львиная доля научных понятий вообще — международные слова, а морская терминология во всех европейских языках голландского происхождения.

Языки впитали в себя много тысяч иностранных слов и выражений. Но дело в том, что они дали им свое гражданство и включили их в свою систему грамматических изменений. Некоторые из этих иностранных слов и выражений в процессе ассимиляции настолько изменились, что порою и филологу приходится трудно. Венгерский язык, например, вобрал в себя массу славянских слов, имеющих отношение к оседлой жизни и сельскому хозяйству, ибо мадьяры, прекратив кочевой образ жизни в эпоху великого переселения народов, около середины первого тысячелетия нашей эры осели в прикарпатской котловине, где жили славянские племена. В венгерском языке появились такие слова, как «*ebéd*» (обед), «*villa*» (вилы, вилка), «*vacso*» (ужин, от слова «вечер»), «*mezse*» (межа), «*kormány*» (правительство, от «кормило») и т. п.

Один из моих знакомых на спор составил такой английский текст, в котором все слова были греческого или латинского происхождения. Текст был медицинским. Его прочли врачам, которые английского языка не знали, но знали латынь и немногие греческий. Однако никто ничего не понял. Не удивительно! Действительно, из-за фонетических правил английского трудно узнать в слове «*изофёгс*»-«*oesophagus*», а в «*сайки*»-«*psyche*», в «*фитс*»-«*foetus*». А французские слова «*nature morte*» (натюрморт) и «*chef d'oeuvre*» (шедевр) помогут русскому, изучающему французский язык, только в том случае, если ему известна этимология этих слов.

Но понимание, точнее, *узнавание*, в иностранном тексте заимствований все же не проблема, если этот текст читается. И такая лексическая помощь не проблема, если речь идет о высоких материях. Но по мере приближения к повседневности заимствованная лексика языка становится все более национальной. Тут уж ничего не поделаешь: надо заучивать. Без ниток ткани не соткешь.

КАК ЗАУЧИВАТЬ СЛОВА?

Общепринятый способ заучивания слов заключается в следующем. В левый столбец пишем в тетрадку иностранные слова данного текста, в правый — соответствующие им слова родного языка. Закрываем ладонью по очереди то одну, то другую сторону: глаза смотрят, губы шевелятся, — и таким образом можно заучить слова. Способ так же стар, как и изучение языка, и у него есть большое достоинство. Но еще БОльший недостаток. Он заключается в том, что слова мы запоминаем в отрыве от контекста. Единственной привязкой служит соответствующее значение в родном языке; только на этот «гвоздь» мы и вешаем — говоря научно, только с ним мы и ассоциируем - новое приобретение. Точка отправления не самая удачная. Прежде всего потому, что, как правило, при этом усваивается только одно значение слова. Если в свой «словник» я записываю, что английское слово «*marble*» означает

только «мрамор», то фиксирую только полуистину, потому что означает оно еще и «игровой шарик, фишку». Серьезные, более обширные и основательные словари объясняют слово еще в пятнадцати-двадцати сочетаниях, но и этим нередко не исчерпываются все возможные случаи его употребления. Происходит это не потому, что данный словарь плохой или все словари плохие, а потому, что нет — и не может быть! — такого словаря, который мог бы дать все «валентности» слова, описать все возможные случаи его употребления и дать все другие слова, с которыми данное слово сочетается. И все-таки у этого метода есть одно большое преимущество. Такой словник составляем *мы сами*. С каждым вписанным в него словом связан какой-то момент нашей деятельности, наших впечатлений. Записывая слова и выражения в тетрадь, мы тем самым записываем их в контекст своего «я», облегчая возможность их вспомнить при необходимости: фиксируются обстоятельства, при которых мы встретили данное слово, время, события, происшедшие в это время, иногда даже настроение, которое у нас было, когда мы записывали данное слово.

Поэтому от всего сердца рекомендую составление неупорядоченного по алфавиту словника. Строки слов, записанных одно под другим одним и тем же почерком, можно сравнить с ландшафтом пустыни — каждое новое место, куда мы попадаем, не имеет никаких особенных отличительных признаков. Но стоит только изменить почерк, воспользоваться разноцветными чернилами, ввести фигурное оформление для каждой новой группы слов, как уже появляются точки опоры. То есть преимущество текущего словника заключается в том, что мы можем внести в него черты нашей индивидуальности. Другой способ можно бы назвать «словарным». Приверженцами его оказываются люди с самыми противоположными индивидуальностями. Речь идет о выучивании слов прямо из словаря. Современные словари дают слова в их взаимосвязях с основными смысловыми лексическими группами. Может быть, этим объясняется тот факт, что хотя «словарный» метод и противоречит элементарным основам методики преподавания иностранных языков, тем не менее он оправдывает себя на практике. Я уже давно ищу причину, которая объяснила бы исчерпывающе его эффективность. Я расспросила одного из моих знакомых, ученика средней школы, который прекрасно объяснялся во время туристической поездки в Германию, «пропахав» предварительно карманный словарь. Он сказал мне, что основой ассоциирования служили ему начальные буквы слов; он заучивал слова во всех их значениях — кустовым образом, и словосочетания раскрывали перед ним внутреннюю логику языка. Логические преимущества *словаря* и личностный характер *словника* мы можем объединить, записывая в тетрадку слова не изолированно, а в сочетаниях с какими-то другими словами. В первую очередь вместе с другими словами текста, приписывая родственные по смыслу слова (синонимы) или противоположные по смыслу (антонимы). (Но не следует увлекаться: будем записывать только то, что действительно напрашивается.) Нельзя забывать о ценном свойстве слов: об их способности

порождать целые семьи слов, порою чрезвычайно многочисленны, которые в свою очередь образуют лексическое «общество» языка.

Обезьяна является наиболее высокоорганизованным животным (не считая, естественно, человека) еще и потому, что всеми четырьмя конечностями она может пользоваться с одинаковым успехом. А человек, помимо прочих причин, стал хозяином в животном царстве потому, что двумя конечностями он научился работать, то есть осуществлять разумную деятельность. Не удивительно, что во всех языках самой обширной семьей производных слов обладает слово «рука». Один немецкий ученый утверждает, что словами, порожденными словом «рука», можно описать все разновидности человеческой деятельности. Не знаю, так ли это, но я здесь собрала небольшой комплект французских слов, в образовании которых тем или иным способом принимает участие слово «рука»:

манерный – *maniéré*

перерабатывать - *remanier*

наручники – *menotte*

однорукий, пингвин-*manchot*

освобождение – *émancipation*

поддерживать – *maintenir*

рабочая сила-*main d'oeuvre*

рукоять—*manivelle*

уход – *manutention*

изготовление, производство -*manufacture*

пользоваться, владеть - *manier*

манжета, заметка на полях, заголовок -*manchette*

учебник - *manuel*

рукопись - *manuscrit*

манифест, воззвание -*manifeste*

манифестация, выражение чувств и мыслей -*manifestation*

объезжание лошади—*manège*

развинченный (о походке)-*démanché*

приказ, полномочие, мандат-*mandat*

управление, манипулирование -*manipulation*

муфта -*manchon*

сейчас - *maintenant*

способ, манера—*manière*

рукав-*manche*

доверитель - mandant

происки, ухищрения-manigance

благодущие - mansuétude

и т. д.

Вероятно, читатели знают, что одни слова запоминаются легче, а другие - почему-то труднее. У этого есть отчасти объективные, отчасти субъективные причины.

Первая причина очень проста: легче запоминается то слово, с которым мы часто общаемся в родном языке. Вообще выражение, число, имя, событие запоминаются тем лучше, чем большее отношение имеют они к нашей жизни, личности. И вернусь еще раз к мнению, которое я уже не однажды высказывала на страницах этой книжечки: знания, приобретенные в результате какого-то *усилия*, куда более прочны, чем полученные в готовом виде. Если о значении слова мы *догадаемся* по контексту, этот небольшой момент доставит нам «логическую радость», положительную эмоцию. В несколько примитивной формулировке те хотелось бы сослаться на павловское учение: если *сознательная* и *эмоциональная* сферы реагируют на раздражитель одновременно, то эффект всегда более устойчив. Говоря языком физиологии, всякий раздражитель порождает два вида раздражения, которые усиливают друг друга, создавая тем самым большой эффект.

Вторая, объективная причина кроется в самом слове, в его содержании. Легче всего запоминаются те существительные, которые обозначают какой-либо конкретный предмет (дом, окно, книга, карандаш). За ними идут прилагательные, обозначающие осязаемые свойства: цвета, формы, размеры (синий, круглый, мелкий). Далее следуют отвлеченные существительные, потом глаголы, которые выражают легко представимое конкретное действие (бежит, передает, носит). Опыт показывает, что труднее всего запоминаются слова, выражающие отвлеченные действия (выполнять, обеспечивать, ссылаться).

Глаголы оказываются в этом ряду на последнем месте, потому что они наиболее сильно изменяемая часть речи. Редко встречаются они исходной форме; мы сталкиваемся с ними то настоящим времени, то в прошедшем, то в единственном, то во множественном числе, то в пассивном, то в активном залоге, то в изъявительном, то в условном, то в повелительном наклонении. Чего только стоят виды русского глагола — совершенный и несовершенный! А венгерская объектная и безобъектная суффиксация по всем временам, лицам и наклонениям?!

Запоминаемость слова, помимо значения, зависит еще и от его формы. Однако не в том простейшем смысле, как это обычно понимают: «чем длиннее слово, тем труднее его запомнить». С длинными словами нам приходится трудно потому, что чем больше в слове букв, тем больше возможности совпадения каких-то буквенных или звуковых комбинаций в нем с уже усвоенными или почему-то запомнившимися нам по какому-то другому случаю. Тогда говорят, что нас ввела в заблуждение «перекрестная ассоциация», и мы путаем одно слово с другим. Эта закономерность касается не только

одного языка (не обязательно иностранного; такое случается и при освоении на родном языке терминологии, скажем, новой профессии или темы), но и стыка *нескольких* языков.

Я, например, больше всего затруднений испытываю с такими рядами русских глаголов, как «применять», «принимать», «прибирать», «примирять». Слишком уж похоже они звучат.

Многие педагоги считают, что опасность эту следует обходить, разводя подобные слова при подаче материала как можно дальше друг от друга. Я же считаю, что, наоборот, их надо сталкивать — впрочем, не я одна так думаю, - как надо сталкивать при заучивании омонимы (слова, одинаковые и по написанию и по звучанию, но имеющие разные значения). Три японских глагола — «окиру», «окору» и «окуру»-имеют в сумме десять значений: «подниматься», «просыпаться», «прибывать», «выдаваться», «сердиться», «осуществляться», «выпроваживать», «дарить», «отсылать», «сопровождать». Несколько месяцев старалась я усвоить их так, будто они совсем непохожи, занимаясь ими не всеми сразу, а как можно более раздельно. Ничего не получилось, я их безнадежно путала. В сердцах я собрала их в кучу и проработала их в различных комбинациях друг с другом. Результат оказался положительным.

Слова отличаются друг от друга, конечно, не только по трудности или легкости овладения ими, но и по важности. Слово «пожалуйста» встречается в десять раз чаще, чем слово «большой», а слово «большой»-в сто раз чаще, чем «видимость», которое в свою очередь имеет повторяемость, в десять тысяч раз большую, чем слово «орангутан» (цифры взяты, конечно, произвольные — я не считала). Но чаще всего, к сожалению, повторяется: «Простите, не понял...» или «Как вы сказали?» Это будет первое, что мы сможем, когда к нам впервые обратятся на иностранном языке. И было бы логичным начинать все учебники именно с этих слов. Но я еще не видела преподавателя, который бы учил начинающих спасительным, а следовательно, самым важным словам и выражениям.

Мне хотелось бы предложить последовательность изучения лексики, учитывающую степень важности слов. Но для начала позвольте мне сослаться еще раз на мое сравнение языка со зданием, имеющим четыре помещения. Если цель наших занятий языком мы сознательно ограничиваем (хотим, например, развить только навыки письменного перевода), то к настоящему знанию языка мы придем, постоянно обходя как хозяева все четыре помещения.

I. Понимание устной речи II. Понимание письменного текста

III. Устная речь IV. Письменная речь

Чтобы «обставить» третье «помещение», сразу же понадобятся следующие слова и выражения:

Слова, облегчающие установление контакта: «Как?», «Как вы сказали?», «Спасибо», «Прошу прощения», «До свидания», «Как вы поживаете?», «Будьте добры», «Да», «Нет».

Готовые формулы: «Я венгр (русский, немец, англичанин...)», «Я не говорю по-русски (по-венгерски, по-немецки, по-английски...)». «Вы говорите по-...», «Будьте добры, чуть медленнее», «Скажите, пожалуйста, где находится...»

Местоимения: «это», «то», «кто», «что», «мы», «они», «чей», «мой», «его», «их», «кому», «мне» и т.д.

Слова, обозначающие место, направление, последовательность во времени, количество: «где?», «здесь», «там», «налево», «направо», «уже», «еще», «когда?», «сейчас», «позже», «сколько?», «много», «мало», «больше».

Глаголы «быть» и «мочь» в настоящем, прошедшем и будущем временах.

Числительные от 1 до 10 и от 10 до 100.

Выражения, относящиеся к установлению времени: «который час?», «сегодня», «вчера», «завтра», «во сколько?», дни недели, названия месяцев.

Около пятнадцати важнейших глаголов и вспомогательных глаголов типа: «знать», «хотеть», «идти», «приходить», «искать», «находить», «ждать», «отправляться», «прибывать», «начинать», «есть», «пить», «сходить», «садиться» и т.п.

Существительные (трудный вопрос, потому порядок важности сильно зависит от интересов говорящего).

Некоторые эпитеты: «большой», «маленький», «другой», «дешевый», «дорогой» и т.п.

Обозначение основных цветов (их семь).

Слова-помощники: «дело в том, что...», «хочу сказать, что...», «хотел бы также знать, спросить...».

(Они могут помочь выиграть время- на раздумье: как дальше построить фразу.)

И если пойдет речь о знании языка: «Язык очень труден», «я только начинаю изучать этот язык», «занимаюсь самостоятельно», «к сожалению, у меня было мало практики», «изучал язык в школе и много лет не пользовался им» и т.п.

Старые учебники сильно страдали «субстантивизмом» -были перегружены существительными. Оно и понятно: ведь эта часть речи в ходе изучения лексики усваивается легче всего. В учебниках серии «Оллендорф», которые издавали в начале века, не было, можно сказать, ни одного предложения без трехступенчатой генитивной конструкции («чистокровная верховая лошадь браконьера соседней усадьбы» - одно содержание предложения чего стоит).

Еще более важны для овладения беглой речью слова и выражения, которые называют иногда «оформляющими». Я же называю их «набивочными», потому что общее их свойство заключается в том, что, не меняя смысла сообщения, они его дополняют.

Таковыми словами являются, например: «достаточно», «очевидно», «очень», «конечно», «словом», «действительно», «а также», «главным образом», «наверняка», «скорее», «намного», «все же» и т.д.

Усвоить их нелегко, ибо они не дают пищи предметному воображению. И все же я бы очень рекомендовала начинать заучивать их с первых шагов в языке.

Не забудем и о *выражениях* того же рода. Эти выражения, большей частью лишь *вводящие* высказывание, уже не кирпичики языка, а готовые панели. Их всегда можно иметь под рукой и по мере

надобности «вмонтировать». Вместе с тем они дают возможность выиграть время, чтобы вспомнить забытое выражение или слово или чтобы правильное построить предложение.

Я уже говорила, что взрослые, в противоположность детям, неохотно пересказывают тексты дословно, чаще всего потому, что раз понятое им наскучивает. «Оформляющие» конструкции дают возможность сделать пересказ и осмысление прочитанного более гибкими, позволяют маневрировать в сложных предложениях. Поэтому стоит составить список таких конструкций и разучить их до полного автоматизма. Такой список у меня есть для всех языков, и я его постоянно пополняю. Источником этих выражений служит мне не только чтение, но и общение с носителями каждого «моих» языков:

положение дел таково, что...

хотелось бы особенно подчеркнуть, что...

стоит обратить особенное внимание на то, что...

по этому поводу мне пришло в голову, что...

могу ли я спросить также...

однако в то же время...

я, конечно, знаю, что...

верно и то, что...

не говоря уже о том, что...

не следует, однако, забывать, что...

важность сказанного подчеркивается также и тем фактом, что...

и т.д.

Особенно хорошо знают цену этим вводным фразам переводчики, и прежде всего переводчики-синхронисты, хорошо помнящие первую заповедь своей профессии: «никогда не молчать» - ведь бывает, что и забываешь слово, и не расслышишь сказанного, в лихорадке перевода или в силу обстоятельств нет возможности переспросить; переводить надо не останавливаясь (молчание производит всегда нехорошее впечатление и вызывает недоверие), строя при этом законченные, красивые по возможности фразы. Недаром англичане называют эти «оформляющие» выражения «lubricant» — смазочным материалом!

Но не пугайтесь, дорогие мои читатели, это всего лишь рекомендация, а не обязательное условие. Может быть, кому-то эти «смазочные материалы» и не нужны — он научился красиво говорить (переводить тоже) и без них. И вообще советов так много, способов так много — можно заблудиться. Но вы-то в конечном счете выберете то, что пригодно именно вам, что подскажет вам знание самих себя.

КОСТЫЛЬ ИЛИ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО?

Анатоль Франс называл словари «вселенной, расположенной по алфавиту». И я, даже по прошествии стольких лет, беря в руки словарь, всегда испытываю волнение

Мы, переводчики, счастливый народ. Одно движение руки, одна секунда — и мы узнаем, что хотим.

Подумать только, сколько опытов, споров, долгих размышлений нужно, чтобы получить ответ на какой-либо вопрос в других областях знания, например в ядерной физике!

Словарь — средство утоления нашей жажды знания на многие годы. Он заслуживает, чтобы посвятить хотя бы несколько страничек многим тысячам слов, заключенным в нем.

Первое, что мне хотелось бы пожелать моим читателям, — чтобы словарь никогда вас не покидал. И второе — чтобы вы всегда могли расстаться со словарем.

Словарь — лучший ключ для вскрытия замка языка. Его надо купить и листать до тех пор, пока он не истреплется. Английское слово «well-thumbed» очень хорошо описывает это состояние книги, говорящее о том, что ее владелец использовал до конца все заключенные в ней возможности.

Вовремя научиться пользоваться словарем — наиглавнейшая задача. А тем, кто занимается иероглифическими языками, я дала бы словарь с первых шагов. А потом отняла бы, как и у изучающих остальные языки.

Потому что на начальной — я бы сказала даже на предъязыковой — стадии изучения словарь стимулирует мышление. Но потом он начинает действовать обратным образом — отучает думать. К сожалению, в силу инертности человеческого сознания мы склонны к тому, чтобы пользоваться словарем *вместо* мышления. Простота обращения с ним развивает лень: словарь всегда под рукой — зачем ломать голову!

Но без головоломки, хотя бы минимальной, нет учебы. На начальном этапе занятий языком словарь побуждает к энергозатратам, а позднее толкает на путь наименьшего сопротивления.

Но что же делать, если при чтении книги, записи лекции, формулировании мысли, переводе не приходит в голову нужное слово, выражение, а если и приходит, то мы не уверены в точности его значения? Не пользоваться словарем? Нет, конечно же, пользоваться... только «с умом»!

Как будет по-английски «повязка»? И рука уже сама тянется к венгерско-английскому (русско-английскому и т. д.) словарю, автоматически листает его, и... с досадой хлопаешь себя по лбу: «Ну, конечно же, «gibbon!» - и... тут же забываешь.

Но если покопаться в памяти, выудить из нее хотя бы обрывки фонетических созвучий («big ...», нет: «gi...», «gibb...»), если взять на себя труд и открыть *обратный* словарь (англо-венгерский, англо-русский и т. д.), чтобы проверить, правильно ли мы вспоминаем, и мысленно отметить с

удовлетворением, что правильно, то искра радости и похвала себе (за терпение, упорство и хорошую память!) надежно закрепят это слово в памяти. Двойная затрата времени — и десятикратный эффект. «Переживание успеха» многие считают — как все вы чувствуете на других примерах: не без оснований! — ключевым вопросом педагогики и даже всей жизни. А в изучении языка он является таковым безусловно.

В самом начале изучения языка можно пользоваться уже и так называемыми моноязычными, или толковыми, словарями. Только к примеру упомяну русские словари Даля, Ушакова, Ожегова, французский «Larousse», испанские «VOX» или «Real Academia Española», английский «Oxford», немецкий «Duden». Принцип «больше энергии — выше эффект» доказывает в этом случае свою правильность особенно наглядно.

Предположим, мы забыли или впервые хотим узнать, как будет по-немецки слово «точный». Вертится в голове заимствованное в немецком иностранное слово «exakt», но, должно быть — или помнится,— есть лучшее немецкое слово. В таком случае значительно эффективнее обратиться к толковому словарю, посмотреть, что относится в нем к вспомнившемуся слову «exakt». Найденное таким образом «genau» запомнится в десять раз лучше, чем если бы сразу посмотрели, как будет «точный» в двуязычном словаре.

Современные словари «отражают вселенную» уже не в одних только корневых значениях. Словарные статьи, полные лексических комбинаций и примерных модельных фраз, вполне «читабельны». Смысл слова и правило его употребления оказываются заданными в его *связуемости* с другими словами. Хороший словарь — богатое хранилище. То, что словарь дает лексику не изолированно, а в различных контекстах, дает нам возможность придумывать новые и новые формы ее закрепления в памяти. Сколько раз появится одно и то же слово в разных сочетаниях, столько же раз оно будет отражено в нашем сознании. Предложение, в котором оно вставлено, — хорошая смысловая модель для заучивания слова, которое без ключа к употреблению — не слово, а лишь набор букв и звуков. С другой стороны, невозможно заучивать его в тексте с полной выкладкой ситуации, ибо таковых придется запоминать слишком много, а это не даст результатов, потому что подобная работа окажется либо механической, либо настолько громоздкой, что не хватит, естественно, ни времени, ни терпения. Так что обращайтесь внимание на данные в словарях модели словоупотребления. Можно выписывать их в словник обязательно с управлением, то есть с предлогом, суффиксом, окончанием, посредством которых данное слово (глагол, существительное, прилагательное и т. д.) соединяется с другими словами. По своему вкусу и потребностям можно дополнять их одним-двумя словами.

ОБ УЧЕБНИКАХ

За последние полтора-два десятилетия достигнуто немало успехов и в этой области. Мы имеем возможность изучать все языки мира по учебникам, созданным на основе самых современных методических принципов.

Я воспользовалась курсивом, чтобы подчеркнуть: *носитель* каждого данного языка должен изучать иностранный язык по учебнику, написанному *соотечественником учащегося*. Важно это потому, что при изучении одного и того же иностранного языка представители разных наций сталкиваются с разными трудностями. Известный датский филолог и лингвист Йеспersen, например, расположил совершаемые в английском языке ошибки *по нациям*.

Позвольте и мне привести пример, когда то, что для одного народа — головоломка, другого — само собой разумеется. Первым учебником русского языка, попавшим в Венгрию после Освобождения, был учебник Н. Потаповой. Изучая книгу, я удивлялась, почему отдельным вопросам, для нас совершенно естественным, в книге уделены многие страницы, а другие моменты, для нас, венгров, действительно трудные, объяснены только парой предложений. Взять хотя бы трудность перевода русского «где» и «куда», о чем в учебнике Н. Потаповой упоминалось часто. Я никак не могла понять, почему это необходимо так долго и подробно объяснять. В венгерском языке «где» и «куда» переводятся и употребляются точно так же, как и в русском. Гадала, пока не сообразила, что учебник был написан для французов и просто переведен у нас на венгерский. Дело в том, что во французском языке нет отдельных соответствий словам «где» и «куда»: и то и другое следует переводить одним словом «où». Естественно, что в учебнике, написанном для французов, на этот языковой факт следует обращать особое внимание.

Неправильно, по-моему, модное сейчас в методике школьного преподавания — а порою и университетского — использование элементарных школьных учебников стран изучаемого языка. Конечно, каждый взрослый, изучающий язык, в каком-то смысле ребенок. Но шести-семилетний ребенок страны изучаемого языка не знает слов только в *написанной* форме, но словарный запас его — конечно, прежде всего пассивный — приближается к бытовому словарному запасу взрослого из того же окружения. А что делать изучающим венгерский язык полякам, русским, французам с венгерской школьной книгой для чтения, первое предложение которой «Свинопас взял свой рожок, и полились трели»?

КАК МЫ ГОВОРим НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ?

Говорим, пользуясь уже известными аналогиями, почерпнутыми отчасти из родного языка, отчасти из той суммы знаний, которые прочно усвоены нами в процессе изучения данного языка или предыдущих, если данный язык не первый.

Задачи, предлагаемые языковой ситуацией, мы стремимся решить, привлекая факты (правила, аналогии) другого известного нам языка. Или же мы стремимся воспользоваться уже имеющимся набором «колодок» изучаемого языка. Обобщая, можно сказать, что мы опираемся либо на *межъязыковые* либо на *внутренние* сходства.

Ученые сформулировали бы этот тезис еще проще. Они сказали бы, что правила языка мы либо экстраполируем, либо интерполируем.

Говоря на иностранном языке, мы экстраполируем и интерполируем автоматически, инстинктивно. И эта инстинктивная деятельность и облегчает, и затрудняет усвоение иностранного языка.

Если не *экстраполировать*, то каждый иностранный язык придется изучать как первый, как родной язык. А это, как вы догадываетесь, было бы не самым идеальным решением.

По сравнению с нами ребенок является *освобожденным учащимся*, у которого практически нет никаких других дел, кроме овладения родным языком. К пяти годам он набирает уже около двух тысяч слов. Затем лексическое обогащение начинает идти медленнее; как утверждает ряд педагогов, в год ребенок такого возраста прибавляет уже только по 300-400 слов. Таким образом, выражать свои мысли и описывать окружающие явления с относительной полнотой он может лишь к 12-14 годам.

Что же касается взрослого, то еще до того, как он начинает изучать иностранный язык, у него имеется представление — хотя и не всегда, и не совсем осознанное — о бесконечном разнообразии иностранного языка. У него есть представление о единственном и множественном лице, о настоящем, прошедшем и будущем времени, о разнице между действием и событием, о многочисленных способах выражения мысли. И при изучении иностранного языка эти знания реализуются в его сознании автоматически.

Если же не *интерполировать*, то каждое отдельное слово, каждое отдельное предложение придется изучать как неповторимое явление. Как только — в случае глагола, например, — мы усвоили цепную

связь между такими словами, скажем, как «читать — чтение-читатель — прочитанный», то в остальных языках (во всех языках) надо заменить лишь каждое соответствующее звено цепи, и обойма готова:

читать	чтение	читатель	прочитанный
to read	reading	reader	read
lesen	das Lesen	der Leser	gelesen
olvas	olvasás	olvasó	olvasott
leer	lectura	lector	leido

Расширение словарного запаса происходит посредством автоматической интерполяции: колодка имеется, нужно лишь выкроить новое явление.

Осознание и использование этих двух типов деятельности – поиск и нахождение *межъязыковых* и *внутриязыковых* аналогий – дают нам возможность ориентироваться в лабиринте иностранного языка. И все проблемы были бы решены, если бы языки следовали единым законам, не терпящим исключений. К сожалению, это не так.

Единых законов и не может быть, потому что то, чем долго пользуются, неизбежно снашивается или искажается. Было бы удивительно, если бы на потеряли форму перчатки, которыми утром пользуются, чтобы носить воду, мыть, брать с огня горячие вещи, днем – чтобы, скажем, кататься на лыжах, а вечером – украшать ими руки в театре.

Таковыми «перчатками», используемыми для множества целей, и являются факты языка. Естественно, что они изменяются: теряют форму и снашиваются, растягиваются и садятся. Теряется правильность форм. И больше всего снашивается язык на тех местах, где им более всего пользуются, - в повседневной речи.

Венгерские языковые методисты составили словарь из 40 чаще всего используемых английских глаголов («делать», «брать», «приходить», «идти», «есть», «пить» и т.п.). *Все они оказались неправильными.*

Легко перевести предложение о разложении белка протоплазмы на составные части. В научном языке международными оказываются не только слова, но и правила самого построения предложений. Достаточно одного только экстраполирования и интерполирования, чтобы добиться стопроцентного результата. Но горе тому, кто попытается выяснить, который час, дословно переводя венгерское предложение «» («Сколько часов?»).

По-немецки это прозвучит «Как поздно сейчас?» (Wie spät ist es?), по-французски – «Какой час?» (Quelle heure est-il?), по-английски – «Что есть время?» (What is the time?), по-шведски – «Как много часов?» (Hur mycket är klockan?).

Изучающий иностранный язык идет по пути, значительно более тернистому, чем овладевающий каким-либо другим навыком. Продвижение вперед осложняется автоматическим экстра- и

интерполированием, которое в языкознании называют трансференцией, интерференцией или перекрестными ассоциациями.

Тот, кто готовится стать врачом или инженером, не должен, начиная учебу, срочно ломать уже сложившиеся в его сознании представления относительно будущей профессии. В нем еще не укоренились ложные – ложные с точки зрения нового учебного материала – медицинские или инженерные знания, которые затрудняли бы усвоение учебного материала, «скрещивались» бы с ним. Вообразите, что бы произошло, если бы выяснилось, что нам нужно изменить все наши представления о привычной и естественной десятичной системе счисления и перейти, скажем, на троичную!

Воздействие родного языка менее всего дезориентирует нас при изучении лексики, набирании слов. Мгновенно понимается и выучивается, что стол по-английски не стол, а «table» и книга не книга, а «book». Но ответ на вопрос «Что на столе?» требует уже не такого, с опытом родного языка соотнесенного высказывания «Book is on the table», а усложненного внутренними нормами английского языка: «There is a book on the table».

Интерференция родного языка – явление хорошо известное. Значительно меньше говорят методисты о том факте, что наибольшее количество неверных экстраполяций рождается из-за вмешательства не родного языка, а первого — или лучше других усвоенного — иностранного языка.

Происходит это, вероятно, потому, что изучение родного языка не связано с особенными энергетическими затратами; сознание в этом процессе участвует очень мало. Но когда, скажем, английский язык начинает изучать взрослый, то в деятельность по овладению новым материалом включается и волевая сфера сознания (рефлексивное сознание). Мы сознательно усваиваем правило, что согласные «р», «t» следует произносить с придыханием. И мы настолько себя к этому приучаем, что, когда переходим на французский язык, затрачиваем почти столько же энергии на отвыкание от придыхания. А отвыкнуть крайне необходимо, потому что придыхаемые согласные искажают, порой до неузнаваемости, французские слова так же, могут исказить и венгерские слова.

Хотя экстраполирование действует на изучение иностранного языка в определенном смысле отрицательно, в руках умудренного опытом учащегося оно может оказаться и ценным орудием — орудием *закрепления*. Более того, воспользоваться этим орудием надо обязательно, ибо незакрепленные знания так или иначе уйдут (да простят мне читатели эту банальную истину!).

В огромной разнице между такими словами, как «учить» и «выучить», заключается как раз факт закрепления. Если бы незакрепленные знания не уходили, то число *знающих* иностранные языки (как и любые прочие дисциплины) было бы равно числу *изучающих*, чего, к сожалению, не бывает.

Встречаемся с каким-либо словом, правилом, понимаем их и скользим дальше, к следующему языковому факту, и это слово, правило не стали нашими, они не стали орудием, которым мы можем

пользоваться по нашему разумению или прихоти. Хорошо еще, если они останутся в нашем сознании пассивно, то есть мы будем их узнавать.

Одним из способов закрепления, хорошо оправдавших себя на практике, является именно *противопоставление*. Взрослый мозг прибегает к нему так или иначе, как бы ни противилась этому самая современная методика преподавания иностранных языков. Нам нужно *сознательно* усвоить, что в немецком языке согласные в интервокальной (между гласными) позиции не удваиваются, как, например, в венгерском. Что *в отличие от русского* в польском не пользуются обычно личными местоимениями, потому что окончание глаголов однозначно указывает на деятеля. Нам необходимо усвоить, что испанские глаголы движения сочетаются также и со вспомогательным глаголом «haber», а не только с его служебной парой «ser», как это имеет место во французском и итальянском языках, очень родственных испанскому. Нужно запомнить, что актуальное действие в настоящем, если оно началось уже в прошедшем, выражается в английском не настоящим временем глагола, а «present perfect», что в отличие от венгерского после русских существительных, выражающих количество, отнесенное к данным существительным, слово стоит в родительном падеже («кусочек хлеба»).

С точки зрения нового языка экстраполирование родного языка или другого иностранного, лучше усвоенного, является ошибкой. Но для изучения ошибка представляет собою *ценность*. Ценность потому, что она создает возможность для сознательного противопоставления, что в свою очередь служит замечательным орудием закрепления. А без закрепления – возвращаясь к сказанному – иностранный язык усвоен быть не может.

С педагогической точки зрения наибольшую ценность представляют собою ошибки, совершенные нами же. Если мне удалось обнаружить свое заблуждение, если мне указали на него смехом, удивлением, непониманием, а порою даже и досадой, обидой, то при этом опосредствующим, вспомогательным орудием закрепления оказываются мои эмоции, моя невольная, пусть даже скрытая от глаз реакция.

Итак, не будем сердиться на ошибки и не будем их стыдиться. Они – источник многочисленных ценностей... в том числе и языков. Да, да, не удивляйтесь – именно языков! Такие романские языки, как французский, итальянский, испанский, португальский, провансальский, румынский, сложились в результате плохого усвоения латыни, овладеть которой как следует у народов, завоеванных в свое время римлянами, не было ни желания, ни возможностей.

Нам, конечно, не нужно творить из наших ошибок новые языки. Но с помощью ошибок мы можем лучше усвоить существующие, сравнивая особенности родного языка и нового языка, сознательно противопоставляя правильные и ложные решения.

Сравнивая правильное и ошибочное, мы можем избежать укоренения заблуждений. А это очень важно. Камертон, который мы не раз уже упоминали, должен звучать чисто. Поэтому я бы не рекомендовала

штудировать собственные, неисправленные переводы или заучивать случайно услышанное. Для цели заучивания годится только безупречно выверенный текст. Если мы часто слышим неправильные формы, если они вкрадываются через слух в сознание и начинают звучать в нас привычно, мы оказываемся в том же положении, как человек, которого долго кормили пригорелой пищей, а когда дали нормально поджаренное, то он сказал, что вареные блюда не любит.

КАК НАМ ГОВОРИТЬ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ?

А так, чтобы отправной точкой служил не родной язык, а сам иностранный, по известным, уже приобретенным колодкам выкраивая новые явления. Это положение больше известно под девизом «надо думать на иностранном языке». Мне лично такая формулировка не симпатична. Так что позвольте мне и дальше пользоваться своими модельными «колодками».

Как можно зафиксировать, на каком языке мы думаем? Как и в какой момент можно заглянуть — а тем более воздействовать! — в невероятно сложный механизм умственной деятельности? Наверное, только при очень трагических обстоятельствах, когда из-за гибели какой-то известной области подкорки полностью или частично отказывает память. Венгерские нейрофизиологи описывают случай, когда у пострадавшего в результате травмы выпал из памяти только родной язык, а выученный им иностранный язык не пострадал нисколько. Известны случаи, когда больной забывал только глаголы родного языка и говорил исключительно существительными. Пусть нейрофизиология занимается выяснением сложнейшего механизма соотношений между мышлением и речью, между лексическим осознанием того, во что облечен процесс мышления — в слова или формы, образы, а если в образы, то в какие. Мы же вернемся к нашему совершенно ненаучному тезису и будем привыкать к тому, чтобы выразить желаемое, опираясь не на родной язык, а на иностранный.

С чем только не сравнивали речь на иностранном языке! Давайте сравним ее теперь с фотографированием. Предположим, что мы видим прекрасную розу и хотим ее для себя увековечить на фото. Как известно, фотографируем мы, не нацеливая объектив на каждый лепесток, а *отступая* на определенное расстояние: ровно на такое, чтобы в видоискателе был виден весь предмет целиком. Тот, кто будет по очереди брать слова родного языка и переводить их на иностранный язык, поступит как человек, который фотографирует, нацеливая объектив на каждую часть предмета. Итак, предметом съемки служит нам какая-то синтаксическая или морфологическая форма иностранного языка. Как нам уже известно, наиболее осязаемой, наиболее воспринимаемой частью, областью языка является лексика. Начнем с нее.

Когда мы говорим на иностранных языках, нам постоянно угрожает чудовище, имя которому Никак-не-вспомню-а-ведь-знал. И не вспомним, пока не прекратим кружить вокруг данного выражения на *родном языке*, пока не прекратим попыток его *перевести!*

Практикой и самодисциплиной мы можем добиться изгнания данного выражения на родном языке и научиться всякий раз воспроизводить в памяти то *слово*, которое обычно сопровождает ускользящее выражение.

Когда я работала преподавателем русского языка, в качестве эксперимента я как-то раз спросила у нескольких учащихся, как будет по-русски «пятилетний». Если я задавала вопрос по-венгерски, они колебались, когда же я подсказывала им по-русски слово «план», все тут же говорили «пяти летний». Оба слова были выучены вместе, и одно помогало вспомнить другое.

Если мы будем изучать слова «кустами», «семьями», мы тем самым убьем двух зайцев. С одной стороны, мы будем уверены в правильности употребления слова, ибо контекстуальные связи определяют его толкование, с другой – создадим себе вспомогательное средство для воспроизведения в памяти любой из стремящихся к забвению частей семьи.

Всякий, кто окунется в безбрежное море лексики, с удивлением заметит, что в языке много устойчиво сочетающихся пар. Поиск, подбор и изучение их являются первостепенной задачей. И я от всего сердца рекомендую этим заняться всем тем, кто утверждает, что у них плохая память.

«Препятствие» надо изучать вместе с его «устранением», «долг» с «выполнением», «трудность» с «преодолением», «известие» с «сообщением», «роль» с «исполнением», «жизненный уровень» с «повышением», «потребность» с «удовлетворением», «условие» с его «созданием», «замОк» с «отпиранием», «стену» с «возведением» или «разрушением». Тот, кто будет изучать слова такими парами, не промахнется: в критический момент в видоискателе фотоаппарата они окажутся вместе. А что случится, если оба члена такой пары забастуют? Что ж, тогда смело говорите нечто, приблизительно похожее на забытое. Всегда лучше сказать нечто похожее — пусть несовершенное, — чем умолкать и в ужасе перетряхивать все на складе памяти в поисках «настоящего» слова или выражения.

«Галоп», «гонка», «спешка» — слова, конечно, намного более точные, каждое для своего случая, чем простое «бег». Но если одно из них нам изменит, можно — пусть это и плохо — воспользоваться другим, а если забылись все, то на безрыбье и рак рыба — сойдет и «бег». Дежё Костолани любил говорить, что речь на иностранном языке всегда компромисс.

Кроме синонимов, большую помощь оказывают обычно и антонимы. Если не приходит в голову ни «дерзкий», ни «героический», ни «смелый», то «не трус» будет, во всяком случае, лучше, чем молчание.

Если же мы еще мало знаем, а попали в ситуацию, когда надо знать все, или же, если хорошо знаем, но чувствуем себя не в форме, то есть еще одно всемогущее средство — описание неизвестного слова, выражения по его признакам. «Как поэтически это прозвучало, — похвалила я однажды коллегу-

переводчицу, – когда ты говорила о скромном маленьком цветке, который источает свой аромат еще издали». «Не издевайся, я просто забыла, как будет по-итальянски фиалка», – ответила мне она. В разговоре (или в переводе) на иностранном языке эффект зависит не от данной реальности, а от ее отражения. Наш партнер стремится получить точный образ, отражение содержания, и ему безразлично, какими языковыми средствами мы для этого воспользуемся. Само собой разумеется, что этой цели мы не сможем достичь, механически переводя на иностранный язык лексические и синтаксические формы родного языка.

В связи с переводом мы уже наговорили много общих мест. Все они относятся и к беседе на иностранном языке, потому что, по сути дела, она тоже перевод, только в этом случае мы переводим свои собственные мысли. Самая общая истина по отношению к переводу звучит примерно так: «Тот перевод хорош, который по возможности наиболее точно соответствует оригиналу, но вместе с тем производит впечатление, будто написан он на языке перевода». Позвольте мне сформулировать этот тезис несколько иначе: «Хорош тот перевод, который порождает те же ассоциации, на которые была направлена устная или письменная речь на языке оригинала».

Кто сумеет этого достичь, думаю, с полным правом может похвастаться. Расскажу один случай, который произошел со мной на праздничном ужине, данном одним из наших министров в честь его японского коллеги. Я присутствовала на ужине в качестве переводчицы. Подали рыбу, и гость – очевидно, чтобы добиться расположения, – начал беседу с того, что его отношение к рабочему классу на всю жизнь определило то, что до восемнадцати лет он ужинал только крабами. Я растерялась. Если перевести слово в слово, получится абракадабра. То, что в Японии – пища пролетариата, в Венгрии — деликатес и украшение стола! И я перевела: «До восемнадцати лет я ел на завтрак одну мучную похлебку».

КАК Я ИЗУЧАЮ ЯЗЫКИ

После всех полутеоретических рассуждений надо бы, наверное, рассказать наконец, как же я изучаю языки, ведь это же название книжки. Итак, как я приступаю практически к изучению нового языка? Передаю свой опыт в надежде, что другие, испытав его, по закону диалектики предложат лучший метод, которым и я в свою очередь воспользуюсь, чтобы пополнить свой арсенал.

Предположим, я хочу изучить *азильский* язык. Такого языка, конечно, не существует. Придумала я его в этот самый момент, чтобы обобщить и подчеркнуть единство моего подхода.

Для начала я пускаюсь на поиски достаточно толстого азильского словаря. Я никогда не покупаю маленьких словарей: опыт — не только мой! — показывает, что они быстро становятся ненужными, все равно приходится искать большой словарь. Если не могу достать азильско-венгерского словаря, то пытаюсь раздобыть азильско-английский, азильско-русский и т.п.

Сначала использую этот словарь как учебник. Изучаю по нему правила чтения. В каждом языке (а, следовательно, и в каждом словаре) есть достаточно большое количество международных слов. И чем больше словарь, тем их больше. Названия наций, стран, городов (главным образом тех, что поменьше, названия которых не искажены так называемой традицией, т.е. частым употреблением), а также «надъязыковая» терминология науки раскрывают передо мной все отношения между буквой и звуком в азийском языке. (Помню, что в русско-английском словаре, купленном мной в 1941 году, я прежде всего отыскивала мое имя - Екатерина.)

Слова не учу, только рассматриваю их: считаю буквы и звуки, измеряю их длину, как если бы речь шла о кроссворде. Пока я разбираюсь с правилами чтения, словарь открывает мне и другие "секреты" языка: начинаю подмечать, с помощью каких средств образуются от одного корня различные части речи, как глагол становится существительным, существительное — прилагательным, прилагательное — наречием и т.д.

Это только проба на язык, на вкус, на осязание. Первое сближение с языком, чтобы потом подружиться.

Вместе со словарем, или сразу вслед за ним, покупаю учебник и художественную литературу на азийском языке. Так как я Средний Учащийся, то есть должна обучать сама себя, покупаю учебники с ключом, такие, в которых содержится правильное решение задач. Прочитываю один за другим уроки и делаю все упражнения. Пишу «просторно», чтобы осталось место для исправлений. Смотрю в «ключ» и правильное записываю над моими неверными вариациями. Таким образом получаю наглядную «историю моей глупости».

Ругаю себя за совершенные ошибки и тут же себя прощаю (это очень важно: смотри ниже, десятую заповедь!). В тетради оставляю всегда столько места, чтобы рядом с неправильными, искаженными словами и фразами написать 5-6 правильных. Это помогает усвоить верные формы.

Так как проработка учебника — занятие довольно скучное, развлечение, как говорят, ниже среднего, уже в самом начале принимаюсь за чтение азийских пьес или рассказов. Если мне удалось достать адаптированные тексты, то читаю их. Если нет, беру любое литературное произведение. Приобретаю всегда минимум пару, в надежде, что одно из двух окажется более понятным. Слишком современную литературу стараюсь не читать, потому что иногда не понимаю ее и по-венгерски.

Итак, безотлагательно принимаюсь за общедоступное по изложению и содержанию. Путь от непонимания через полупонимание к полному пониманию для взрослого человека — волнующий, интересный туристский маршрут, достойный развитости его духа. Прочтя книгу и прощаясь с ней, хвалю себя за выдержку и упорство.

При первом прочтении выписываю только те слова, которые поняла, то есть те, значение которых я смогла понять по контексту. Конечно, не в изолированном виде, а создавая для каждого свой

небольшой контекст (см. главы «Словарный запас» и «Как заучивать слова?»). Только когда читаю книгу во второй, а то и в третий раз, выписываю все остальные незнакомые слова. Впрочем, нет, не все, а только те, которые *сродни* мне, моей личности, которыми я пользуюсь в своей родной венгерской речи или которые я хорошо понимаю (ведь не всеми же словами мы обычно пользуемся и не все — что греха таить! - хорошо понимаем). И ко всем словам, которые я выписываю, обязательно присовокупляю «куст», «семью» (материал для «куста» можно найти в самой книге или словаре). Однако все это еще не учит важнейшему из уже многократно упомянутых четырех языковых навыков — «пониманию устной речи». Проработав и прилежно переписав учебник, я все еще не получила достаточно правильного представления о произношении. Поэтому еще в самом начале знакомства с азильским языком один-два часа я посвящаю "картографированию эфира". Узнаю, когда и на каких волнах я могу слушать по радио передачи на азильском языке.

Будапештское радио дает свои передачи в эфир на 7 языках, Московское — более чем на 70, Пражское — на 17; хорошо слышны радиостанции соседних или недалеко лежащих государств. Так что в этом наборе азильский язык попадет обязательно. В последних известиях содержатся, как известно, важнейшие события дня. Хотя они и подбираются с учетом интересов жителей Азилии, в общем, они все же мало отличаются от передачи последних известий на других языках. Поэтому для учебы и самоконтроля понимания я всегда прослушиваю в тот же день последние известия и на венгерском или на каком-либо другом, мне понятном. Таким образом, я получаю в руки нечто вроде ключа или даже словаря, если угодно. Если во время прослушивания азильскоязычного сообщения я слышу незнакомое слово (вначале, как правило, очень много незнакомых слов, так что записываю те, которые успеваю, и по возможности без ущерба для внимания к речи), то отмечаю его в тетрадке и после передачи отыскиваю в словаре. Немедленно. Потому что в памяти сохраняется еще контекст этого слова. Контекст же помогает и в том случае, если слово услышано неправильно (что случается довольно часто). И если после всего этого слово отыскать в словаре удалось, то ощущение удовлетворения с лихвой вознаграждает за труд.

Потом — не сразу, а через 1-2 дня — лексику, полученную из эфира, записываю в чистовой словник. Эту расстановку во времени рекомендую потому, что таким образом я вынуждаю себя освежить, повторить начинающие уже ускользать из памяти знания.

Раз в неделю записываю передачу на магнитофон, и запись храню до тех пор, пока не прокручу ее несколько раз и не выжму из нее все возможное на данный момент. Обычно прежде всего сосредотачиваю внимание на произношении. И часто попадают слова, которые я знаю уже из книг, но которые я не узнала сразу, потому что имела неправильное представление об их фонетическом образе; происходит, таким образом, повторное знакомство.

Стремлюсь, конечно, разыскать преподавателя, который может дать мне основы азильского языка. Удача, если удастся найти профессионального педагога. Но если нет, ищу знакомства с носителем языка, с учащимся или специалистом, приехавшим в нашу страну на длительный период.

С большим удовольствием беру уроки у женщин, чем у мужчин. Наверное, потому, что у женщин «язык подвешен лучше» — беседовать с ними легче, как легче находить и контакт. (В самом деле, в чем причина этого испокон веков известного явления?)

От своего преподавателя азильского языка жду в свою очередь того, чего не могу получить ни от книг, ни от радио: 1) возможности договориться о более медленном темпе речи, чтобы уловить как можно больше слов; 2) возможности исправления моего собственного азильского на основе заданий, прилежно выполняемых мною к каждому уроку.

Вначале я пишу, что придет в голову, потому что это легче. Часто — отдельные словосочетания, в которые ввожу виденные или слышанные новые слова, грамматические формы. Исправления позволяют мне проверить, правильно ли я поняла значения слов, их роль в предложении. И затем начинаю переводить. *Заранее данный* текст так или иначе принуждает к тому, чтобы пользоваться уже не хорошо известными словами и формами, а менее определенными, к которым меня вынуждает жесткая, неумолимая обстановка перевода. В противоположность многим профессиональным преподавателям языка я разделяю мнение Иштвана Понго, который в переводе — точнее в переводе на иностранные языки — видит лучшее и эффективнейшее орудие закрепления знаний.

Неисправленная ошибка опасна! Повторяя неправильные формы, мы запоминаем их, и избавиться от них потом очень трудно. Письменный перевод — как энтомолог насекомых, накалывает наши ошибки на булавку, кладет их под микроскоп. А услышанное, как говорится, в одно ухо влетает, а в другое вылетает.

Многие годы водила я по Будапешту китайские делегации, и в программе осмотра города всегда была Площадь Героев. По крайней мере раз пятьдесят сказала я в общей сложности, что в центре площади прижатые друг к другу венки обозначают могилу Неизвестного Солдата. Это сочетание я переводила слово в слово. И никто никогда меня не исправил: гости, конечно, не обязаны учить. Спустя несколько лет, когда я получила из Пекина стилистическую правку моего перевода туристического буклета, выяснилось, что по-китайски говорят: могила Безымянного Героя.

Несколько лет назад я работала в Англии с очень приятным, образованным коллегой переводчиком. Едва мы только познакомились, как я сразу же попросила его исправить мои ошибки. А через три недели, при прощании, я упрекала его в том, что он не исправил ни одной ошибки. Неужели я ни одной не сделала? «О, как же, и еще сколько! — ответил он на мой вопрос. — Только, знаете ли, мы англичане, настолько привыкли к ошибкам иностранцев, что в нас выработался автоматический механизм их исправления. И пока сказанное дойдет до сознания, оно имеет уже правильную форму».

Другой случай был довольно забавным и полной противоположностью предыдущему. Один из ведущих политиков дружественного соседнего с Венгрией государства давал ужин в честь нескольких сотен иностранных гостей. Торжественный тост он произнес, к сожалению, на родном языке, в котором я очень слаба. Мои смутные представления о дипломатическом протоколе подсказали мне, что ответную речь я должна переводить именно на этот язык. Никогда не забуду добросердечного хозяина, который во время перевода то и дело меня останавливал, обращал мое внимание на сделанные ошибки, исправлял их, да к тому же объяснял, почему надо говорить так, а не иначе! Это было для меня лучшим подарком. И я тоже никогда не упускаю случая поучить тех, кто взялся за изучение моего родного, венгерского.

Хотела бы подчеркнуть еще одно преимущество письменного перевода по сравнению с устной речью. Говорить на иностранном языке — это вопрос привычки, я бы даже сказала, рутины. В том смысле, что умный человек дотягивается лишь на ту высоту, на какую позволяет ему его рост или потолок его знаний. И ничего зазорного в этом нет. Беда вот только, что, если выкручиваешься и маневрируешь лишь наличными знаниями, не растет словарный запас, не обогащается синтаксический арсенал. Портге требуется знать 50-60 предложений, но знать их безупречно, Среднему Учащемуся следует знать в сотни раз больше. Один мой французский коллега остроумно заметил, что «в беседе говори, что знаешь, а в переводе умей то, что нужно».

Те, у кого хватило терпения прочесть до конца мои соображения в связи с азильским языком, заметят в них, вероятно, отсутствие двух моментов. В любом более или менее солидном своде рекомендаций по изучению иностранного языка говорится, что, помимо всего прочего, необходимо основательно познакомиться с историей, географией, экономикой, культурой, искусством и литературой, скажем, той же Азилии.

Такое знакомство, безусловно, мягко говоря, не повредит — оно еще более приближает нашу цель: максимально глубокое и широкое знакомство с иностранным языком. И все же, несмотря на всю полезность этого, приобретением или преподнесением вышеупомянутых знаний увлекаются чрезмерно.

И второе. Рекомендуют обязательно поехать в Азилию, ибо без практики в стране овладеть ее языком в совершенстве якобы почти невозможно. Стараться поехать, конечно, надо, но я бы не сказала, что пребывание в стране — обязательное условие для хорошего владения языком.

Многие заблуждаются, думая, что пребывание в стране автоматически даст знание языка этой страны. В языковой среде к нам, возможно, и приклеится пара разговорных оборотов, два-три десятка слов, выражений, но не больше. Во всяком случае, не больше, чем мы сможем выучить дома за то же самое время. Ни случайные беседы с азильцами, ни сравнительное исследование магазинных витрин, ни простое вслушивание в речь не откроют нам пути к азильскому языку. Но вслушивание со словарем в

руках — да! Кроме того, местные газеты всегда содержат объявления о том, где и когда открывается выставка, организуется экскурсия, читается лекция в местном отделении азильского общества по распространению знаний. Всякий раз, попадая за границу, я стараюсь побывать везде, где только возможно. Особенно хорошее средство для изучения языка — хождение в кино. Во время одного из моих визитов в Москву я поставила своеобразный рекорд: за три недели я побывала в кино 17 раз. Идеально было бы, конечно, постоянно и тесно общаться с азильцами, имеющими родственный или тот же круг интересов. Особенно с теми, кто согласен взять на себя труд по исправлению ошибок нашей речи. Только в таком случае заграничная поездка принесла бы пользу для изучения языка. Другим фактором, определяющим языковую полезность путешествия, является уровень наших знаний во время пребывания за границей. В следующей главе я попытаюсь дать классификацию знаний языка на основе пятибалльной системы отметок. Минимальную пользу поездка за границу приносит тем, кто имеет по изучаемому языку единицу и пятерку. Тот, кто до поездки ничего не знал, вернется домой с девственной головой. А тому, кто язык знал очень хорошо, заметить улучшения будет очень трудно. Хорошие результаты проявятся, пожалуй, только у "троечников".

Свой опыт от странствий по просторам иностранных языков я обобщила в десяти заповедях или рекомендациях тем, кто по-настоящему, а не кокетничая, не заигрывая, хочет овладеть иностранным языком.

- I. Занимайся языком ежедневно. Если уж совсем нет времени, то хотя бы десять минут. Особенно хорошо заниматься по утрам.
- II. Если желание заниматься слишком быстро ослабевает, не «форсируй», но и не бросай учёбу. Придумай какую-нибудь иную форму: отложи книгу и послушай радио, оставь упражнения учебника и полистай словарь и т.д.
- III. Никогда не зубри, не заучивай ничего по отдельности, в отрыве от контекста.
- IV. Выписывай вне очереди и заучивай все «готовые фразы», которые можно использовать в максимальном количестве случаев.
- V. Старайся мысленно переводить всё, что только возможно: промелькнувшее рекламное табло, надпись на афише, обрывки случайно услышанных разговоров. Это всегда отдых, даже для уставшей головы.
- VI. Выучивать прочно стоит только то, что исправлено преподавателем. Не перечитывай собственных неисправленных упражнений: при многократном чтении текст запоминается невольно со всеми возможными ошибками. Если занимаешься один, то выучивай только заведомо правильное.

- VII. Готовые фразы, идиоматические выражения выписывай и запоминай в первом лице, ед. ч.
Например: «I am only pulling your leg» (Я тебя только дразню). Или: «Il m'a posé un lapin» (Он не пришел на назначенную встречу).
- VIII. Иностраный язык – это крепость, которую нужно штурмовать со всех сторон одновременно: чтением газет, слушанием радио, просмотром недублированных фильмов, посещением лекций на иностранном языке, проработкой учебника, перепиской, встречами и беседами с друзьями – носителями языка.
- IX. Не бойся говорить, не бойся возможных ошибок, а проси, чтобы их исправляли. И главное, не расстраивайся и не обижайся, если тебя действительно начнут поправлять.
- X. Будь твердо уверен в том, что во что бы то ни стало достигнешь цели, что у тебя несгибаемая воля и необыкновенные способности к языкам. А если ты уже разуверился в существовании таких – и правильно! – то думай, что ты просто достаточно умный человек, чтобы овладеть такой малостью, как иностранный язык. А если материал всё-таки сопротивляется и настроение падает, то ругай учебники – и правильно, потому что совершенных учебников нет! – словари – и это верно, потому что исчерпывающих словарей не существует, — на худой конец, сам язык, потому что все языки трудны, а труднее всех – твой родной. И дело пойдёт.

НАСКОЛЬКО МЫ ЗНАЕМ ЯЗЫКИ

Школьникам или студентам ответить на этот вопрос легко. Дневник или зачетная книжка дают на него однозначный ответ. А если ответ не нравится, поворчишь, и дело с концом.

А Средний Учащийся, который в процессе учебы опирается только на себя самого, и отметки тоже должен выставлять себе сам. А так как по отношению к самим себе мы, как правило, страдаем предвзятостями — с недогибами или перегибами, — я попыталась разработать свод общих требований, чтобы сделать самооценку более объективной.

При этом я, конечно, имела в виду взрослого человека, причем такого, который стремится к приобретению не какого-то узкого, специального навыка, а к уравновешенным, обширным знаниям. Этот свод требований обращен, подчеркиваю, не к тем, кто хочет читать только сообщения по своей специальности или договориться в иностранном магазине о цене и качестве товара.

Итак, задача состоит в том, чтобы установить, как знает наш коллега Средний Учащийся изучаемый иностранный язык на каждом этапе изучения. Воспользуемся для этой цели пятибалльной школьной системой.

Как известно, проще всего выставлять единицы и пятерки. Как и в школе. Единицы, бесспорно, заслуживают все те, кто *ничего* не знает. Пятерка полагается всем тем – о как их немного! – иностранный словарный запас которых равен их словарному запасу на родном языке, произношение,

правописание, умение строить предложения которых отклоняются от правил данного иностранного языка лишь настолько, насколько это позволяют инварианты *индивидуальной* речи.

Четверки по иностранному языку мы заслуживаем в том случае, если в читаемом тексте можем распознать все его стилистические и смысловые оттенки; если нам хорошо понятна интонация автора и если при этом нам приходится отыскивать в словаре не более 20 процентов всех слов текста; если в устной речи по темам, не выходящим за рамки наших знаний, мы можем говорить так, чтобы партнер понимал нас с первого раза, без переспрашиваний даже в том случае, когда мы делаем немало ошибок; если непонимание радиотекста мы действительно можем отнести к эфирным помехам; если мы можем дать такой наш собственный или переведенный нами текст, который редактор быстро и легко смог бы подготовить к печати.

Тройки заслуживает тот, кто понимает медленно и с трудом суть сказанного, но деталей не улавливает; тот, кого просят повторить вопрос, когда он на улице или в магазине что-то спрашивает; тот, кто, прежде чем что-либо сказать, должен утрясти это про себя, настроить высказывание по внутреннему камертону; тот, кому приходится пользоваться словарем даже при чтении простейшего нехудожественного текста; чей перевод редактор может править только с оригиналом в руках.

И наконец, двойка по иностранному языку причитается тому, кто с горем пополам понимает текст после многократного прослушивания или прочтения; кто письменный текст с трудом понимает и в том случае, когда отыскал в словаре все незнакомые слова; чьи простейшие высказывания можно понять лишь по ситуации, мимике, жестикуляции с помощью доброй воли партнера по беседе.

Можно вселиться в невыкрашенную квартиру, но в такую, над которой еще не возведена крыша, в которой столяр не навесил дверей, стекольщик не застеклил окон, – нельзя, невозможно.

Раз уж мы провели в ходе нашей беседы аналогию между языком и домом, то позвольте мне пользоваться ею и дальше. Для всех естественно, что строительство дома начинается с закладки фундамента, и никто не удивляется, что этот так называемый «нулевой цикл» длится порою очень долго. Без фундамента можно построить разве только картонный домик. Но почему-то очень многие считают, что если после некоторого — всегда сравнительно небольшого — времени занятий они не достигли каких-либо ощутимых результатов то это значит, что у них «нет способностей» или что это непосильное, невозможное при их-занятости дело. Почему люди забывают, что наибольшие энергозатраты приходятся именно на закладку фундамента?

Всякая усвоенная языковая единица – будь то слово или грамматическое правило – является вместе с тем и альпинистской скобой, опираясь на которую можно подняться еще выше, или гвоздем, упомянутым во введении. Маленькому Петерке нужна была *только выступающая часть* гвоздя, забитого в стену. Но и люди, старше его на 30 — 35 лет, тоже не всегда понимают, что всякое приобретенное знание — это гвоздь, забитый *глубоко*. Всем понятно, что, прежде чем вбить в стену

крюк, необходимо просверлить в стене отверстие, потом загнать в это отверстие «дюбель», вколотить в него крюк и только после этого можно пользоваться крюком для подвешивания тяжелых предметов. Не стоило бы так подробно говорить о вещах, столь естественных, если бы к изучению иностранных языков не проявлялось столько нетерпения. Полгода преподавала я китайский язык на факультативных курсах Университета им. Аттилы Йожефа. Один из учащихся вскоре бросил занятия, «стушевался». «Почему?» — спросила я его, когда мы однажды встретились. «Потому что я целый месяц ходил на занятия, старательно выполнял задания, но так и не научился толком ни писать иероглифы, ни основных иероглифов не выучил».

Но, возвращаясь к нормам, позвольте мне все же выделить один элемент из этого сложного сооружения, нуждающегося в хорошем фундаменте. Речь пойдет вновь о наиболее осязаемой и наиболее конкретной сфере языка – о лексике. Для вашего развлечения я выписала несколько слов. Пожалуйста, напишите их соответствия (перевод) на том языке, который вы знаете – простите: изучаете (ведь знать язык до конца невозможно!), – и определите сами, какой отметки вы заслуживаете по иностранному языку на данном этапе его изучения с точки зрения лексики.

I	II
луна	осадки
покупать	наслаждаться
бесплатный	внезапно
широкий	благодарный
III	IV
солома	медь
способствовать	подбирать колосья
чопорный	(после жатвы)
существенный	строптиво, упорно
	вдохновенно

За каждое слово первого столбца получаем по 1 очку, за каждое слово второго – по 2 очка, за каждое слово третьего – по 3, четвертого — по 4 очка. Всего 40 очков. Кто может набрать 10 очков, получает двойку, кто 20 — тройку, кто 30 — четверку, и за 40 очков мы получаем *по лексике* пятерку.

Пользоваться словарем запрещено, за это — единица.

Приобретенная лексика — это не фарфоровая фигурка, которая, раз купленная, может простоять у нас в доме на одном месте до конца нашей жизни. Мы все знаем, с каким скрипом работает наш мозг, если какое-то время мы не занимались иностранным языком.

Всем известно, что знания без их приложения блекнут, и этой общей истине не место в моей книжечке. И все же я хотела бы попросить вас позволить мне уделить ей несколько строк, потому что, мне кажется, дело обстоит не так уж и просто.

Во-первых, потому, что определенное «выдерживание» не вредит языку так же, как и хорошему вину. От многих музыкантов я слышала, что после отработки произведения во всех деталях они его откладывали и не исполняли почти вплоть до самого концерта или конкурса. Замечено, что такая тактика приносит хорошие плоды. Эффект от пребывания в языковой среде проявляется не в момент пребывания, а всегда именно после.

Во-вторых, легко можно в язык войти, так же легко и устать. С явлением этим много раз сталкивались и я, и мои многочисленные коллеги-переводчики, работающие с иностранными делегациями. Во время прибытия делегации перевод шел легко, быстро, ровно, как и свободная беседа с членами делегации; но вскоре беглость начинает пропадать, а к моменту прощания самому переводчику уже ничего не идет в голову, кроме «счастливого пути». Хочу сказать, что по отношению к психическому напряжению своя речь и перевод – вещи разные. Часто бывает, что «опустошение» иноязычной части нашего сознания сопровождается наращиванием скорости, гибкости и лексического богатства перевода чужих слов. Объяснений этому факту я слышала очень много, и трудно сказать, какое из них верное. Может быть, это происходит потому, что в момент прибытия гости говорят еще немного принужденно, а следовательно, ясно, медленно, просто. Позднее они привыкают к тому, что в Венгрии их понимают хорошо, и начинают говорить так, как они привыкли в родной языковой среде. Эта постепенность изменения стиля дает возможность переводчику, с одной стороны, «разогреться», «размяться», с другой стороны, вступает в действие фактор отвыкания от нормального состояния принадлежности самому себе, от наполненности совершенно иной лексикой и понятиями, чем те, которые надо переводить, в то время как гость уже совершенно освоился и на родном языке начинает одинаково свободно говорить и на «личные», и на специальные темы, связанные с его пребыванием, приездом.

И в-третьих, простое утверждение «с течением времени непрaktикуемый язык забывается» мы не можем принять еще и потому, что *на большом протяжении* линия, изображающая развитие языкового знания (как, впрочем, и развитие самого человека) имеет вид параболы. Этот геометрический образ следует понимать так: по мере старения (развития) на передний план выступают старые воспоминания, усвоенные в молодости навыки и, как правило, в ущерб изученному в более позднем возрасте.

Известное явление: дедушка помнит о всех деталях сражения при Добердо, которое было более пятидесяти лет назад, но забыл, что рассказывал об этом всего полчаса назад...

Еще одно доказательство этого факта по отношению к языку я слышала от одного замечательного венгерского скульптора.

Фюлеп Ласло, художник, в молодом возрасте уехал в Англию, где стал модным портретистом, работавшим по заказам крупной английской буржуазии, и до конца жизни, до 1937 года, в Венгрию уже не возвращался. Женился он на родовой англичанке и общества своих соотечественников уже больше не искал. Ни его жена, ни трое сыновей венгерского, естественно, не знали. Если он и приглашал приезжающих в Лондон своих коллег соотечественников, то всегда извинялся: он будет говорить по-английски, ибо родной язык забыл совершенно. «Однажды ночью, – продолжал скульптор, — меня разбудил священник и попросил немедленно ехать в дом художника: его супруга, миссис Ласло, говорит, что мужу внезапно стало плохо и он постоянно говорит на каком-то неизвестном языке, на обращение к нему по-английски не отзывается. Я поехал, но было уже поздно — Фюлеп Ласло не мог уже говорить ни по-английски, ни на родном языке, который он чудесным образом вспомнил лишь на смертном одре».

О СПОСОБНОСТЯХ К ЯЗЫКУ

Вплоть до тех пор, пока новый Кальман Кёнвеш со всей силой своего авторитета не заявит, что никаких талантов и способностей к языку не существует, мы будем вновь и вновь слышать замечания вроде:

– Ему легко, языки к нему так и липнут!

Ни к кому ничто само по себе не прилипает, разве что цепкие колючки. Успех в изучении языка определяется простым уравнением:

затраченное время + интерес = результат.

Может быть, вы думаете, что способность к языку и интерес — это одно и то же? Если вы так считаете, то проверьте себя на наличие подлинного интереса, который, как известно, всегда порождает стремление добиться своего во что бы то ни стало. Лично я считаю, что это две разные вещи. Если бы успех в учебе был вопросом наличия особых способностей, то один и тот же учащийся с одинаковой трудностью (или одинаковой легкостью) овладевал бы самыми разными языками. А ведь кто не слышал (или не делал сам) заявлений вроде: «Насколько легко шел у меня английский, настолько же трудно дается сейчас французский»; «Не чувствую я, не понимаю славянских языков»; «Подумаешь, он знает немецкий! Я тоже знаю немецкий и испанский, а вот арабский не поддается никак, трижды начинал» и т. п.

Как же совместить это со способностями, которые, как известно, дискриминации материала не признают?

Я еще никогда не слышала о таком человеке (душевно здоровом, разумеется), который не мог овладеть хотя бы одним языком – родным! — в соответствии с уровнем своей образованности. А вот о бабушке, которая за последние сорок лет не изучала не только языки, а вообще ничего и за год овладела испанским, чтобы заниматься со своей внучкой, я уже слышала; такая бабушка живет в Волгограде, и язык ей преподавал переводчик этой книги на русский язык. Так что заменить в вышеприведенном уравнении слово «интерес» на «мотивацию» я бы согласилась. Термин «мотивация», в общем-то, биологический, это побуждения, направленные на удовлетворение потребностей, связанных с основными жизненными инстинктами. С точки зрения психологии правильнее было бы, конечно, говорить о «мотивах», но это слово приобрело во языцех слишком большую многозначность. Поэтому, чтобы не пускаться всякий раз в научные уточнения, позвольте мне пользоваться все-таки мотивацией, тем более что по своему содержанию она более образно, я бы сказала, отражает именно *безусловное*, волевое стремление к знанию как к хлебу насущному.

Словом, «способность к языку» мне несимпатична уже хотя бы потому, что с помощью этого выражения стремятся обычно покрыть самые различные понятия и явления. Жалоба «у меня нет никакого чутья к языкам» означает, как правило, то, что говорящий запоминает новые слова с трудом, в результате многочисленных попыток. Ярлык «у него талант к языкам» наклеивают тем, кто автоматически способен подражать звукам и интонациям чужого языка. «Гениями» провозглашают обычно тех учащихся, которые безошибочно выполняют письменные задания, потому что им удалось найти правильную путеводную нить в джунглях морфологии и синтаксиса языка. «Он велик и как языковед», — хвалим мы какого-нибудь писателя, если стиль его на грани возможностей венгерского языка и по-современному новаторский. Но языковед и тот, кто, не зная ни одного иностранного языка, в результате кропотливых многолетних исследований доказал, что в диалектах Северной Каледонии совершенно отсутствуют ассирийские заимствования.

«Лингвистам» — пользуюсь моим термином – нужны только три навыка: хорошая лексическая память, умение подражать различным звукам (необязательно языковым) и логическое мышление, которое помогает связывать воедино не только правила иностранного языка, но и самые разнообразные жизненные явления. Но при всем богатстве лексики, хорошем произношении и грамматической «прозорливости» наибольшую роль играет все же *способ* подхода.

Давно подмечено, что венгры, уроженцы Альфельда, усваивают иностранные языки (с бОльшим трудом, чем венгры Севера. Объясняется это, конечно, не тем, что уроженцы равнин Альфельда и Хортобади являются на свет все до одного без каких бы то ни было языковых способностей! Скорее дело в том, что в чисто венгерских областях за Тиссой иноязычная речь звучит значительно реже чем,

скажем, в Тольне, где проживает немецкое национальное меньшинство, или в Бараня, или в областях, граничащих с Чехословакией, Югославией и Румынией. Я так думаю. Во всяком случае, мне кажется, что такое объяснение не исключено.

Интересно, что для формирования навыка подражания совсем необязательна *активная* речь. В детском возрасте простого *слышания* звуков родного языка уже достаточно, чтобы приучить ухо и речевой аппарат для воспроизведения этих звуков.

В нашей переводческой бригаде есть такие, кто вырос и воспитывался за границей. В Венгрию они вернулись после 1945 года уже в сравнительно взрослом возрасте, и, хотя на венгерском языке они до этого практически не говорили, а только слышали его от своих родителей, сейчас они стали совершенно двуязычными.

Итак, старт, подход играет очень большую роль, значительно большую, чем все прочие навыки и способности. Никто не может отрицать, что если А и Б начали изучать язык одновременно, то А, возможно, достигнет цели в два раза быстрее, чем Б. Рассмотрим-ка поближе подоплеку этого явления.

Выяснится, что:

у А больше времени заниматься иностранным языком, чем у Б;

А побуждают к прилежанию более непосредственные цели, чем Б, и занимается он, следовательно, упорнее и направленнее;

А пользуется более эффективными методами, чем Б;

А просто образованнее, подготовленнее, чем Б, и так же в два раза быстрее, чем Б, овладел бы геологией, биологией, физикой, математикой, химией и прочими науками.

И все-таки у меня такое чувство, что в левой части приведенного в начале главы уравнения не хватает отрицательной величины, «коэффициента неблагоприятности». Этот фактор можно назвать и стеснением.

$$\frac{\text{Затраченное время} + \text{мотивация}}{\text{стеснение}} = \text{результат.}$$

Стеснение, или, как говорят психологи, блокировка, выражается в страхе сделать ошибку, и поэтому человек не говорит. Выступает оно и как неумение оторваться от родного языка, когда, боясь потерять логическую точку опоры, мы переносим нормы родного языка на иностранный (мы уже говорили о том, что так же судорожно цепляемся мы и за нормы другого иностранного языка, усвоенного ранее). Общеизвестно, что Средний Учащий: мужского пола борется, когда надо заговорить куда с большим количеством стеснений, чем. Средний Учащийся женского пола. И.Талаши в статье «Преподавание иностранных языков» метко замечает, что взрослый образованный человек, говорящий на иностранном языке, «мучительно переживает напряжение; возникающее всякий раз между уровнем его

духовной развитости и ограниченностью возможностей выразить этот уровень на иностранном языке».

И мужчины, как подмечено, переживают это напряжение еще мучительней.

Женщины же испытывают не только у.меньше стеснения, но жажда общения у них больше, чем у мужчин. С трудом могу представить себе в мужском исполнении тот спектакль, который я проиграла много лет назад на пути из Пекина в Пхеньян.

В купе поезда, в котором я уже много часов скучая, сидела одна, вошла стройная улыбчивая монголка. Очень скоро выяснилось, что, кроме своего родного языка, она не знает, к сожалению, ни слова ни на одном известном мне языке. Я же знала по-монгольски только слово «байартай» (до свидания), которое для начала разговора не годилось никак.

Некоторое время мы молча и грустно сидели друг против друга. Затем моя спутница достала из корзинки еду и знаками стала меня угощать. Аппетит, с которым я ела, красноречивее всяких слов свидетельствовал о высшей степени моего расположения к монгольской кухне. Видела она и мой интерес, с которым я рассматривала пирожное, похожее на венгерскую творожную ватрушку, и то, что я, вероятно, думаю, как это приготовлено. И тогда началась пантомима: всю дорогу до места назначения мы обменивались рецептами, не произнося ни единого слова. Вероятно, я хорошо «перевела» на венгерский язык, как надо резать, панировать, взбивать пену, начинять, замешивать, раскатывать, складывать, приклепывать и т. п., потому что с тех пор в моем кухонном репертуаре часто фигурируют монгольские блюда. И с приятным чувством думаю я-о том, что где-то в Улан-Баторе уплетает за мое здоровье венгерские блюда монгольский малыш.

«Фазный сдвиг» в речи на иностранном языке наблюдается между мужчиной и женщиной, думаю я, еще и потому, что язык одеваает суть высказывания в нечто условно-формальное, изменчиво-поверхностное. А мужчины известны своей страстью докопаться до сути так же, как женщины — своей страстью к нарядам. Может быть, это и не так. Но факт, что после учительницы самая женская профессия в мире — это профессия переводчика. На одной из конференций в Брайтоне работала бригада из семи женщин и одного-единственного мужчины. Когда они вошли, не смогли удержаться от улыбки даже сдержанные англичане.

Вопрос о способностях к языкам общественное мнение муссирует по двум причинам. С одной стороны, потому, что знание иностранных языков становится в наши дни требованием все более властным- С другой — потому, что знание языка ведет в особый мир, в который стремятся заглянуть все, кто по каким-то причинам остался за воротами. Полиглоты (многоязычные) всегда волновали фантазию своих современников и потомков. Из поколения в поколение передавались легенды, которые, к сожалению, дают не очень объективную картину об уровне знаний некогда живших «лингвистов».

Сказания говорят, например, о том, что Будда знал 150 языков, а мусульманская религиозная хроника утверждает, что Мухаммед «знал все языки» (?!). По свидетельству Авла Геллия, Митридат говорил на 25 языках.

Хорошо известно имя Пико делла Мирандола. В 18 лет он говорил на 22 языках. Гордость чехов Ян Амос Коменский не только заложил основы современного преподавания языков, но, помимо 12 европейских языков, говорил по-арабски, по-турецки и по-персидски. Венгерская нация, кроме известного уже читателям Арминия Вамбери, произвела на свет Шандора Кёрёши Чома, который владел 18 языками и создал первый в мире словарь тибетского языка.

Но пальма первенства, по-моему, без сомнения принадлежит кардиналу Медзофанти. Заслуживает он ее не только за то, что разработал чрезвычайно интересный оригинальный метод изучения языков, и не только за количество языков, на которых он говорил и объяснялся, но и за то, что не обошел такой небольшой и незначительный, а в те времена и подавно неважный, как венгерский.

Когда говорят о Медзофанти, всегда начинают спорить, на скольких же языках он говорил. Одни историки утверждают, что на 100; сам же он в 1839 году писал, что «знаю пятьдесят языков и еще болоньский». В 1846 году он говорил уже о «семидесяти восьми и нескольких диалектах». И все это он изучил, никогда не покидая пределов Италии, более того, от родной Болоньи он никогда не уезжал далее чем на 40 километров!

Родился он в многодетной рабочей семье. Еще до поступления в школу было замечено, что он безошибочно запоминал случайно услышанные на улице латинские слова; это и послужило причиной того, что его послали обучаться теологии — единственное образование, доступное беднякам.

Бесперывные войны и междоусобицы, раздиравшие Италию, наполняли госпитали Болоньи ранеными и умирающими самых различных национальностей. У их ложа Медзофанти нередко появлялся в качестве исповедника. Метод его несколько напоминал метод, которым изучал английский язык Лайош Кошут, только материалом служили не шекспировские драмы, а тексты молитв, которые он слышал на разных языках от представителей многих народов, наводнявших Болонью и которые послужили ему учебными текстами.

Молодой священник быстро приобрел широкую известность за границей, и проезжавшие через Болонью представители зарубежного клира и высокопоставленные светские лица не упускали возможности познакомиться с «удивительным каноником». Он же на все «почему» и «как» отвечал, что своими успехами обязан двум выдающимся человеческим добродетелям, которые более всего распространены среди бедняков, - энергии и терпению. Встречи с Медзофанти проходили обычно в каком-нибудь большом зале, где собирались любопытные иностранцы, он же, переходя от одной группы к другой, отвечал на вопросы на том языке, на котором они были заданы. Свидетели говорят, что он переключался с одного языка на другой без единой запинки и по просьбе посетителей писал на

разных языках эпиграммы, шуточные экспромты на книгах, рисунках, альбомах, которые ему для этой цели протягивали. Венгерскому, говорят, он научился тоже от солдат, которых судьба забросила в Италию; кое-кто утверждает, что Медзофанти мог подражать четырем венгерским говорам. Но на такие, уже поистине, фантастические слухи полагаться, конечно, нельзя. Позвольте мне как патриотке родного языка привести, однако, высказывание Медзофанти:

«Знаете ли вы, какой язык по своей комбинативности, ритму и гармонии превосходит все прочие и стоит в одном ряду с несравненными греческим и латынью? Венгерский. Мне известны многочисленные стихи новых венгерских поэтов, которые пленяют своей напевностью всякого, кто их услышит. Проследите со вниманием историю будущего, и вы станете свидетелями такого великого взлета венгерского поэтического гения, который наверняка превзойдет и мое пророчество. Видно, даже венгры не знают, какие сокровища таит в себе их язык».

А в отношении языков вообще ученый-каноник записал в своем дневнике: «Достичь того же, чего достиг я, сможет всякий, кто захочет узреть сокровенную суть языка и прилежанием своим разложит его на простые понятные каждому части, составит о них точное суждение и запечатлеет в своей памяти».

«ЯЗЫКОВЫЕ ПРОФЕССИИ»

Если кому-то кажется, что он несчастен, то психолог наверняка посоветует ему срочно завести какого-нибудь «конька». Я лицо заинтересованное, но я думаю, что тот, кто в качестве конька «оседлает» языки, по-настоящему несчастным не почувствует себя никогда. А если ему удастся добиться того, что он будет находить радость не только в езде на коньке, но и в уходе за ним, то душевное равновесие гарантировано в подавляющем большинстве всех жизненных случаев. То же самое говорит и Бернард Шоу в своем «Пигмалионе»: «Happy is the man who is living by his hobby» (Счастлив тот, кто живет своим коньком).

Каким же образом человек, интересующийся языками, может реализовать свою страсть в жизни? Считается, что знания языка требуют в массовом масштабе прежде всего три профессии – внешняя торговля, работа в системе общественного питания и обслуживание иностранных туристов, а языковыми профессиями являются преподавание языка, письменный перевод (специальной и художественной литературы) и устный перевод (линейный и синхронный). Проблемы, поставленные в нашей книжке, касаются прежде всего последних трех.

Нашей системой образования в этой области многое упущено. Регулярное языковое образование получают в Венгрии только педагоги, так что источником настоящей лингвистической подготовки может служить только профессия учителя или преподавателя вуза. Об этом недостатке уже многократно говорилось на совещаниях, в газетных статьях, указывают на него и статистические

данные. Для нас, переводчиков, совершенно ясно, что регулярная языковая подготовка необходима не только молодежи, которая стоит перед выбором профессии, но и нам, уже выбравшим профессию переводчика и заинтересованным в совершенствовании наших навыков, умений и качества работы. Финансовые, административные и педагогические проблемы, связанные с решением этого вопроса, предметом нашего разговора не являются. В рамках этой книжки нас интересует только знание языка, его изучение. Так что мне хотелось бы указать только на то, что вопреки единству требований (отличное знание языка) все три упомянутые нами языковые профессии нуждаются в самых различных знаниях и требуют таких личных качеств, которые нередко противоречат друг другу.

Мы знаем, ибо испытали на собственном опыте, что потерпеть неудачу может даже такой переводчик литературы, который располагает и отличным знанием языка, и огромным опытом, а если он возьмется за преподавание языка, то вероятность неудачи возрастет во много десятков раз. С очень давних пор принято думать, что для преподавания языка годится всякий, кто владеет данным языком. И пора бы уже рассеять это заблуждение. Знание языка ничего не значит, если оно не сочетается с педагогическими и психологическими знаниями, не дополняется соответствующим призванием. Но правило можно сформулировать и наоборот: много прекрасных педагогов и знатоков языка потерпели провал в кабине переводчика-синхрониста. Много примеров и того, что отличные переводчики-синхронисты, а тем более линейные не могли дать хотя бы более или менее читабельного письменного перевода, а в свою очередь переводчики специальной и художественной литературы, владеющие колоссальными навыками и мастерством, все еще искали подходящую форму для первого предложения, когда оратор уже поклонился и сел на свое место.... И не аргумент, что сделавшие подобные попытки потерпели неудачу из-за нехватки практики. Жизненный опыт говорит о другом: кто и на каком «языковом поприще» выступит с успехом, зависит от того, какие у него личные склонности.

Важнейшим фактором, способным показать, для какой из трех профессий мы годимся, является фактор времени. И второе: по тому, кто и как из наших коллег справляется с каждой из трех профессий, будем говорить о *переводческой*, *преподавательской* или *устнопереводческой* индивидуальностях.

Преподавателем и устным переводчиком хорошо бы работать тому, кто не склонен погружаться в себя и не боится «света рампы». После актеров представители этих двух профессий. находятся «на сцене» больше всего. Разница лишь в том, что у актера есть возможность разработать все детали своего поведения и речи заранее и разученную роль играть затем уже неделями, месяцами, годами и даже десятилетиями. А преподаватель и устный переводчик попадают всякий раз все в новые и новые ситуации, их роли «текучи». Преподавателю надо реагировать каждый раз по-новому на никогда не повторяющиеся положения и при этом определять свое поведение по ходу развития ситуации. А что касается устного переводчика, то всякий его шаг – это сама непредвиденность. Из этого следует, что

тезис, проповедуемый Костолани («речь на иностранном языке всегда компромисс») преподавателя иностранного языка касается в меньшей степени. Зато по отношению к нему строже предъявляется требование безошибочности речи.

Личность, склонная к непрестанной самокритике и неторопливому раздумью, годится, повторяю, только на роль письменного переводчика, которая намного разнообразнее, чем, скажем, преподавателя; наиболее высокий класс представителей этого труда – переводчики художественной литературы, например, никогда не позволяют себе такой роскоши, как специализация на переводе одного писателя или литературы одного стиля. И в многочисленном семействе переводчиков специальной и технической литературы тоже нет таких, которые, скажем, переводили бы книги только по машиностроению или только по искусствоведению

Помню один забавный случай из моей устной переводческой практики. На одном из международных конгрессов американский участник совещания удостоил своим посещением мою кабину с единственной целью – обратить мое внимание на то, что для перевода одного понятия я выбрала неверное слово: сказать надо было так-то и так-то. Я поблагодарила за помощь и попросила его помочь мне перевести еще одно выражение, за которое я не была спокойна. «О, извините, этого я не знаю, - ответил он, - ибо хорошо разбираюсь только в полимеризации твердых веществ; когда же они переходят в жидкую фазу, то тут я уже пас!»

Как же могут справиться переводчики художественной и специальной литературы со столь разнообразными задачами? Может быть, находятся универсальные гении? Нет. Дело в том, что тиран нашей профессии, время, питает к ним особое расположение. У них есть время искать все лучшие и лучшие решения, обращаться за информацией к справочникам, энциклопедиям, монографиям, учебникам, словарям, к уже переведенной литературе на данную тему, к специалистам, наконец. Что же касается устного переводчика, а тем более синхрониста, то он заранее продает свою душу дьяволу компромисса. На это поприще следует идти только тем, кто не страдает «перфекционизмом», боязнью несовершенства собственной продукции. Работа их будет вечным компромиссом между идеалом совершенства и беспощадными рамками времени. Это единственная область, которой – ввиду деспотичности временного фактора – не касается французская поговорка: «Le bon est l'ennemi du bien» (Лучшее – враг хорошего). Кто не способен принять хорошее вместо лучшего, соберет небогатый урожай на ниве этой самой современной и самой интересной профессии. Позвольте же мне посвятить ей отдельную главу.

О ПРОФЕССИИ ПЕРЕВОДЧИКА

История не располагает данными о самом первом представителе нашего ремесла. Насколько мне известно, впервые упоминает переводчиков в литературе Плиний, когда пишет, что в Диоскурии постоянно работало уже 130 переводчиков.

Распад Римской империи, казалось, похоронил и эту профессию, мы знаем, что на соборах католического духовенства в эпоху раннего средневековья святые отцы выступали со своими аргументами кто на латыни, кто на греческом, кто на древнееврейском и, говоря одновременно, не могли ни понять, ни убедить друг друга...

Когда вновь завязались торговые отношения между Востоком и Западом, наши предки-переводчики снова стали входить в милость. Ко двору султанов приходили внешнеторговые посредники, знающие западные языки, - «драгоманы»; название это, вероятно, происходит из древнеарабского «тарджуман» (посредник) или англосаксонского «друг герман» (слуга, работник). День поработав на синхроне, я склонна думать, что верна, скорее, вторая этимология.

А. Наима в своей книге «Annals of Turkish Empire» упоминает одного-единственного драгомана, который говорил на четырнадцати языках и который, кстати, был венгром.

Сейчас уже странно слышать, что в эпоху Возрождения профессия устного переводчика расцвела потому, что венецианские и генуэзские князья не понимали языков друг друга и говорить могли только через переводчика. Как в свое время скульпторы и художники, наши предки-переводчики имели своих меценатов и порою входили в число придворных. Но меценатство оказывалось больше гнетом, чем покровительством. И если художники стали освобождаться от него в начале прошлого века, то устные переводчики – только столетием позже. В начале нашего, двадцатого века переводческая профессия родилась заново как независимое поприще, как восьмая сестра семи свободных искусств («septem artes liberales»). Однако приличествующую ей роль она обрела, а точнее, стала обретать, когда после второй мировой войны стали вырисовываться перспективы мирного сосуществования народов. Этот исторический поворот принес с собой прежде всего количественные изменения. До сих пор регулярные международные отношения осуществлялись посредством дипломатических корпусов, у которых был общий язык – французский. Интересный факт: после крушения наполеоновской империи на Венском конгрессе, в 1815 году, переговоры о способах изживания французского влияния представители Священного союза вели на французском языке.

Через 130 лет, в 1945 году, человечество стало искать возможности сотрудничества в политической, экономической и культурной областях по столь многочисленным и разнообразным вопросам, что положение переводчика решительным образом изменилось. От ведущих переговоры не всегда было возможно требовать, помимо профессиональных знаний, соответствующих им знаний языковых.

Потребность в переводчиках уже не могли удовлетворить те женщины и мужчины, которые говорили на двух или трех языках по стечению личных обстоятельств. Началась планомерная подготовка переводчиков в специальных школах, разновидностей которых насчитывается в настоящее время много. В настоящее время нет такого крупного или среднего города в Европе, который не гордился бы своей переводческо-языковой школой или кафедрой при университете или институте. Профессия переводчика, за исключением ряда стран, стала наиболее хорошо оплачиваемой. И неудивительно: ведь она требует от человека предельного напряжения всех его душевных сил и умственных способностей, сопряжена с огромной ответственностью и зачастую полностью лишает переводчика права принадлежать себе; к усилиям и волнениям, связанным с этой деятельностью, невозможно привыкнуть, несмотря на самые замечательные навыки.

Общественное мнение, как правило, не проводит резкой дифференциации внутри лагеря устных переводчиков. У нас в Венгрии вплоть до Освобождения, то есть до 1945 года, многие думали, что «все крестьяне одинаковы», и лишь в период социалистического преобразования деревни «обнаруживалось», что есть бедняки, середняки и кулаки, что есть крестьяне овощеводы, хлеборобы, скотоводы и т.д. Распространенным заблуждением является также стричь под одну гребенку сопровождающих (линейных) переводчиков, переводчиков-«дипломатов» (ведущих различные двух- и многосторонние переговоры) и переводчиков-синхронистов (работающих в специально оборудованных кабинах на международных совещаниях, конференциях и съездах). А ведь ко всем ним предъявляются очень разные требования, велика разница и в оплате их труда, по крайней мере должна быть достаточно велика. Переводчиков-сопровождающих привлекают различные организации, принимающие иностранных гостей, так что в их обязанности входит, собственно, обслуживание гостей. Что же касается переводчика-гида (еще одна разновидность!), то работу его может выполнять только тот, у кого есть специальное удостоверение, свидетельствующее о достаточной подготовленности (политической, исторической, экономической, географической и т. д.), то есть свидетельство об окончании специальных курсов, о сданных экзаменах. Переводчики-гиды, как никакие другие, являются в глазах иностранцев полпредами своей социалистической родины, ее пропагандистами, умелыми, искушенными, знающими, обладающими широкой эрудицией. Всем известна человеческая страсть к обобщениям даже в тех случаях, когда обобщение неоправданно: по нескольким, а то и по одному человеку судят порою о целых народах, их быте, укладе, характерных особенностях их политико-экономической системы. Не удивительно, что к переводчику-сопровождающему, переводчику-гиду мы предъявляем максимально высокие личные, политические и профессиональные требования.

От так называемых переводчиков-«дипломатов» требуется глубокое, детальное знание какой-то специальной области. Переводят они, как правило, «последовательно», то есть | паузах между

отдельными предложениями или более или менее законченными частями предложений, произносимых иностранцем. Кроме знания языка и профессиональных знаний, они должны владеть еще одним навыком — так называемой «ретентивной», удерживающей память, подкрепленной умением делать по ходу перевода необходимые записи особо сложных по смыслу мест. Этому учат в переводческих школах.

В целях экономии времени на международных совещаниях пользуются системой синхронного, то есть одновременного, перевода. Суть этой системы заключается в том, что переводчик находится уже не рядом с соответствующим делегатом, а где-то вдали от него, в своей пространственно и акустически изолированной языковой кабине, оборудованной микрофоном, наушниками со звукоизоляторами (чтобы не слышать собственного голоса, точнее, чтобы собственный голос по возможности не заглушал голос оратора, подаваемый в наушники). Синхронист говорит одновременно с оратором, отставая от него лишь на несколько слов. Идет в наушники иностранная речь, синхронист переводит ее на родной язык (в это время все остальные кабины соединены с микрофоном «ведущей» в данное время кабины, и перевод ведущего вновь переводится на все прочие языки конференции, а затем идет в зал, в микронаушники делегатов). Пошла в наушники родная речь — либо из зала, от оратора, либо из какой-то другой языковой кабины, ставшей в свою очередь ведущей,— синхронист переводит ее на «свой» иностранный язык. В помещениях, где нет кабин, пользуются переносными микротелефонными аппаратами, так называемыми «шепталками».

Синхронный перевод — одна из наиболее интересных и наиболее современных языковых профессий, и родился он опять-таки сравнительно недавно. Считается, что местом и временем его рождения стал судебный процесс над фашистскими военными преступниками в Нюрнберге.

Синхронный перевод получил дальнейшее развитие с совершенствованием радиотехнического и электронного оборудования, а также с ростом уважения к суверенитету народов: признано необходимым дать возможность делегату любой страны на любом международном форуме говорить на родном языке, даже если он владеет одним из четырех-пяти «мировых» языков.

К сожалению, находятся еще люди, которые при всем почтении к письменному переводу, и особенно переводу художественной литературы, считают устный перевод делом пустяковым, не требующим никаких особых умений и навыков, а тем более умственных способностей. Конечно же, переводчику вовсе не обязательно вникать в переводимую им речь. Многие переводчики, блестяще владеющие языком и навыками мгновенного схватывания и грамматико-стилистической передачи фразы, сумевшие, как мы говорим, приобрести «вторую память», действительно в состоянии почти полностью отключиться от содержания звучащего текста. Но психического, умственного напряжения, как вы уже, наверное, поняли из вышесказанного, это не снижает. Медицинские эксперименты установили, что во время работы пульс синхрониста достигает 160 ударов в минуту, что на 20 ударов больше, чем у

штангистов в момент – только в один момент – поднятия тяжести, а энцефалограмма показывает необыкновенное и, по мнению некоторых специалистов, предельное сосредоточение центров мозга в одну-две ярчайших доминанты. После 15-20 минут работы в кабине загнанный мозг, властно требуя отдыха, включает охранительное торможение – наступает «мертвая точка», когда либо необходимо сделать усилие воли, либо уступить. Поэтому на конференциях переводчики работают «экипажами» - от 2 до 4 человек на кабину. Чем меньше переводчиков на кабину, тем больше нагрузка на каждого, тем больше требуется уже не профессиональных, не языковых, а личностных качеств. Это момент психологический. Что же касается лингвистического момента, то профессия переводчика-синхрониста настолько нова, что еще никто не дал исчерпывающего анализа способов, методов и возможностей синхронного перевода. А он в настоящее время является высшей формой устного перевода.

У этой формы перевода есть свои внутренние, так сказать, интратрудности, которые невозможно преодолеть *только* знанием языка или *только* знанием темы. Гораздо важнее навык, с помощью которого *мысль* – да простят мне специалисты эту профанацию психологии, нейрофизиологии и психиатрии, *вырываясь из цепких объятий языка-источника, начинает лихорадочное переосмысление в лексические, синтаксические, фонетические и стилистические формы целевого языка.*

Работу переводчика-синхрониста затрудняет еще и тот факт, что ораторы порой не владеют в достаточной мере культурой речи: неправильно строят фразы, не заканчивают их, торопятся, не выговаривают точно звуки, сложно и путано говорят о простых вещах и так далее. «По Сеньке и шапка» - гласит русская поговорка: если речь такого оратора переводится плохо (плохо понятие в переводе обширное: неполно, неточно, путано, грамматически и стилистически нечисто), то жаловаться оратор может только на себя. В надежде на то, что среди читателей этой книги найдутся настоящие и будущие ораторы, позвольте воспользоваться случаем и передать от имени всех переводчиков-синхронистов несколько просьб:

1. выступая, не спешите, тщательно выговаривайте все слова, заканчивайте все фразы, которые начали, говорите по возможности с выражением (что позволит нам прогнозировать ваши последующие слова, а также выбрать нужную грамматическую конструкцию или стиль);
2. если вы говорите экспромтом, не стремитесь подражать стилю письменной речи, говорите просто, не бойтесь повторений одних и тех же слов, не бойтесь показаться некрасноречивым;
3. если же вы тщательно, еще до заседания, сформулировали свои мысли на бумаге, то пусть ваша речь и в этом случае будет похожа не на газетную статью, а, скорее, на запись беседы, пусть стиль ваш будет разговорным, а не письменным, ибо ваша речь будет произноситься; а если ваши мысли не позволяют одеть их в простые формы, если вы еще не научились дисциплинировать свое прочтение, то дайте в каждую кабину копию вашего выступления, ведь

вы говорите по бумажке, а переводчик должен импровизировать; начинается невидимая, незаметная для непрофессионального уха борьба между переводчиком и оратором, в которой переводчик всегда проигрывает, а если и выигрывает, то с такими потерями, что иногда оказывается не способен эту борьбу продолжать.

Большую трудность синхронного перевода по сравнению со спонтанной речью позвольте проиллюстрировать примером. На размышление даны доли секунды; чаще всего переводчик оказывается в «чистом минусе»: ему надо *отгадать*, как прозвучит через 1-2 секунды то, что он переводит *сейчас*, куда повернет оратор.

Возьмем какое-нибудь предложение, которое надо перевести на иностранный язык. Допустим такое: «Соли, растворимые в воде, *не* годятся для производства этого лекарства, используемого главным образом в ветеринарной практике».

Как и во всяком сообщении, в этом предложении есть ключевое слово, которое выражает суть высказывания, *новый элемент*, содержащийся в нем. Нечто, чего не знает не только переводчик, но и специалисты, заслушивающие это сообщение. Нечто, что и в вузах только еще будут изучать, и, возможно, как раз после данного совещания или конгресса. В нашем предложении непрогнозируемым заранее элементом, сутью является слово «не». В русском предложении оно стоит на пятом месте. А если переводить то же самое с немецкого, да еще синхронно, вместе с оратором? Немецкий текст будет звучать примерно так: «Wasserlösliche Salze eignen sich zur Herstellung dieses, hauptsächlich in der Veterinärmedizin verwendeten Medikaments *nicht*».

Суть сообщения, ради которой говорит оратор, заключенная в словечке «nicht», стоит в предложении на *последнем* месте, и даже не просто на последнем, а на *четырнадцатом!*

Лучше всего, конечно, подождать, пока не прозвучит это злосчастное «не», а потом уже переводить. Но в практике перевода это не всегда осуществимо, ибо в частях, предшествующих ключевому слову, может содержаться много цифр, технических выражений, которые нельзя доверять памяти, а лучше всего выговорить их как можно скорее. Кроме того, останавливаться, замолкать можно только оратору. Молчание оратора воспринимается примерно так: «Какой серьезный человек, он чувствует ответственность не только за высказывание, но и за его форму!» Если же замолкает переводчик, то делегаты, находившиеся до сих пор в полуубаюканном состоянии, тотчас встревоживаются: «Ну и лоботрясы же сидят там, в кабинах, спят они, что ли?»

Так что если ключевое слово еще не подоспело, что не молчите и не говорите околесицу, а, умно выжидая, вставляйте «набивочные выражения», о которых мы говорили в главе о заучивании лексики. Таких выражений можно набрать на целый словарь. Этот международный прием переводчиков-

синхронистов не «запрещенный прием», тем более что ораторские выступления, как правило, содержат подобных выражений куда больше, чем любая другая речь.

Порядок слов, как известно, в разных языках неодинаков. С немецкого переводить трудно потому, что в этом языке преобладают чрезвычайно длинные предложения, называемые «коробочными» (Schachtelsätze), потому, что из-за вынесения на последнее место в придаточных предложениях глагольной части сказуемого, в главных предложениях – приставки и отрицания, а в составных глагольных конструкциях – основной части предложения как бы вкладываются друг в друга. Надо добавить сюда еще длинные распространенные определения, стоящие перед определяемым словом, и мы получим картину стиля, который считается «научным» и как бы придает вес словам говорящего. То, что в немецком – вопрос стиля, в японском, например, - единственная возможность! Этот язык вообще не знает придаточных предложений.

Синхронный перевод – работа бригадная. Партнер по кабине не только подменяет своего товарища, когда тот устает, но и помогает ему в переводе, в поиске нужных выражений; синхронный перевод – это взаимная моральная поддержка, умение ободрить друг друга, создать общее спокойное, веселое настроение в кабине.

При описании красот и трудностей нашей работы позвольте мне указать еще на один фактор.

Международные встречи стали ныне будничными формами технического, экономического, научного и политического сотрудничества. Крупные международные организации, такие, как СЭВ, ЮНЕСКО, Международный таможенный союз и многие, многие другие, созывают свои совещания ежегодно.

Ежегодно собираются ассамблеи многочисленных отраслевых международных объединений, профсоюзов, организуется бесчисленное количество встреч для обсуждения вопросов политической и экономической жизни между представителями социалистических стран. Участники таких совещаний не только уже давно знают друг друга в лицо, но знакомы и с характером подхода отдельных лиц к различным вопросам, с их мнениями относительно общих проблем. Беда только в том, что последняя конференция по данной теме прошла в Барселоне, предыдущая – в Ленинграде, а нынешняя проходит в Будапеште. Вопрос имеет свою историю. каждый из этапов которой переводили разные переводчики. И теперь бедный венгерский переводчик мучается, пытаясь найти концы идущего спора...

Преодолеть эти многочисленные трудности, как всегда, помогает любовь к профессии. Своим горьким хлебом мы гордимся. Есть у нас только одна-единственная просьба, скорее, пожелание, обращенное к тем, кому мы так верно служим, - специалистам: не считайте нас «необходимым злом».

ОТ ТРОПИКА РАКА ДО СЕВЕРНОГО ПОЛЯРНОГО КРУГА

Жизнь переводчика поучительна и богата впечатлениями, то радостными, то заставляющими задумываться. Наверное, нет такой краски, которая отсутствовала бы на палитре переводческой профессии. Бывало, что мое ремесло казалось мне утомительным, но скучным – никогда.

Сейчас мне часто вспоминается одна новелла Мора Йокаи, которую я впервые прочла еще в детстве. Героиня ее — русская девушка, которой вместе с подругами удалось бежать с царских оловянных копей. Без воды и пищи группа беглянок странствует по Сибири, по бездорожью; в отчаянии просят они помощи у всевозможных богов. И вдруг они натываются на заброшенную могилу. Девушка бросается перед ней на колени и восклицает: «О дан олик пюкатидель волапюкен!» (Цитирую по памяти, может быть, неправильно. Если кто знает волапюк, прошу исправить.) Другие тоже становятся на колени, думая, что их подруга обратилась к новому, более мягкосердечному богу. Но девушка возносит хвалу своему учителю, который занимался с нею волапюком — этим международным искусственным языком: надпись на могиле, сделанная на волапюке, в точности описывает путь, ведущий из тайги. Маленькая группа беглянок спасена.

И я тоже бесчисленное количество раз превозносила в мыслях ту невидимую руку, которая вывела меня на широкую и радостную дорогу изучения иностранных языков. Даже если и не говорить о преисполненных радости часах вольного бродяжничества, то сколько удивительных событий и впечатлений найдено мною за воротами, ведущими в большой мир! Я побывала почти во всех странах Европы, в большинстве стран Азии, во многих странах Африки, а также в Северной и Центральной Америке. В мае 1969 года я была в районе тропика Рака, а в августе перешагнула Северный Полярный круг на территории Финляндии.

Когда я достигну того возраста, когда даже человек с таким тренированным артикуляционным аппаратом, как фонетист, половину всех звуков будет произносить одинаково, то эти воспоминания будут согревать мое одряхлевшее сердце.

Когда меня начинают расспрашивать о впечатлениях, я вспоминаю три встречи. Расскажу о них в хронологическом порядке.

В 1959 году вместе с венгерской делегацией я побывала в Ханое. Одним из пунктов программы была встреча с Фам Ван Донгом, премьер-министром ДРВ. Прием был рассчитан на 10 минут, и я думала, что беседа будет проходить в «общепроточном» духе. Однако все произошло не так. Премьер-министр по очереди и по имени обратился ко всем присутствующим с просьбой рассказать, что интересного и достойного удержания в памяти видели члены венгерской делегации во Вьетнаме, а также какие заметили недостатки, которые необходимо исправить. Встреча растянулась на час. Фам

Ван Донг внимательно слушал, расспрашивал, и во мне росло ощущение, что все мы присутствуем на уроке истории.

На другой встрече речь шла не о настоящем, а о прошлом, о самом отдаленном прошлом человечества, скрытом от нас в туманной дали многих веков, – о зарождении жизни на Земле. Признанными экспертами в этом вопросе являются советский академик А. И. Опарин и англичанин Дж. Д. Бернал. Оба ученых встретились в Венгрии. Мне повезло: их беседу переводила я. Я была потрясена не только их головокружительной эрудицией, но и чувством юмора. По одному из вопросов Бернал никак не мог принять аргументы своего собеседника. «Давайте сойдемся в таком случае на том, что мир создан богом!» – воскликнул он. «Или на том, что жизни на земле нет!» — отпарировал Опарин. Прощаясь с ними, я попросила разрешения задать один вопрос. «Не стесняйтесь!» — подбодрили они меня. Я обратилась к профессору Берналу, который, как мне было известно, считается крупным специалистом по машинному переводу, и попросила, чтобы он не спешил совершенствовать установки машинного перевода, ибо мы, переводчики, останемся тогда без хлеба. Он рассмеялся и утешил меня тем, что машинный перевод еще долго не сможет заменить человеческий, и в доказательство этому рассказал следующую историю.

Машина перевела на русский язык английское предложение «Out of sight, out of mind». В переводе на немецкий оно значит «Aus den Augen, aus dem Sinn», а по-русски – «С глаз долой – из сердца вон». И так как машина есть машина, то, переведя первую часть фразы «вне поля зрения», она аналогично перевела и вторую часть предложения — «вне памяти». При проверке русский перевод запустили вновь в машину, получили обратный перевод на английский: «Invisible idiot» («невидимый идиот»).

Многие спрашивают, почему переводчиков не так много, раз эта профессия столь интересная.

Объяснение этому, мне кажется, очень простое: слишком много всевозможных требований, предъявляемых к переводчику. В первую очередь от него требуется молниеносно мыслить, быть при этом невозмутимо спокойным, обладать хорошей нервной системой и желанием постоянно учиться.

30-40 раз в году переводчик «сдает экзамен» перед международной комиссией по таким далеко отстоящим друг от друга предметам, как диагностика опухолей мозга и применение математических моделей в сельском хозяйстве, механические свойства материалов, подвергнутых нагреванию, и перспективы развития алеаторной музыки.

То, что задача значительно труднее, чем представлялось, выясняется зачастую только в переводческой кабине. Позвольте мне по этому поводу рассказать один случай. Когда я еще только начинала свою карьеру переводчика-синхрониста, я входила во французскую кабину, стуча от волнения зубами.

Сильнее всего я боялась, конечно, в первый раз, и мне было очень приятно увидеть, что мой коллега по кабине — человек решительный и спокойный. Он сказал, что организаторы прислали его помочь мне, если я не выдержу, и исправлять меня, если буду ошибаться. К своей благородной задаче он приступил

сразу же. Едва я только пролепетала первое предложение «Nous saluons les délégués de tous les coins du monde...», как он нажал на кнопку отключения микрофона и заметил: «Товарищ, так говорить нельзя. Земля круглая, и у мира нет углов». После двух-трех таких «замечаний» я предложила ему поменяться местами — пусть переводит он, ибо и материал, и язык он, очевидно, знает лучше меня. «Правильно, — сказал он, — я спущусь сейчас к организаторам и объявлю о замене». Он ушел и не возвращается вот уже лет 10-15.

Вступительное слово и приветствие бывают обычно шаблонными и служат хорошей разминкой переводчику. И все же самые мучительные воспоминания связаны у меня именно с ними. На международной конференции в Стокгольме я попала в русскую кабину. Председатель открыл совещание приветствием младшему брату короля, присутствовавшему в зале. В других кабинах уже давно прозвучало: «Your Royal Highness...», «Königliche Hoheit», «Votre Altesse Royale...», - а я все еще мучительно молчала, забыв, как будет это по-русски («Ваше королевское величество»).

Мучение приносит переводчику иногда тема, а иногда и сам оратор. Примером может быть случай, происшедший с одним из наших орнитологов в Германии. Его пригласили для чтения лекции, а в качестве переводчика дали венгерского студента, обучающегося в Германии. Был показан диапозитив, прозвучали первые слова: «Этот угод имеет двойной ряд оперения, а также хохолок, который может быть поднят или прижат назад...» За этим объяснением перевода не последовало, наступила мертвая тишина, переводчик явно мучился и вдруг в отчаянии воскликнул: «Ну, в общем, птица!»

Другая история случилась, к сожалению, со мною. Тогда я впервые в жизни переводила на японский. Делегацию мы встретили на аэродроме. Нашу группу возглавлял один из наших популярных, но известных цветистостью речи политических деятелей. В то время моих знаний едва ли хватало на большее, чем сказать «Япония — хорошо, Венгрия — хорошо, да здравствует!», но предложение, которое было призвано открыть мою карьеру переводчика-япониста, звучало примерно так: «Черное облако раздора напрасно будет стремиться омрачить небосвод дружбы, раскинувшийся над японским и венгерским народами!»

Иногда переводчика заставляют мучиться не только тема или оратор, но и сам язык. Я уже говорила об одной из трудностей немецкого языка, заключающейся в том, что утверждение или отрицание фразы можно найти только в ее конце. Нижеследующая «история» добавлена в коллекцию анекдотов о нашей профессии Марком Твенем. Знаменитый американский писатель путешествовал по Германии и однажды пожелал посмотреть в театре историческую драму. Так как немецкого он не знал, то посадил переводчика рядом с собой. Зажглась раampa, взлетел занавес, и на сцене появился главный герой.

Прекрасный голос его звучал уже несколько минут, но переводчик не произнес еще ни слова. «Почему вы не переводите?» - толкнул его в бок Марк Твен. «Пожалуйста, тише, - прошептал тот, - утверждает все это или отрицается, должно выясниться только сейчас!»

Из-за этого отругали однажды одного из наших лучших немецких переводчиков. Оратор, которого надо было переводить, пустился в цветистые дебри грамматических конструкций, и наш бедный коллега напрасно пытался уцепиться хотя бы за один из глаголов. «Почему вы не переводите?» — спросили у него. «Жду конца», — ответил тот. «А вы переводите, пожалуйста, не конец, — взъелся оратор, — а все, что я говорю!»

Следующий пример детям моложе шестнадцати лет рассказывать и читать не рекомендуется.

Несколько лет назад мне позвонили по телефону из одного министерства с просьбой поработать с чрезвычайно важным японским гостем. Надо было ехать в гостиницу и попытаться развлечь гостя, пока не придут представители министерства. Я поспешила в гостиницу. Меня принял молодой на вид, скромный в обращении сухопарый человек. Я приступила к тому, что мне предписали. Спросила, в чем заключается цель его визита в Венгрию. Он ответил японским словом, которого я не знала. Я попросила написать иероглиф этого слова. Он отказался, сославшись на то, что иероглиф слишком сложен. Однако он вспомнил, что где-то у него записан английский перевод этого слова. Он вынул из кармана бумажку, на которой было написано одно-единственное слово: SEXING.

Потом сразу же спросил, какой сумме форинтов соответствует чрезвычайно крупная сумма в долларах, которую выплачивает ему венгерское государство за эту деятельность...

Объяснение я получила только от нашего представителя, прибывшего на встречу. Наш японский гость был специалистом по половому отбору однодневных цыплят. А задача, которую он решал, состояла в предварительном отделении неценных — с точки зрения птицеводства — петухов от кур.

Описанием забавных оговорок и ошибок, делаемых переводчиками, можно было бы заполнить целые страницы...

ЧТО БУДЕТ С ТОБОЮ, ЯЗЫК?

И вот опять мы забрели в область футурологии, и опять нам необходимо оглянуться на прошлое.

Известно, что человечество говорило на разных языках в самом отдаленном известном нам периоде цивилизации, за много тысяч лет до нашей эры. Римские легионы на остриях своих копий принесли на завоеванные территории латинский язык. Сохранившиеся документы, высеченные на всевозможных плитах надписи говорят о том, что латынь была официальным языком в самых отдаленных уголках гигантской Римской империи. Просто голова кружится, если представить, что и в Лузитании, и в Месопотамии, и в Нумидии призывали население платить соляной налог теми же словами, что и население Паннонии – нашей нынешней Венгрии.

После развала империи от этого международного языка произошли так называемые романские языки: итальянский, испанский, португальский, французский, каталанский, провансальский, молдавский,

румунский. Но прежде, естественно, сложились романские диалекты, которые развились затем в самостоятельные языки.

Тот, кто занимается историей языков, пишет по существу, хронику человечества. Но и такая книга может дать лишь бледное представление о захватывающей истории жизни и смерти языка, точно так же как и учебник по океанографии – о подводном мире или книга о вкусной и здоровой пище — о вкусовой оргии описанных блюд.

В ходе истории языки то активно взаимодействуют, то не соприкасаются друг с другом. По моему мнению, процесс «интеграции» между языками в наше время становится неуправляемым. Когда-то высокая гора, быстрая горная речка могли стать непреодолимым препятствием на пути человека. И тогда языки двух соседних племен настолько удаляются друг от друга, что представители этих племен могут вести беседу только через переводчика. Сегодня же по радио человеческий голос протает над океаном за доли секунды. Так что в современных условиях языковая изолированность кажется анахронизмом. Я думаю, мое пророчество исполнится: нашим внукам, кроме своего родного языка, надо будет хорошенько знать русский и английский.

Во многих отраслях науки и техники английский язык уже в наше время становится «эсперанто науки». Благодаря простой морфологии, коротким словам он действительно может быть использован специалистами со всех концов Земли как средство общения. Иногда меня занимает мысль: что думает про себя англичанин, когда в его присутствии норвежец и югослав обсуждают некую научную проблему, отлично понимая друг друга, хотя он, англичанин, никак не уразумеет, как же они это делают при помощи английского. Нередко меня спрашивают: «Какой самый распространенный язык на Земле?» Обычно я отвечаю: «Ломаный английский».

Русский язык стал мировым благодаря своему богатству, значению классической литературы, созданной на этом языке, благодаря богатой технической литературе. Ни одному языку в мире не удавалось мирным путем распространиться на таком пространстве. Теперь и в Скандинавских странах, и в Швейцарии, и в Америке, и в Австралии изучают русский язык в университетах. Один мой знакомый физик из Лондона решил приобрести книги по своей специальности, переведенные с русского на английский и изданные в Англии. Но они оказались такими дорогими, что он тут же записался на курсы русского языка. Он высчитал, что так ему обойдется дешевле.

Сближение языков не означает отмирания каких-то языков. Язык – это жизнь нации. В конце 1945 года агрессоры, потерпев поражение в войне, занялись самокритикой. Один японский публицист, кивая на какую-то «отсталость японского языка», предложил всей нации язык этот отбросить и забыть, а всем перейти на один из европейских языков, например французский... Я содрогнулась от этой мысли: будто весь народ готовится совершить харакири, то есть выбрать «достойную уважения смерть».

Человек лишь в том случае чувствует себя близким к своему родному языку, когда он знает иностранные. Гёте однажды сказал: «Кто не знает иностранных языков, о своем не знает ничего». Передовым отрядом борцов за единый мировой язык были составители искусственных языков. Многие слышали о волапюке, создатель которого Иоганн Мартин Шлейер заявлял, что в таком едином мировом языке не должно быть некоторых языковых явлений, как, например, звук «р» или слог, оканчивающийся на согласную (закрытый слог). И на самом деле, для китайца, предположим, эти явления необычны.

Таких искусственных языков было создано достаточно много, так что в Париже собралось представительное жюри, которое и выбрало из них наиболее совершенный. Им оказался язык эсперанто, разработанный Л. Заменхоффом (Варшава). Это самый распространенный в наши дни искусственный язык, он популярней, чем «идо», который представляет усовершенствованную форму эсперанто.

Было бы наивно полагать, что с принятием всеми какого-то одного общего языка исчезли бы и все духовные различия между различными народами. Замкнутые англичане и «свойские парни» американцы говорят практически на одном языке, но национальный характер заметно проявляется в различном их поведении. Конечно, не всякий итальянец горяч, не всякий немец аккуратен, однако существует нечто, будь то исторические, географические, климатические факторы, что заставляет нас все-таки говорить о каком-то стереотипе в поведении отдельных представителей того или иного народа. С так называемым «национальным характером» мы встречаемся на каждом шагу.

До тех пор пока человечество не созреет настолько, что примет на вооружение один или два международных языка, нас, изучающих языки, ждет благородная задача – возводить языковый мост между народами, сближать их. При написании своей книжечки я преследовала только одну цель: показать, что строительство такого моста состоит не только из таскания кирпичей. Оно может приносить радостное удовлетворение, когда мы наследуем знания наших предшественников, когда мы можем удовлетворить нашу жажду знаний.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я не могу лучше отблагодарить тех, кто терпеливо бродил со мной в мире языков, не могу найти более красивые слова, чем слова Цицерона из его «Pro Archia poeta»:

«...эти занятия дают пищу юношеству, восхищают стариков, счастливые жизненные обстоятельства делают еще прекрасней, в беде предлагают убежище и утешение, не мешают на форуме, с нами проводят ночь, с нами путешествуют и с нами удаляются в деревню».
